Ч 108/114

Священникъ Ѳеодосій Ивановъ.

И 108/114
801-89
5283-2

ЦЕРКОВЬ

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ ЭПОХУ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

НА РУСИ.

ГЛАВН. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф.31-2204

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1906.

Печ. дозволено Кіевск. Духовнымъ Цензурнымъ Комитетомъ. Кіевъ. 1906 года.

2007081683

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ЦЕРКОВЬ

въ эпоху смутнаго времени на Руси.

Предисловіе.

Отъ крещенія въ купели русскаго Іордана, въ струяхъ Днѣпра, въ теченіе девяти вѣковъ и до сего дня русскій народъ смотрѣлъ съ полною вѣрою и искреннимъ убѣжденіемъ на свою Православную Церковь, какъ на свою чадолюбивую, одаренными свыше могучими, непреодолимыми силами, мать, какъ на вѣрную руководительницу и самую сильную помощницу на всѣхъ путяхъ его жизни. То былъ и есть для него тотъ кокошъ, который училъ и учитъ его, какъ питаться зернами тѣхъ Божественныхъ глаголовъ, которые имѣютъ обѣтованія живота временнаго и вѣчнаго; то былъ и есть для него тотъ кокошъ, подъ крыльями котораго онъ согрѣвался и согрѣвается самою животворною теплотою, укрывался и укрывается отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Вся наша исторія подтверждаетъ, что Православная Церковь была для русскаго народа и царства зиждительною силою, щитомъ и огражденіемъ [1])....
Безспорно признаваемый исторической наукою фактъ благотворнаго вліянія Церкви на судьбы нашего отечества не отрицается даже тѣми, кто говоритъ, что не только откровенно теологическое, но и откровенно метафизическое

[1]) Палимпсестовъ.—За истину и правду—стр. 29.

доказательство преимущества духовной культуры предъ матеріальной, давно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ людей, стремящихся къ достиженію научнаго знанія. Высказавшійся такъ, Милюковъ говоритъ, что культурное вліяніе Церкви и религіи было безусловно преобладающимъ въ исторической жизни русскаго народа [1]). Проходя красною нитью чрезъ всю нашу исторію, значеніе Церкви особенно ярко обнаруживалось въ тѣ моменты, когда правильная государственная жизнь парализовалась какими-либо обстоятельствами, разлагавшими государственный организмъ. Церковь въ такіе моменты являлась силой, оживотворявшей разлагающееся государство. Особенно такое вліяніе Церкви обнаружилось въ смутное время, когда государство, казалось, окончательно погибло. Церковь спасла государство въ это время отъ распаденія. Этотъ фактъ является настолько очевиднымъ, что оспаривать благотворное значеніе церкви въ смутное время, значитъ называть бѣлое чернымъ. И нужно отдать честь нашей исторической наукѣ, что значеніе Церкви Православной въ это время разработано при блестящей разработкѣ вообще всей этой эпохи. Изучая вопросъ о значеніи Церкви въ это время, мы можемъ найти обиліе исторической литературы. Поэтому писать объ этой эпохѣ и въ частности изслѣдовать вопросъ о значеніи Церкви, казалось, значило-бы повторять старое, чужое, черпать готовый, прекрасно разработанный матеріалъ, быть только компиляторомъ, не давая ничего хотя сколько либо полезнаго для науки. Да, такъ представляется дѣло, если ставить задачей исторіи только объективное изложеніе фактовъ, открытіе новыхъ данныхъ на основаніи вновь открытыхъ источниковъ. Но кромѣ этого, исторія можетъ

[1]) Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. II, стр. 2, 5.

идти нѣсколько впередъ и давать истину и при чисто идейной работѣ, когда уже изслѣдованное другими съ фактической стороны получаетъ новое освѣщеніе съ идейной стороны. „Безпредѣльное развитіе исторической науки, писалъ покойный Кояловичъ, обусловливается не только болѣе или менѣе полнымъ и основательнымъ изученіемъ фактовъ, но и смѣняющимся освѣщеніемъ ихъ. Не признавать этого и ожидать полной объективности,—значитъ идеализировать дѣло, и идеализировать вредно, особенно у насъ. У насъ отнюдь нельзя пожаловаться на избытокъ субъективнаго освѣщенія историческихъ явленій; напротивъ, справедливѣе можно жаловаться на недостатокъ этого освѣщенія, на непроглядный туманъ, покрывающій необозримую массу фактовъ нашей исторіи. Наши историки страдаютъ прежде всего вольною или невольною неохотой освѣщать изученное, и множество основательнѣйшихъ выводовъ пропадаетъ въ чернякахъ ихъ трудовъ, а чаще въ ихъ головахъ съ ихъ смертію. Ихъ преемники ничѣмъ изъ этого не пользуются и должны вновь работать для облегченія надъ сырымъ матеріаломъ. Наука замедляется въ своемъ развитіи, общество позже усвояетъ взгляды, которые должно-бы усвоить давно“ [1]). ..

По отношенію къ затрагиваемому нами вопросу о значеніи церкви въ смутное время нужно сказать слѣдующее: „Въ нашей исторической литературѣ есть одинъ существенно важный пробѣлъ, именно: у насъ не появлялось труда, который поставилъ-бы предметомъ изслѣдованія значеніе Церкви, какъ таковой, т. е. какъ духовнаго организма, проникнутаго своимъ особымъ жизненнымъ началомъ. А между тѣмъ глубокая религіозность русскаго народа сослужила службу государству въ эпоху

[1]) Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія,—стр. 434—435.

всеобщей разрухи именно этою своею стороною. Въ то время, какъ подъ давленіемъ расходившихся страстей устои государства рушились въ самомъ основаніи своемъ, жизненное начало Церкви оставалось крѣпкимъ и нерушимымъ. Временно ослабленное въ своемъ проявленіи, благодаря крайне неблагопріятно сложившемуся стеченію обстоятельствъ, церковное начало, какъ-бы выждавъ благопріятный моментъ, опять выступило съ своей умиротворяющей и объединяющей силою, которое и возродило разрушенное государство, не находившее, какъ казалось, средствъ для спасенія" [1]). Такимъ образомъ, вопросъ о значеніи Церкви въ смутное время можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія. Оно не можетъ ставить себѣ задачей дать что-либо новое съ фактической стороны, такъ полно разработанной. Задачей такого изслѣдованія можетъ быть выясненіе того, что въ смутное время Церковь проявила свое жизненное начало, дѣлающее ее духовнымъ организмомъ. Анализъ фактовъ дѣятельности Церкви въ смутное время показываетъ, что не простая вспышка религіознаго чувства у народа спасла государство, но та живая сила, которая вѣрующихъ соединяетъ не въ механическую группу отдѣльныхъ единицъ, но въ живой организмъ, дѣлаетъ вѣрующихъ церковью-тѣломъ Христовымъ. Къ такому, именно, выводу пришли мы, изучивъ дѣятельность Церкви въ эпоху смутнаго времени.

Такую именно задачу и беремъ мы на себя смѣлость поставить нашимъ изслѣдованіемъ—выяснить значеніе въ смутное время Церкви, какъ духовнаго организма, проникнутаго своимъ особымъ жизненнымъ началомъ. Являясь, поэтому, по преимуществу работой идейнаго характера, нашъ трудъ со стороны фактической компилятивенъ.

[1]) Проф. В. З. Завитневичъ.—Протоколы Сов. Кіев. Дух. Ак. за 1903 г.

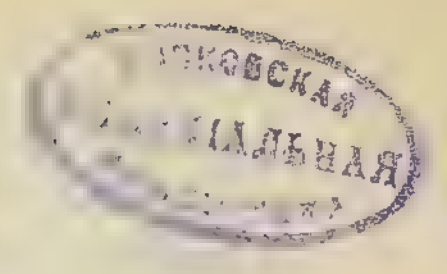
Мы и не ставимъ себѣ задачи сказать что-либо новое съ фактической стороны на основаніи новыхъ, неизслѣдованныхъ источниковъ. Говоримъ это во избѣжаніе упрековъ въ компиляціи, хотя работа велась нами на основаніи не только пособій, но и первоисточниковъ въ доступныхъ для насъ размѣрахъ.

Планъ нашей работы такой. Предварительно систематическому обзору дѣятельности церкви въ теченіе смутнаго времени, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ вопросу о томъ жизненномъ началѣ церкви, которое дѣлаетъ ее организмомъ. Вопросъ этотъ, являясь, повидимому, побочнымъ для нашей задачи, можетъ освѣтить дѣятельность церкви въ смутное время надлежащимъ образомъ и такимъ образомъ ослабить кажущуюся тенденціозность нашего освѣщенія дѣятельности Церкви въ смутное время. Вслѣдъ за симъ мы считаемъ нужнымъ установить смыслъ смуты, какъ явленія соціально-политическаго, — болѣзни государственнаго организма. Почему, именно, это явленіе въ нашей исторіи вызвало Церковь на обнаруженіе своего животворнаго начала. Уяснивъ причину и сущность смуты, мы обращаемся къ вопросу, что такое своеобразное явленіе, какимъ представляется Церковь въ эпоху смуты на Руси, имѣло-ли корни въ предыдущей исторіи. Для этого мы стараемся кратко уяснить значеніе Церкви во всей нашей исторіи. Послѣ такого введенія, мы обращаемся къ основной своей задачѣ.

Главную часть своего труда мы дѣлимъ на двѣ основныхъ части на чисто историческихъ основаніяхъ: Церковь въ эпоху до свержения Шуйскаго при Годуновѣ, I-мъ самозванцѣ и Шуйскомъ (I-я часть). Дѣятельность Церкви за это время по характеру своему однообразна. Въ эпоху-

же междуцарствія выступаетъ Церковь иначе, такъ какъ государство какъ бы уже не существовало. Поэтому 2-я часть нашего труда обнимаетъ дѣятельность Церкви за время междуцарствія. Если до низверженія Шуйскаго Церковь поддерживаетъ на престолѣ законную власть въ лицѣ Годуновыхъ и Шуйскаго и пассивно подчиняется самозванцу, то въ эпоху междуцарствія дѣйствія Церкви исключительно активны по своему характеру. Обозрѣвши дѣятельность Церковь за все время смуты, мы пытаемся раскрыть, что представленная нами картина правильно можетъ быть понята какъ обнаруженіе Церковью своего жизненнаго начала, сплотившаго народъ и спасшаго государство. Поэтому-то заключительная глава является резюме всей работы.

Осмѣливаясь выступить въ печать съ своимъ трудомъ, мы считаемъ нравственнымъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность и искреннюю благодарность нашему почтенному руководителю профессору Кіевской Духовной Академіи Владиміру Зеноновичу Завитневичу, предложившему разработанный нами вопросъ въ качествѣ темы для курсового студенческаго сочиненія и всегда внимательно руководившаго нами.



Литература предмета.

Источники.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, томы I и II.

Акты историческіе археографич. комиссіи, т. II.

Акты археографической экспедиціи, т. II.

Акты западной Россіи, т. IV.

Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I.

Русская историческая библіотека, томы — I и XIII.

Лѣтопись о мятежахъ, изданіе 2-е.

Новый лѣтописецъ, Временникъ Императорск. Моск. Общества исторіи и древностей, книга 17, 1853 года

Иное сказаніе, тамъ-же, книга 16.

Сказаніе Авраамія Палицына, изданіе 2-е.

Рукопись Филарета въ Сб. Муханова, подъ № 195.

Сборникъ хронографовъ, А. Попова.

Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ, т. I - V.

Пособія.

Исторія госуд. Россійскаго, Карамзинъ, т. XI и XII.

Исторія Россіи, Соловьева, т. VIII.

Исторія смутнаго времени, Бутурлина, ч. 1 – 3.

Смутное время, Костомарова, т. I—III, (историческія монографіи, т. IV—VI).

Смутное время, — Иловайскаго.

И Забѣлинъ,—Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время.

Платоновъ. Очерки по исторіи смутн. врем., изд. 1.

Его-же: Древне-Русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, XVII вѣка, какъ истории. источникъ.

Преосвящ Макарій. Исторія русск. церкви, т. X.

Доброклонскій. Руков. по ист. русск. церкви, вып. III.

Кедровъ, Авраамій Палицынъ. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1880 г., книга IV.

Смирновъ, Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Чтенія въ Обществѣ люб. дух. просв., 1873—1874 г.

Скворцовъ, Діонисій Зобниновскій, архим. Троице-Сергіева монастыря.

А. Дмитревскій. Арсеній Елассонскій и его мемуары по русской исторіи. Разборъ этого соч. проф. Завитневичемъ въ Прот. Совѣта Кіевск. дух. Акад. за 1900/1 уч. г.

Пирлингъ. Изъ смутнаго времени.

Левитскій, Игнатій, патр. Московскій.—Христіанское чтеніе 1886 г., Странникъ, 1864 года.

Его-же: Лжедмитрій, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ—Христ. чтеніе, 1885—1886 г.

Русская церковь на служеніи государству въ періодъ смутнаго времени, Труды Кіевск. дух. Акад, 1861 г.

Статьи о патр. Гермогенѣ въ журн.: Духовная бесѣда—1861 г.,—Странникъ—1864 г,—Православный собесѣдникъ—1866 г.,—Русскій архивъ—1902 г.

Іовъ, патріархъ Московскій, Прав. Соб., 1867 г.

Служеніе Филарета, митроп. Ростовскаго, бѣдствующему отечеству, Правосл. Собесѣд., 1866 г.

Николаевскій, Учр. патріарш. въ Россіи, Хр. чт., 1879 г.

Тихомировъ. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ въ церк. и граж. мѣропр. его времени. Хр. Чт. 1903 г. стр. 635—648.

В. З. Завитневичъ, А. С. Хомяковъ, т. I, кн. 1 и 2.

Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія.

КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ БИБЛІОТЕКА

ВВЕДЕНІЕ.

Пытаясь уяснить своимъ трудомъ, что въ смутное время значеніе Церкви должно быть понимаемо какъ обнаруженіе церковью своего основного жизненнаго начала, дѣлающаго церковь организмомъ, мы считаемъ нужнымъ прежде всего раскрыть сущность этого начала.

По ученію Слова Божія, Церковь, какъ общество вѣрующихъ во Христа, въ своей жизни подобна живому организму-тѣлу. Какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, говоритъ Св. Ап. Павелъ, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло,—такъ и Христосъ (I Кор. XII, 12). Изъясняя это мѣсто, Златоустъ говоритъ: надлежало бы сказать: такъ и Церковь,—это именно слѣдовало изъ предыдущаго, но онъ не сказалъ такъ, а вмѣсто Церкви наименовалъ Христа, употребивъ выраженіе болѣе возвышенное и болѣе пристыдивъ слушателя. Смыслъ его словъ слѣдующій: такъ и тѣло Христово, которое есть Церковь. Какъ тѣло и голова составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христосъ едино суть; потому и именуетъ вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его. Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоитъ изъ многихъ членовъ, такъ и въ Церкви всѣ мы составляемъ нѣчто единое; хотя она состоитъ изъ многихъ членовъ, но эти многіе суть одно тѣло [1]). Чѣмъ-же достигается единеніе вѣрующихъ во Христа, черезъ что ихъ жизнь, какъ членовъ церкви, обращается въ жизнь организма·

[1]) Творенія въ русск. переводѣ, т. X, кн. 1-я, стр. 297—298.

Прежде всего ихъ напояетъ духомъ жизни Глава Церкви — Господь Іисусъ Христосъ, но если вѣрующіе разъединяются другъ отъ друга, они не члены тѣла Христова, въ которомъ должна быть между членами живая связь. Такой связью можетъ быть только любовь членовъ другъ ко другу, какъ брату о Христѣ. Страдаетъ-ли одинъ членъ, говоритъ тамъ-же Апостолъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится-ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены (ст. 26). Давши картину жизни церкви, какъ тѣла Христова, въ которой не должно быть раздѣленія, Апостолъ слѣдующую главу посвящаетъ раскрытію христіанской любви, ставя ее даже выше мученичества за Христа. Изъясняя слова Апостола, что любовь выше дара языковъ, Златоустый говоритъ: любовь, по справедливости, должна представляться важною уже и потому, что дары не только не соединяли ихъ (Коринѳянъ), но и раздѣляли соединенныхъ, а она, напротивъ, сама собою можетъ соединить раздѣленныхъ и сдѣлать ихъ однимъ тѣломъ [1]). Если въ нашемъ тѣлѣ не должно быть несогласія, то гораздо болѣе въ тѣлѣ Христовомъ. Богъ устроилъ такъ не только для того, чтобы члены (церкви — тѣла Христова) не отдѣлялись другъ отъ друга, но чтобы между ними были любовь и согласіе [2]). Въ посланіи къ Ефесянамъ Апостолъ говоритъ, что члены церкви должны истиною любовью все возращать въ Того, Который есть глава Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при содѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созданія себя самого въ любви (Еф. IV, 15—16). Въ толкованіи на эти слова Злато-

[1]) Златоустый, толков. на посл. къ Кор., стр. 319, изд. 1904 г. СПб.
[2]) Тамъ-же, стр. 310.

устый говоритъ: любовь возсозидаетъ, соединяетъ, сближаетъ и сопрягаетъ насъ между собою. Итакъ, если хотимъ получить Духа отъ Главы, будемъ въ союзѣ другъ съ другомъ [1]). Какъ извѣстно, вопросъ о Церкви, какъ живомъ организмѣ, получилъ широкую разработку у нашего свѣтскаго Богослова—Хомякова. Основнымъ пунктомъ богословскаго міровоззрѣнія Хомякова, говоритъ проф. Завитневичъ, является вопросъ о Церкви. Церковь трактуется какъ духовный организмъ, какъ тѣло Христово. Церковь, говоритъ Хомяковъ, не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, но въ духовной связи, ихъ объединяющей. Единство въ Церкви достигается путемъ свободнаго единенія ея членовъ по закону любви: примиреніе началъ единства и свободы на началѣ любви —вотъ первая характерная особенность Церкви, которою послѣдняя отличается отъ всякаго человѣческаго общества. Легко замѣтить, что то основаніе, на которомъ утверждается ученіе о Церкви (у Хомякова) есть любовь: гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ истинно христіанскаго единства, тамъ нѣтъ и Церкви, какъ тѣла Христова, тамъ нѣтъ и ея Главы, тамъ нѣтъ и Духа Божія, живущаго въ любовномъ единеніи вѣрующихъ и т. д [2]). Хомяковъ говоритъ: выше всего (въ Церкви) любовь и единеніе [3]). Человѣкъ находитъ въ Церкви не чуждое что-либо себѣ. Онъ находитъ въ ней себя самого, но себя не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего искренняго духовнаго единенія съ своими братьями, съ своимъ Спасителемъ. Но какимъ же образомъ, скажутъ намъ, могло-бы единеніе христіанъ дать каждому то, чего не

---

[1]) Толкованіе на посл. къ Ефес., стр. 102, т. XI, кн. 1-я.

[2]) В. Завитневичъ,—А. С. Хомяковъ, т. I, кн. 2-я, стр. 1402, 1404.

[3]) Хомяковъ, соч., т. II, стр. 23.

имѣетъ никто въ отдѣльности. Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую забросилъ ее случай. Кирпичъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменщика. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви, тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь [1]). Ясно, что любовь въ Церкви является живою связью, которая безусловно прочнѣе всякихъ политическихъ и національныхъ связей, поэтому-то въ Церкви братья о Христѣ царь и подданный, господинъ и рабъ, грекъ и римлянинъ, варваръ и скиѳъ и т. п. Поэтому-то Церковь, какъ общество, безусловно жизненнѣе и прочнѣе, чѣмъ государство и послѣднее можетъ найти для себя опору въ Церкви, которая и въ періодъ гоненій отъ государства процвѣтала даже болѣе, чѣмъ по признаніи государствомъ правоспособности ея существованія. Въ противоположность государству, говоритъ проф. Завитневичъ, которое зиждется на формально-юридической основѣ, Церковь есть институтъ по преимуществу нравственный. Личность, искренне вступающая въ Церковь, заблаговременно отрекается отъ своего эгоизма и выражаетъ готовность добровольно подчиниться водительству Духа Божія, живущаго въ единствѣ человѣческихъ убѣжденій, въ единствѣ человѣческихъ совѣстей. Цѣль высшихъ идеальныхъ стремленій Церкви въ отношеніи къ государству заключается въ томъ, чтобы ассимилировать его по своимъ законамъ, пропитать его своимъ духомъ, т. е. формально-юридическія отношенія его членовъ замѣнить отношеніями

[1]) Хомяковъ, соч. т. II. стр. 111—112.

нравственными [1]). По мнѣнію Владиміра С. Соловьева, государство есть только часть въ организаціи собирательнаго человѣка, часть, обусловленная другою высшею частью, отъ которой оно получаетъ свое освященіе и окончательное назначеніе. Церковь есть выраженіе Божественной стихіи, тогда какъ государство выраженіе чисто человѣческой стихіи. Воистину мірская политика должна быть подчинена политикѣ церковной, но никакъ не чрезъ уподобленіе Церкви государству, а напротивъ — чрезъ постепенное уподобленіе государства Церкви. Мірская дѣйствительность должна пересоздаваться по образу Церкви [2]).

Если мы отъ такого идеальнаго отношенія Церкви къ государству обратимся къ исторической дѣйствительности у насъ на Руси въ эпоху смутнаго времени, то увидимъ, что это время было торжествомъ началъ, разложившихъ государство. Но если послѣдовало распаденіе государства и разрывъ государственныхъ связей, то спасеніе государству вышло отъ Церкви, обладающей живымъ, прочнымъ основнымъ началомъ, каковымъ, какъ мы видѣли, является любовь другъ ко другу, какъ брату по вѣрѣ во Христа. Уяснивши сущность жизненнаго начала Церкви какъ организма и ея превосходство въ силу этого начала предъ государствомъ, мы взглянемъ, въ чемъ же была сущность смуты на Руси, чтобы рельефнѣе видѣть значеніе Церкви въ это время. Гдѣ причины разложенія государства, разрыва политическихъ связей.

Самъ русскій народъ, переживавшій смуту, по своей набожности, видѣлъ въ событіяхъ этого тяжелаго времени

---

[1]) В. Завитневичъ.—А. С. Хомяковъ, т. I, кн. 2, стр. 925, 926.

[2]) В. С. Соловьевъ. Оправданіе добра, стр. 559. Духовныя основы жизни, стр. 158; соч. т. III, стр. 386.

наказаніе отъ Бога за грѣхи. Такъ, вездѣ мы встрѣчаемъ въ грамотахъ и сказаніяхъ этой эпохи выраженія—грѣхъ нашихъ ради, по грѣхамъ всего православнаго христьянства и т. п. Въ грѣхѣ повинны всѣ—отъ царя и патріарха до простолюдина. Что-же это были за грѣхи всѣхъ. Обращаясь къ лѣтописнымъ сказаніямъ разсматриваемой эпохи, мы видимъ слѣдующее. Общимъ грѣхомъ всѣхъ православныхъ крестьянъ можно признать преслѣдованіе только своихъ выгодъ за спинами самозванцевъ, особенно тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые чувствовали на себѣ тяжесть соціальнаго устройства. Въ силу этого общественные классы, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на плечахъ другого, должны были столкнуться между собою и выступить въ борьбу. Борьба частей соціальнаго организма между собой только за свои интересы—вотъ причина смуты. Эта рознь и борьба между собою исходитъ отъ бояръ еще при жизни царя Ѳеодора I. Предвидя пресѣченіе династіи, бояре начали вражду изъ за престола: „Видя врагъ царя праведна, и ста, и вложи вражду въ бояре, раздѣляхуся на двое“ [1]). „Богу попустившему грѣхъ ради нашихъ въ множайшихъ владомыхъ сугубу зависть и гордость и неправду, наипаче множайшихъ не токмо другъ друга ненавидяще, но кійждо единъ и на самого Государя помышляху смертнымъ убивствомъ, и неправду дѣяху“ [2]). Такъ бояре начинаютъ ту страшную рознь и вражду общественныхъ классовъ, какая, достигши особеннаго развитія въ эпоху междуцарствія, едва не погубила государственнаго организма, при напиравшихъ еще внѣшнихъ врагахъ. Вражда бояръ между собою выдвинула I-го самозванца, его свергнулъ

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, 9.

[2]) Тамъ-же: съ 19—20 стр.

Шуйскій. Въ его царствованіе рознь и смута становятся уже соціальной, начинаются возмущенія тѣхъ классовъ,— которые особенно чувствовали тяжесть крѣпостного порядка. Эти возмущенія начинаются прежде всего на Украинѣ, гдѣ связь съ центромъ чувствовалась слабо. „Наведе на насъ Богъ, говоритъ авторъ лѣтописи о мятежахъ, яко убо пострадахомъ и убіени быхомъ не отъ невѣрныхъ, но отъ своихъ рабъ и крестьянъ поругаемы, убиваемы. Бысть въ лѣто 7115, собрахуся боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ же приступаху и Украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы, и казаки и начаша по градамъ воеводъ имати и сажати по темницамъ. Бояръ же своихъ домы разоряху и животы грабяху, а женъ ихъ и дѣтей разоряху и за себя имаху“ [1]). Это антисоціальное движеніе, начавшись въ Украйнѣ, идетъ къ Москвѣ, гдѣ въ Тушинѣ образуется второе государство съ Царикомъ во главѣ. Изъ Москвы начинается теченіе сюда такъ называемыхъ перелетовъ, бояре живо измѣняютъ слабому на престолѣ Шуйскому и ѣдутъ, послѣ цѣлованія креста ему, въ Тушино; „послѣди же креснаго цѣлованія въ другій день возвратишась паки на первое (т. е. Тушино), аки песъ на блевотины, и множество людей всякаго чина измѣниша, отъѣхаша въ Тушино къ вору“ [2]). По словамъ Палицына, „мнози пять кратъ и десять въ Тушино и къ Москвѣ переѣзжаху“ [3]). Такъ царская власть Шуйскаго въ Москвѣ легко мѣняется на Царика въ Тушинѣ, потому что быть съ нимъ было выгоднѣе. Легкость измѣны, крайнее вѣроломство являются дополненіемъ къ общественнымъ грѣхамъ смутнаго времени—враждѣ и роз-

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, 108 стр.

[2]) Новый лѣтописецъ Временникъ Императ. Московск. Общества и др. рос. 1853 года, кн. XVII, 95.

[3]) Сказаніе, 42 стр.

ни общественныхъ классовъ между собою. Конечно, при такихъ условіяхъ государственный организмъ долженъ былъ распаться. Отсюда широкое развитіе самозванства, доходящее до того, въ Астрахани одновременно являются три вора [1]), затѣмъ разбойничества шайками. Ко всему этому мы должны прибавить деморализацію: развратъ [2]), крайнюю жестокость при борьбѣ русскихъ между собою. Особенно яркую картину крайняго эгоизма и жестокости общественныхъ классовъ въ борьбѣ между собою даетъ намъ Палицынъ. „На единой трапезѣ, говоритъ онъ, сѣдяще въ пиршествахъ въ царствующемъ градѣ, по веселіи же убо овіи царскія палаты, овіи же въ тушинскіе таборы прискакаху. И раздѣлишася на двое вси человѣцы, вси же мысляще лукавнѣ о себѣ: аще убо взято будетъ Москва, то тамо отцы наши, и братья, и родъ, и друзи, тіи насъ соблюдутъ, аще ли же мы одолѣемъ, то также мы имъ заступницы будемъ“ [3]). Какой крайній эгоизмъ въ отношеніи къ законной власти: если съ ней будетъ намъ хорошо, мы за нее,—если же она въ ущербъ нашей выгодѣ, мы противъ нее. При такихъ отношеніяхъ къ власти, враждующіе между собою русскіе, по словамъ Палицына, доходили до такихъ жестокостей къ своимъ противникамъ, что имъ ужасались даже поляки и литва [4]): „аще случится взяту быти кому русскими измѣнники и на того, яко на люта звѣри прискакаху со оружіи, и составы того разсыпаху лютѣ. И видяще поляки и литва каковы пытки и злое мучительство отъ своихъ къ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся окаянной

[1]) Нов. Лѣтоп., стр. 105. Ник. лѣтоп., стр. 116, по Карамзину, стр. 414.
[2]) Сказаніе Палицына, стр. 40.
[3]) Сказ., стр. 37.
[4]) Тамъ-же, стр. 38.

вражіи жестокости, и сердцы своими содрагахуся, и звѣрски взирающе отбѣгаху". Здѣсь мы видимъ крайнее обостреніе враждующихъ между собою—своихъ со своими. Эта вражда была, конечно, результатомъ того, что „всякъ отъ своего чину выше начаша восходити: раби убо господіе хотяще быти, и невольные къ свободѣ прескачуще; сильніе же разумомъ отъ тѣхъ въ правахъ вмѣняемы бываху, и ничто-же не по нихъ не смѣюще рѣщи; царемъ же играху яко дѣтищемъ, и всякъ выше мѣры своея жалованья хотяше" [1]).

Такимъ образомъ, вражда и борьба общественныхъ классовъ между собою изъ за преслѣдованія своихъ интересовъ была коренною причиною смуты, по воззрѣніямъ современниковъ. Борьба эта исходила изъ недовольства своимъ соціальнымъ положеніемъ. Недовольство это болѣе всего замѣтно въ тягломъ классѣ и холопахъ, которые, по выраженію современниковъ, захотѣли быть господами. Вотъ это то преслѣдованіе каждымъ своего и какъ необходимое слѣдствіе отсюда борьбу и вражду всѣхъ между собою и можно считать тѣмъ грѣхомъ, который былъ присущъ всѣмъ общественнымъ слоямъ и создалъ смуту. Выяснивши, насколько возможно, вопросъ о томъ, гдѣ причина и сущность смутнаго времени, по воззрѣніямъ современниковъ отразившимся въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ,—мы перейдемъ къ нашей исторической литературѣ, чтобы дать опредѣленный взглядъ на болѣзнь нашего государственнаго организма, извѣстную подъ именемъ великой разрухи и тѣмъ яснѣе понять отношеніе къ ней Церкви. Не останавливаясь на мнѣніяхъ по вопросу о сущности смуты у каждаго изъ историковъ, мы обратимся къ тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе всесто-

[1]) Сказаніе Палицына, стр. 41.

ронне разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Такъ, Соловьевъ указываетъ въ смутѣ особое значеніе казачества, какъ противообщественнаго элемента. Развитіе казачества, говоритъ Соловьевъ, такого въ сущности антигосударственнаго элемента, было одной изъ важныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ развитію смутъ въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время [1]). Другой причиной, по Соловьеву, была деморализація, что онъ называетъ болѣзнью общественнаго тѣла, заключавшаго въ себѣ много дурныхъ соковъ. Симптомы этой болѣзни слѣдующіе: неуваженіе жизни, чести, имущества ближняго, сокрушеніе правъ слабаго предъ сильнымъ, слабое сознаніе должнаго отношенія человѣка къ обществу, господство внѣшней силы, страшное недовѣріе другъ къ другу [2]). Отмѣченная Соловьевымъ, какъ причина смуты, общественная деморализація имѣетъ выдающееся значеніе для работы Церкви въ это время. Если причина болѣзни коренилась не только во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но и въ глубинѣ народнаго духа, то только моральная сила могла положить начало оздоровленію его, что и сдѣлала Церковь.

Не останавливаясь на мнѣніяхъ другихъ историковъ по вопросу о сущности смуты, мы обратимся къ послѣднему слову исторической науки—къ спеціальной монографіи С. Ф. Платонова—Очерки по исторіи смуты.—Мы, говоритъ Платоновъ, слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что смута въ началѣ XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими кознями и папской интригой [3]). Что-же это были

[1]) Соловьевъ, ист. Рос., т. VIII, стр. 730.

[2]) Тамъ-же, стр. 729.

[3]) Очерки, стр. 122.

за корни смуты въ самой московской жизни. Это былъ сложный внутренній кризисъ, переживаемый Московскимъ государствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Кризисъ этотъ былъ, во-первыхъ, политическимъ и представлялъ собою послѣдствіе вражды московской верховной власти съ родовой княжеской аристократіей; во-вторыхъ, кризисъ этотъ былъ соціальнымъ и представлялъ собою послѣдствіе крупныхъ перемѣнъ, произведенныхъ въ области поземельныхъ отношеній въ интересахъ служилаго класса. Подъ дѣйствіемъ кризиса, московское общество раздѣлилось на враждебные другъ другу слои и приближалось къ открытому междоусобію настолько явно, что еще до прекращенія старой московской династіи наблюдатели событій, иноземные и мѣстные, уже имѣли возможность предсказывать неизбѣжность внутренней смуты въ Московскомъ государствѣ. Въ развитіи смуты, по Платонову, различаются три періода борьбы—династической, соціальной и національной. Въ первомъ происходитъ борьба за московскій престолъ между различными на него претендентами. Во второмъ совершается разложеніе государственнаго порядка и паденіе политической самостоятельности Москвы вслѣдствіе соціальнаго междоусобія, вызваннаго борьбою за престолъ. Въ третьемъ наблюдаемъ рядъ попытокъ со стороны московскихъ людей къ возстановленію государственной самостоятельности и общественнаго порядка, разрушеннаго смутою и иноземнымъ завоеваніемъ [1]). Итакъ, по Платонову въ смутѣ общество раздѣлилось на враждебные другъ другу слои еще до смуты; затѣмъ, самая смута—б о р ь б а, сначала въ верхнихъ слояхъ общества, затѣмъ во всемъ обществѣ.

[1]) Платоновъ, Положенія извлеченныя изъ монографіи—Очерки по исторіи смутнаго времени.

Борьба и вражда съ крайней деморализаціей, особенно выражавшейся въ попраніи правъ другого,--вотъ что наполняетъ смуту, какъ историческое явленіе. Борьба и вражда довели государство до окончательнаго разложенія. Вотъ тогда и выступила Церковь съ своимъ жизненнымъ началомъ и спасла государство. Вмѣсто борьбы и вражды всѣ православные хрестьяне стали въ соединеніи и любви, вспомнивши свое братство во Христѣ. Если Церковь такъ могуче проявила свою дѣятельность, что народъ хотя чутьемъ понялъ и проявилъ свободное внутреннее единеніе по закону христіанской любви въ силу братства во Христѣ, то стало быть законъ этотъ не былъ чуждъ народному духу. Другими словами, проявивши въ смутное время себя въ своемъ основномъ жизненномъ началѣ, Церковь имѣла вліяніе на народъ и въ предшествовавшее время съ момента принятія христіанства. Различныя обстоятельства ослабляли это вліяніе, но оно всетаки просачивалось подъ корой обрядовѣрія. Неоспоримо, что мы приняли въ христіанствѣ больше обрядъ, но свести вліяніе Церкви только на обрядность нельзя. Мы приняли законъ Христовъ скорѣй въ простотѣ сердца, какъ близкую ему истину, нежели какъ ясное вѣроученіе. Кто имѣлъ возможность близко и долго наблюдать нашъ простой народъ, тотъ не могъ не замѣтить, какъ глубоки и искренни въ немъ вѣра въ Бога, надежда на Него и любовь къ Нему, съ какимъ простодушнымъ и дѣтскимъ довѣріемъ онъ вручаетъ себя и свои дѣла водительству Промысла; тому не разъ приходилось, конечно, быть свидѣтелемъ его кротости, глубокаго смиренія и непоколебимаго терпѣнія, съ которыми онъ переносилъ и переноситъ до сихъ поръ невзгоды своей тяжелой доли. А кто не знаетъ, съ какимъ милосердіемъ, соболѣзнованіемъ и сер-

дсбольнымъ участіемъ относится нашъ народъ ко всѣмъ бѣднымъ, нищимъ, страждущимъ, калѣкамъ и даже къ самымъ преступникамъ и своимъ врагамъ. Кто не знаетъ его преданности православной Церкви, ея законамъ и уставамъ, его любви къ храму и церковному Богослуженію, его жажды слушать Слово Божіе [1]). Все это говоритъ, что вліяніе Церкви на народъ является очевиднымъ въ исторіи. По словамъ Ключевскаго, Церковь, не ломая старыхъ привычекъ и предразсудковъ, исподволь прививала (у насъ на Руси) къ туземному быту новыя понятія и отношенія, перевоспитывая умы и нравы, приготовляя къ воспріятію новыхъ нормъ и такимъ путемъ глубоко проникала въ юридическій и нравственный складъ общества... Рядомъ съ общественнымъ дѣленіемъ по правамъ и имущественной состоятельности Церковь вводила свое дѣленіе, основанное на иныхъ началахъ. Она соединяла въ одно общество людей разныхъ состояній во имя цѣли, житейскаго назначенія, религіозно нравственнаго служенія или во имя человѣческаго состраданія и милосердія. При такомъ составѣ церковное общество являлось не новымъ государственнымъ сословіемъ съ духовенствомъ во главѣ, а особымъ обществомъ, параллельнымъ государственному, въ которомъ люди разныхъ государственныхъ сословій соединялись во имя равенства и религіозно-нравственныхъ побужденій [2]). Итакъ, Церковь объединила всѣхъ: князь и простой человѣкъ, холопъ и господинъ были равны какъ дѣти одной матери Церкви, берущей подъ свою защиту особенно людей несчастныхъ и угнетенныхъ. Но до общаго признанія братства во Христѣ русское общество поднималось медленно. Подтвержденіемъ этого являются

---

[1]) Палимпсестовъ, За истину и правду, стр. 49.

[2]) Ключевскій, курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 326. М. 1904.

Такіе факты, когда одинъ князь, нападая на удѣлъ другого, разрушалъ, какъ чужіе ему, храмы. Жители Новгорода имѣли свои мѣстные святыни, Ростовцы свои. Но Церковь уже имѣла съ момента крещенія народа выразителя единства вѣры въ лицѣ единаго митрополита. Затѣмъ она не мало способствовала уничтоженію раздѣленія политическаго, выражавшагося въ удѣльной системѣ. Опираясь на Церковь, Московскіе князья привели подъ свой стягъ всѣ удѣлы. Имена святителей строителей земли русской извѣстны каждому. Но единство, котораго достигли Московскіе князья при помощи Церкви, было политическаго характера. До сознанія единства вѣры, братства во Христѣ было далеко. И вотъ, когда единство политическое пало и началась соціальная рознь и вражда, Церковь напомнила всѣмъ, что они братія во Христѣ и потому во имя вѣры православной нужно оставить рознь и вражду, стать въ соединеніи и любви. Скрытое за политическимъ единствомъ, оказавшимся непрочнымъ, братство по вѣрѣ во Христа дошло отъ представителей Церкви и до народа. И онъ, примирившись другъ съ другомъ общимъ постомъ и покаяніемъ, всталъ на защиту отечества, въ которомъ Церковь и государство были въ народномъ сознаніи неотдѣлимы. Къ изслѣдованію этого своеобразнаго явленія въ исторіи не только русской, но и общей мы и переходимъ. Отмѣчая дѣятельность Церкви, мы не говоримъ, что чисто гражданскіе интересы были забыты въ борьбѣ со смутой. Самое движеніе, поднятое Церковью, имѣло цѣлью спасти государство, водворить гражданскій порядокъ. Но для этого прежде всего нужно было побороть рознь и вражду, сплотить всѣхъ. Это и сдѣлала Церковь.

ЧАСТЬ I-я.

Церковь въ періодъ отъ смерти Ѳеодора Іоанновича до низверженія Шуйскаго.

Общая характеристика состоянія церкви въ разсматриваемый періодъ.

Все смутное время отъ смерти Ѳеодора Іоанновича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова можетъ быть раздѣлено на два періода. Первый—царствованіе Годунова, I-го самозванца и Шуйскаго. Второй—эпоха междуцарствія, смутное время въ собственномъ смыслѣ. Такое дѣленіе мы внесли и въ наше изслѣдованіе о Церкви въ смутное время. Первый періодъ мы можемъ назвать періодомъ охранительной политики со стороны духовенства по отношенію къ законной власти на престолѣ, именно по отношенію къ Годуновымъ—отцу и сыну—и затѣмъ къ Шуйскому. Время I-го самозванца было пассивнымъ отношеніемъ къ нему представителей Церкви, такъ какъ онъ былъ признанъ царемъ со стороны народа и духовенство пассивно подчинилось ему. Таково въ общемъ состояніе Церкви за первый періодъ смуты.

ГЛАВА I-я.

Церковь въ царствованіе Годуновыхъ до воцаренія Самозванца.

7 января 1598 года умеръ послѣдній потомокъ изъ династіи Рюриковичей царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, не оставивъ наслѣдника престола. Въ лицѣ его прекращался царственный родъ, съ которымъ такъ неразрывно была связана идея царя, только непосредственно въ лицахъ сознаваемая народомъ. Въ минуту кончины послѣдняго лица, замкнувшаго собою цѣлый рядъ великихъ князей и царей, должно было упразднiться живое средоточіе государства и Ѳеодоръ, разумѣется, безсознателно перенесъ это средоточіе въ церковь, возвысивъ ея первосвятителя въ санъ патріарха [1]). По смерти Ѳеодора Іоанновича весь царскій синклитъ съ Борисомъ Годуновымъ во главѣ тотчасъ-же принесъ присягу царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ. Если-бы она захотѣла удержать за собою власть, никто не могъ прекословить. Все государство признало ея право на власть [2]). Но она „на своихъ государствахъ Россійскаго царствія не изволила быти“ [3]) и, принявъ иноческій санъ, удалилась въ Новодѣвичій монастырь. Глава церкви тотчасъ принялъ на себя заботу объ избраніи царя [4]). Еще при жизни Ѳеодора Іоанновича, человѣка

---

[1]) Самаринъ-Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ—т. V, стр. 180.

[2]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 226.

[3]) А. А. Э. II, стр. 19.

[4]) По мнѣнію Соловьева, въ дѣлѣ царскаго избранія патріарху принадлежалъ I-й голосъ, за нимъ оставалось самое сильное вліяніе и патрі-

не отъ міра сего, бразды правленія находились въ рукахъ шурина его, умнаго и энергичнаго боярина Бориса Годунова. Это обстоятельство, равно какъ и близкое родство Годунова съ угасшей династіей, были приняты патріархомъ во вниманіе и онъ выдвигаетъ Бориса, какъ кандидата на престолъ. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что здѣсь имѣли до нѣкоторой степени вліяніе и личныя дружескія отношенія между патріархомъ и Годуновымъ, но не одни эти отношенія были причиной избранія Бориса [1]). Москвѣ былъ нуженъ царь, права на избраніе имѣлъ каждый родовитый бояринъ, а тѣмъ болѣе Годуновъ, какъ близкій родственникъ угасшей династіи. Послѣ отказа Ирины на просьбу патріарха и бояръ быть на престолѣ и держать при себѣ правителемъ брата Бориса, въ Кремлѣ собрались толпы народа. Когда дьякъ Василій Щелкановъ прочиталъ, что по смерти царя Ѳеодора за прекращеніемъ царствующаго рода правленіе переходитъ въ думу боярскую, толпа закричала, чтобы патріархъ избралъ того, кого ука-

---

архъ старался закрѣпить за собою право на это вліяніе въ сознаніи современниковъ. Благодатію Св. Духа, писалъ онъ, имѣемъ мы власть какъ апостольскіе ученики, сошедшись соборомъ поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ. Ист. Рос., т. VIII, стр. 683.

[1]) Въ нашей исторической литературѣ такой взглядъ всегда проводился, но особенно онъ выдвигается Костомаровымъ. Онъ представляетъ это дѣло такъ, что патріархъ и самое духовенство были орудіемъ Годунова на его пути къ престолу. Кажется, говоритъ Костомаровъ, и самое учрежденіе патріаршества соединялось у Бориса съ дальнѣйшими планами воцаренія (Смут. время, т. I, стр. 28). Противъ такого крайняго мнѣнія о зависимости учрежденія у насъ патріаршества отъ плановъ Годунова на на воцареніе высказывается проф. прот. Николаевскій. Онъ говоритъ: „что касается высказываемаго историками мнѣнія о томъ, что мысль о патріаршествѣ внушена государю Годуновымъ, то мнѣніе это имѣетъ противъ себя серьезныя возраженія. Борисъ Годуновъ принималъ непосредственное дѣятельное участіе въ переговорахъ о патріаршествѣ, но мысль объ учрежденіи послѣдняго въ Россіи, какъ пособіе къ выполненію успѣш-

жетъ ему Богъ [1]). Патріархъ указалъ на Бориса Годунова. Чтобы дать этому указанію законный вѣсъ, онъ отправился къ царицѣ инокинѣ во главѣ процессіи духовенства, бояръ и народа просить Ирину благословить на царство Бориса, а его — принять царство. Борисъ рѣшительно отказался, говоря: „какъ мнѣ помыслити на такову высоту царствія и на престолъ такого великаго государя моего пресвѣтлаго царя“ [2]). Патріархъ „по вся дни многажды особь на единѣ моляше со слезами и прещаше ему“, т. е. Борису [3]). 17 февраля былъ созванъ земскій соборъ [4]). Патріархъ доложилъ ему о ходѣ дѣла избранія царя и просилъ, чтобы всѣ собравшіеся мысль свою объявили и совѣтъ дали: „кому на великомъ престолѣ

ному честолюбивыхъ плановъ Годунова, не могла еще такъ рано окрѣпнуть въ Годуновѣ и настойчиво проводиться имъ за пять или даже за двѣнадцать лѣтъ до начала выполненія его замысловъ, царь Ѳеодоръ могъ имѣть прямого наслѣдника и помѣшать планамъ Годунова; для выполненія этихъ замысловъ достаточно было содѣйствія и митрополита, потому что неизвѣстно, будетъ-ли онъ всегда на сторонѣ Годунова; наконецъ, самые переговоры объ учрежденіи патріаршества начались еще при митрополитѣ Діонисіи, который вовсе не былъ сторонникомъ Годунова“. (Хр. чтеніе, 1880 г. II, 375).

[1]) Костомаровъ, смут. время, т. I, стр. 32.

[2]) А. Э. II, стр. 21.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Костомаровъ говоритъ: „это т. е. соборъ, какъ указываютъ подписи на утвержденной грамотѣ— былъ только призракъ собора, а не въ самомъ дѣлѣ соборъ“. Но соборъ по своему составу былъ вполнѣ правильный и потому формально законный. Врядъ-ли кто, говоритъ Платоновъ, изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять по поводу избранія Годунова въ цари старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и патріарха Іова Карамзинымъ, Костомаровымъ и П. Е. Бѣляевымъ. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 г., какъ на грубую комедію, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на грубую комедію въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго, не остается сомнѣнія, что составъ земскаго собора 1598 г. былъ нормаленъ и правиленъ. Въ составѣ избирательнаго собора, говоритъ В. Ключевскій, нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ. (Платоновъ, цит. соч., стр. 227—228). Костомаровъ, смут. время, т. I, стр. 35.

государевомъ быти“ [1]). А у меня, продолжалъ Іовъ, и у всего священнаго собора мысль и совѣтъ единодушно, чтобы на царствѣ былъ Борисъ Ѳеодоровичъ. Онъ выразилъ свою мысль какъ предсѣдатель собора [2]). Остальные члены собора выразили свое согласіе „аки едиными усты“ и били челомъ патріарху, чтобы онъ просилъ инокиню царицу благословить на царство брата, а Бориса быть царемъ. Рѣшено было устроить соборное моленіе, чтобы „милосердный Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіанству“,— послѣ молебна идти всѣмъ съ женами и дѣтьми и младенцами въ Новодѣвичій монастырь просить Бориса принять царство и Ирину благословить его на это. Такое рѣшеніе было закрѣплено анаѳемой на всякаго злоумышленника на Бориса. 20 февраля огромное посольство съ патріархомъ во главѣ и отправилось въ Новодѣвичій монастырь. Борисъ продолжалъ отказываться. Рѣшено было принять строгія церковныя мѣры — отлучить отъ церкви Бориса и Ирину и сложить съ себя саны святительскія. 21 февраля совершено было торжественное моленіе по всѣмъ церквамъ Москвы, а затѣмъ въ Новодѣвичій монастырь отправилась процессія при несеніи многихъ чудотворныхъ иконъ. Борисъ вышелъ навстрѣчу этой процессіи. Послѣ продолжительныхъ и слезныхъ моленій онъ, по благословенію сестры, далъ свое согласіе быть царемъ. Черезъ нѣсколько дней онъ торжественно въѣхалъ въ Москву, что было ознаме-

---

[1]) А. Э. II, стр. 24.

[2]) Костомаровъ тенденціозно оттѣняетъ мысль, что патріархъ дѣйствуетъ на соборѣ смѣло и самовластно ради Годунова. О данномъ отвѣтѣ онъ говоритъ, что Іовъ, спрошенный, кого хотятъ въ цари, сказалъ свое мнѣніе тотчасъ-же, не давши затѣмъ никому сказать своей мысли и не допустивши ихъ не разсуждать, не спорить. (Смут. время, т. I, стр. 36). А. Э. II, стр. 25.

новано трехдневною благодарственною молитвою. Избраніе было утверждено грамотою всѣхъ съѣхавшихся на земскій соборъ, въ которой излагался процессъ избранія и присяга новоизбранному царю, съ отлученіемъ отъ церкви каждаго, противящагося избранію.

Мы видѣли, что глава церкви—патріахъ Іовъ—принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ избранія Бориса на престолъ. Хотя вліяніе его и сильно было въ этомъ дѣлѣ, но нельзя видѣть въ немъ только орудіе и угодника Годунова. Избраніе съ формальной стороны было совершено вполнѣ законно земскимъ соборомъ. Принципъ соборности, такъ строго всегда присущій жизни православной церкви и примѣняемый въ жизни государственной, былъ вполнѣ приложенъ здѣсь: не Іовъ своимъ давленіемъ, какъ патріархъ, единолично избралъ Бориса, но соборъ, согласившись съ нимъ. Но Борисъ былъ избранъ не безъ агитаціонной борьбы. Были и другіе претенденты на престолъ, а агитація въ пользу ихъ захватила кое-кого и изъ духовенства. Такъ, Псково-печерскіе монахи отказались присягать Борису послѣ письма къ нимъ игумена Іоакима, бывшаго на соборѣ, но не подписавшаго избирательной грамоты [1]). Конечно, партія Годунова была гораздо сильнѣй и онъ при содѣйствіи патріарха соборомъ былъ избранъ на престолъ [2]). При агитаціонной борьбѣ Іову пришлось пережить не мало непріятностей. „Вѣсть-же Богъ, говоритъ

[1]) Въ грамотѣ объ избраніи Бориса мы читаемъ: вмѣсто печерскаго игумена Псковскаго Іоакима Геннадья епископа Псковскаго. Тоже за игумена Новгородскаго Антоніева монастыря Вежицкій игуменъ Закхей. (А. Э. II, стр. 47).

[2]) Агитаторы Бориса могли и на Іова оказать давленіе. Такъ, по словамъ дьяка Тимофеева, „рачители Годунова ускориша самаго Архіерея во дворъ“ т. е. побуждали Іова итти процессіей къ Годунову (Р. И. Б. XIII, стр. 528).

онъ въ своей прощальной грамотѣ, въ колико рыданіе и слезы впадохъ отнележъ на мя взыде санъ святительства.... ещежъ къ симъ въ многи скорби впадохъ о преставленій сына моего царя Ѳеодора Іоанновича и всяко вещемъ сопротивное нападе на мя озлобленіе, и клеветы и укоризны, рыданіямъ и слезы сія убо вся мене смиреннаго достигоша“ [1]). Такимъ образомъ представитель церкви, содѣйствуя для избранія царя, на законномъ соборѣ вовсе не уронилъ высоты церкви. Царь былъ избранъ формально вполнѣ законно и государственная жизнь потекла прежней струей, что обнаружилось въ дальнѣйшемъ событіи—войнѣ съ крымскимъ ханомъ.

Во время этой войны царь и патріархъ обмѣнивались посланіями. Новоизбранный царь хотѣлъ найти для себя опору въ первоіерархѣ церкви, а послѣдній—укрѣпить въ сознаніи народа мысль о Божіемъ изволеніи на избраніе Бориса. Царь просилъ у патріарха его молитвъ, —патріархъ отвѣчалъ, что онъ всегда молится всею церковью за него. Когда Борисъ возвращался изъ похода, Іовъ встрѣтилъ его привѣтственной рѣчью, въ которой говорилъ, что успѣхъ похода является милостью Божіей новоизбранному царю.

Когда происходило коронованіе Бориса на престолъ [2]), царь и патріархъ говорили рѣчи. Хотя содержаніе ихъ,

[1]) С. Г. г. и д., т. II, стр. 181.

[2]) Въ качествѣ новинки, говоритъ проф. Дмитревскій, нельзя не отмѣтить у Арсенія, архіеп. Елассонскаго, упоминанія о многихъ представителяхъ восточной православной церкви при коронаціи сего государя. Такъ, напримѣръ, отъ Константинопольскаго патріарха былъ епископъ Еписо и святой горы киръ Игнатій, который вскорѣ послѣ того былъ назначенъ архіепископомъ Рязанскимъ, а при Лжедимитріи избранъ патріархомъ Москвы и всея Россіи,—архіепископъ Охридскій киръ Пектарій,—митрополитъ Видинскій Ѳеофанъ, великій архимандритъ Іерусалимскій киръ Дамаскинъ, по происхожденію изъ Эллады, великій старецъ великой лавры

какъ и вообще оффиціальныхъ грамотъ, отличается крайнею напыщенностью [3]), но подъ покровомъ искусныхъ реторическихъ украшеній выступаютъ идеи объ отношеніи церкви къ избранію Бориса. Несмотря на оффиціальность выраженій, здѣсь Борисъ изображается, какъ помазанникъ Божій на царство. Нельзя не отмѣтить такихъ мелкихъ особенностей при этихъ событіяхъ, какъ присяга въ церквахъ у мощей и чудотворныхъ иконъ, —избирательная грамота кладется въ раку мощей святителя Петра.

За короткое время царствованія Годунова патріархъ Іовъ заботился о распространеніи христіанства между казанскими татарами и поддерживалъ Грузинскую церковь. Будущій поборникъ спасенія отечества, въ это время Казанскій митрополитъ Гермогенъ, просилъ патріарха Іова поднять начавшую упадать христіанскую вѣру среди татаръ. По ходатайству патріарха предъ царемъ въ Казани построена была слобода съ церковью, чтобы туда переселить всѣхъ новокрещенныхъ татаръ. Запрещено было магометанамъ держать у себя въ услуженіи христіанъ, а христіанамъ повелѣно пленниковъ иновѣрцевъ или отпускать или обращать въ христіанство, вступать въ браки

св. Саввы освященнаго въ Іерусалимѣ Дамаскинъ и многіе другіе іеромонахи и монахи св. Горы Аѳонской и изъ другихъ различныхъ монастырей (Дмитревскій—Арсеній Елассонскій—стр. 94).

[3]) А. Э., II, № 8. К. Аксаковъ такъ говоритъ объ этихъ грамотахъ: при оффиціальныхъ актахъ или лучше при оффиціальномъ изложеніи дѣлъ вступала въ свои права византійская реторика, къ которой считало какъ бы обязанностью прибѣгать въ извѣстныхъ случаяхъ наше высшее духовенство, и отъ которой столько отличается старинное лѣтописное изложеніе, составленное, однако—духовными-же лицами, но при другихъ условіяхъ. Эту оффиціальную реторику встрѣчаемъ мы въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова. Это не оффиціальная ложь, это просто высокопарный слогъ, цвѣты краснорѣчія, сочувствія къ которымъ не имѣемъ, ибо это всетаки ложь, хотя и реторическая, ибо это цвѣты поддѣльныя ради красоты слога. (Сочиненія,—т. I, стр. 263).

только съ христіанками и вообще жить по христіански [1]). Въ Грузію отправлены были священники для возстановленія порядка въ Богослуженіи и иконописцы для украшенія ветхихъ и опустѣлыхъ храмовъ живописью. Въ отвѣтъ грузинскому царю Іовъ отвѣчалъ посланіемъ, въ которомъ увѣщевалъ царя и народъ смириться предъ судьбами Божьими, посылающими бѣдствія на Грузію [2]).

За это-же время—въ 1600 году—установлено было повсемѣстное празднованіе преподобному Корнилію Комельскому [3]). Книгопечатаніе продолжалось хотя и съ ошибками по недоку лицъ, знающихъ греческій языкъ [4]).

Рядъ бѣдствій, пережитыхъ Россіей за время царствованія Годунова, начался сильнымъ голодомъ. Борисъ старался помочь въ бѣдѣ народу и щедро раздавалъ деньги. Это приманило въ Москву несмѣтное число нищихъ и ужасы голода достигли крайней степени. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ. Но въ такое тяжелое время мы видимъ и свѣтлое явленіе истинно-христіанскаго милосердія въ лицѣ одной вдовы Іуліаніи Осоргиной. Она распродала скотъ и все свое имущество и кормила на эти деньги всѣхъ, кто бы не просилъ ея помощи. Когда голодъ усилился, она распустила своихъ слугъ. Оставшимся у нея она велѣла собирать лебеду и кору и готовила хлѣбъ, который казался сладкимъ вкушавшимъ его. Такимъ образомъ она кормила множество народа [5]).

Кромѣ голода начались и другія бѣдствія. Среди народа поднялся ропотъ, стало развиваться бродяжничество

[1]) А. Э. т. II, стр. 350.
[2]) А. И. т. I, стр. 227.
[3]) А. Э. т. II, стр. 222.
[4]) Толстой, разсказы изъ ист. р. п., стр. 406.
[5]) Душепол. чт., 1869 г. № 1.

и такимъ образомъ подготовлялась почва для самозванческаго движенія. Въ то-же время Борисъ самъ по себѣ сдѣлался весьма подозрителенъ. Пошли въ ходъ доносы, шпіонство. Печальнымъ результатомъ этого была опала и преслѣдованіе многихъ бояръ, среди которыхъ особенно жестоко пострадали Романовы. Ѳеодоръ Никитичъ былъ насильно постриженъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь на далекомъ сѣверѣ. Годуновъ, какъ мы видѣли, былъ избранъ на престолъ при вліяніи патріарха Іова. Поэтому, когда начались преслѣдованія бояръ, они обратились къ нему съ упрекомъ: „что, святый отче, новотворимое сіе видиши и молчиши“ [1]). И совѣсть сердца его, т. е. патріарха, говоритъ его біографъ, яко стрѣлами устрѣлена бываше и не могій что сотворити еже сѣмена лукавствія сѣема видя и винограда Христова дѣятель сый изнеможе, токмо ко Господу Богу единому взирая ниву ту, недобрую слезами обливаше [2]). Чтобы возд̀ѣйствовать на народъ, Іовъ сталъ совершать молебствія и со слезами увѣщевалъ не творить зла, а особенно клеветы и доносовъ. Конечно, не такія мѣры долженъ былъ употребить онъ, какъ печальникъ за угнетенныхъ и го-

[1]) Р. П. Б., т. XIII. стр. 930. Изслѣдователь сказаній о смутномъ времени, Платоновъ говоритъ: очевидно, что здѣсь подъ словами -та вся новотворимая Борисомъ нельзя разумѣть культурныхъ новшествъ Бориса, о которыхъ авторъ исторіи о патріархѣ Іовѣ не говорилъ ни слова, а слѣдуетъ понимать событіе политическое—узурпацію Борисомъ престола путемъ преступленій. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое далъ приведенному мѣсту памятника Соловьевъ въ заключительныхъ строкахъ 1-й главы, VIII т., исторіи Древ. рус. сказ, о смут. врем., стр. 280, пр. 2-е. Соловьевъ (VIII т., стр. 60) говоритъ, что приверженцы старины обратились къ патріарху съ указаннымъ вопросомъ. Пр. Мак. разумѣетъ здѣсь то, что и Платоновъ, именно -крайнюю подозрительность Годунова, доносы на бояръ и ихъ преслѣдованія. (Ист. рус. церкви, т. X, стр. 89).

[2]) Тамъ-же, стр. 930—932.

нимыхъ, и выступить предъ Годуновымъ съ грознымъ словомъ обличенія. Далекій отъ мужества мученика—святителя Филиппа, Іовъ вступилъ на защиту не только Годунова, какъ законнаго царя, но и сына его по смерти Бориса. Въ послѣднемъ случаѣ никакъ нельзя допустить какихъ либо корыстныхъ расчетовъ со стороны Іова, который переходомъ на сторону самозванца могъ-бы создать непоколебимую прочность его власти и получить выгоды. Но Іовъ этого не сдѣлалъ и низвергнутый самозванцемъ до нѣкоторой степени искупилъ въ этомъ насиліи надъ нимъ свое молчаніе предъ Годуновымъ. Таковъ ходъ дальнѣйшихъ событій до воцаренія самозванца, къ движенію котораго мы переходимъ.

Надвигалась туча грозная на землю русскую —пошли слухи, что живъ царевичъ Димитрій, законный претендентъ на престолъ, занятый Борисомъ. Съ перваго момента появленія этихъ слуховъ церковь въ лицѣ духовенства выступила на поддержку Бориса, какъ законнаго царя. Чтобы подавить движеніе въ корнѣ, патріархъ отправилъ въ Польшу къ католическому духовенству посла Андрея Бунакова съ грамотою. Грамота эта повѣствуетъ, кто такой появившійся въ Польшѣ и называющій себя сыномъ Іоанна Грознаго—царевичемъ Димитріемъ. Патріархъ просилъ мира ради не вѣрить самозванцу [1]). Но Бунаковъ былъ задержанъ на границѣ въ Оршѣ [2]). Помимо грамоты польскому духовенству, Іовъ послалъ такую-же Кіевскому воеводѣ—князю Константину Острожскому съ Аѳанасіемъ Пальчиковымъ [3]). Убѣждая, что выдающій себя царевичемъ есть на самомъ дѣлѣ бѣглый

[1]) Акты Западн. Рос., т. IV. стр. 279. Бутурлинъ Ист. смутн. врем. въ Рос., ч. I, стр. 96.

[2]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VIII, стр. 97.

[3]) Тамъ-же.

дьяконъ Отрепьевъ, извѣстный князю, патріархъ просилъ Острожскаго, какъ поборника православія, схватить Лжедимитрія. Но заботы Іова предотвратить бѣду въ самомъ началѣ были напрасны. Самозванецъ выступилъ изъ Польши и вошелъ въ предѣлы Россіи. Противъ него было выслано войско. Патріархъ сталъ еще болѣе ревностно содѣйствовать Борису въ борьбѣ съ самозванцемъ. Когда послѣднимъ былъ взятъ Путивль, Іовъ желая образумить мятежниковъ, послалъ туда трехъ монаховъ, убѣждая народъ оставить самозванца. Несчастные монахи были схвачены приверженцами самозванца и подверглись жестокой пыткѣ. Двое изъ нихъ молодые вытерпѣли жестокія мученія и остались вѣрны законному государю,—третій—дряхлый старикъ уступилъ жестокой боли и измѣнилъ [1]). По распоряженію Іова въ Москвѣ служились молебны, чтобы Господь даровалъ побѣду царю надъ врагами, къ тому-же въ провинціи призывали грамоты. Самъ Іовъ выступилъ въ Москвѣ со словомъ увѣщанія къ народу помнить присягу, принесенную царю, и подъ клятвой говорилъ, что идущій къ Москвѣ—самозванецъ, но не истинный царевичъ, который погребенъ въ Угличѣ [2]). Такое вѣщаніе было предметомъ и грамотъ патріарха. Грамоты эти разсылались по всей Россіи. Въ нихъ Іовъ обрисовывалъ самозванца, какъ противника православной вѣры. Цѣль его движенія—въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи раззорити и костелы латинскіе и люторскіе учинити и вѣру крестьянскую попрати и православныхъ крестьянъ въ латынскую и люторскую ересь привести и погубити [3]) Извѣщая, что всему міру подлинно вѣдомо о

[1]) Іовъ, патріархъ Московскій—Правосл. Соб., 1867 г., т. X, стр. 92.
[2]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 37, 934. Избор. Поп., стр. 227.
[3]) А. Э., т. II, № 29.

смерти царевича Димитрія, бывшій 14 лѣтъ тому назадъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, патріархъ говорилъ, что мощи царевича лежатъ въ Угличѣ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса, и на погребеніи его были мать его и братья ея Нагіе. Погребеніе царевича совершено митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Геласіемъ съ освященнымъ соборомъ въ присутствіи посланнаго отъ царя. „И то, продолжаетъ патріархъ, не явное-ли ихъ злодѣйское умышленіе и воровство и бѣсовскія мечты". Далѣе излагается біографія самозванца, его похожденія монахомъ въ Россіи и переходъ въ Польшу съ перемѣной вѣры. Считая самозванца бѣглымъ дьякономъ Отрепьевымъ, патріархъ ссылается на себя, что Отрепьевъ былъ и у него на дворѣ для книжнаго письма въ санѣ дьякона. Убѣжавъ отсюда и побывавъ въ Кіевѣ, Отрепьевъ, по словамъ патріарха, отвергся въ Литвѣ отъ христіанской вѣры, иноческій образъ попралъ, платье съ себя черническое скинулъ, уклонился въ латинскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и въ вѣдовство, и, по призыванію бѣсовскому и по замыслу короля литовскаго Жигимонта и литовскихъ людей, началъ называться царевичемъ Димитріемъ. Ярко оттѣняя латинство самозванца и указывая на его планы окатоличить Россію, патріархъ какъ-бы взывалъ къ народу возстать на защиту вѣры, которой грозитъ опасность отъ самозванца. Царь Борисъ, говоритъ грамота, выслалъ противъ самозванца войско на защиту святыхъ Божіихъ церквей, честныхъ иконъ и православной вѣры. Видя въ движеніи самозванца гнѣвъ Божій, грамота призываетъ не только къ молитвѣ, но и вообще къ христіанскимъ подвигамъ. „Подвигнитеся трудолюбезно со игумены и протопопы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными крестьяны постомъ и молитвою и

чистотою душевнѣ и телеснѣ и прочими духовными добродѣтельми". Такъ первосвятитель церкви старается защитить царя. Грамота эта должна быть прочитана во всеуслышаніе всюду. Въ заключеніе грамоты изрекается проклятіе измѣнннку и преступнику кресга Христова, еретику, отмѣтнику, поругателю христіанскія вѣры—Гришкѣ Отрепьеву со всѣми его приверженцами. „А мы здѣсь, говоритъ грамота, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, соборнѣ, съ митрополиты и епископы и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіаны такожъ ихъ вѣчному проклятію предахомъ и впредь проклинати повелѣваемъ".

По поводу этой грамоты, разосланной патріархомъ Іовомъ для противодѣйствія движенію самозванца, Костомаровъ говоритъ: первопрестольникъ церкви взялся объяснить запутанное дѣло русской земли; по его словамъ, все это дѣло происходило изъ крамолы врага и поругателя христіанской вѣры Жигимонта, Литовскаго короля; цѣль у него была разорить въ Россійскомъ государствѣ православныя церкви и построить костелы латинскіе и люторскіе и жидовскіе. Грамота оповѣщала, что патріарху и всему освященному собору и всему міру извѣстно, что Димитрія царевича не стало еще въ 1590 году, 14 лѣтъ тому назадъ. Святѣйшій первопрестольникъ русской церкви счелъ умѣстнымъ покрыть благоразумнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало этого дитяти; довольно казалось припомнить отпѣваніе его [1]). Нельзя здѣсь не видѣть тенденціи почтеннаго историка набросить тѣнь на патріарха, котораго онъ характеризуетъ крайне непривлекательными штрихами. Отмѣчая въ грамотѣ смерть и

[1]) Костомаровъ, смутное время, т. I, стр. 184.

погребеніе царевича Димитрія, патріархъ не имѣлъ въ виду объяснить запутанное дѣло русской земли, но прежде всего укрѣпить власть царя на престолѣ и тѣмъ сохранить русскую землю отъ тѣхъ бѣдъ, какія несъ самозванецъ. Борисъ былъ законно избраннымъ царемъ. Призывая къ повиновенію ему, патріархъ выполняетъ свой архипастырскій долгъ, по отношенію къ законной власти, безотносительно личности Бориса. Но допустимъ, что грамота эта составлена подъ сильнымъ давленіемъ Годунова, чтобы выгородить его въ фактѣ смерти царевича и чрезъ это подтвердить его власть, или, говоря словами Костомарова, цѣль грамоты объяснить запутанное дѣло русской земли. Въ такомъ случаѣ мы не поймемъ твердую защиту патріархомъ законныхъ правъ на престолъ сына Бориса послѣ его смерти. Здѣсь была полная свобода отъ всякаго давленія, возможнаго со стороны Бориса, но его сына. Очевидно, патріархъ имѣлъ въ виду не объяснить запутанное дѣло смерти царевича и оправдать Бориса, но показать народу, что повиновеніе законной власти и противодѣйствіе самозванцу охранить землю русскую отъ нестроеній и бѣдъ, между которыми могла представляться опасность и для вѣры православной, такъ какъ самозванецъ двигался съ помощью Польши, готовой воспользоваться этимъ моментомъ для окатоличенія схизматиковъ-русскихъ.

Грамота патріарха разсылалась всюду съ указаніемъ получившихъ ее пастырей. Какъ далеко достигала она, мы видимъ по сохранившейся при этой грамотѣ надписки митрополита Новгородскаго Исидора, пересылавшаго грамоту на крайній сѣверный пунктъ—въ Соловецкій монастырь [1]).

[1]) А. Э. II, 29.—

Но поддержка церковью Бориса, какъ законнаго царя, выражалась не только въ грамотахъ, но и матеріально-вспомоществованіемъ царскому войску. Для этой цѣли высланы были въ Калугу къ Мстиславскому слуги патріарха, епископовъ и монастырей. „Судихомъ и повелѣхомъ, говорится въ грамотѣ, да вси патріаршіе, митрополичьи, архіепископли, епископли и монастырей слуги колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собрався, со всякимъ поспѣшеніемъ, съ оружіемъ и запасы идутъ въ Калугу къ боярамъ нашимъ и воеводамъ князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, а останутся токмо престарѣлые и немощные“ [1])....

Не смотря на всѣ усилія Бориса бороться при содѣйствіи духовенства, самозванецъ приближался къ Москвѣ. 5 апрѣля 1605 г. скончался Борисъ Годуновъ, на скоро постриженный въ схиму съ именемъ Боголѣпа [2]). Церковь молилась объ успокоеніи его души [3]). Наслѣдникомъ престола являлся сынъ его Ѳеодоръ, который, по отзывамъ современниковъ, хотя и былъ молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому есте-

---

[1]) С. г. г. и д., II, 78. Иловайскій, смутное время, стр. 27. Приговоръ послать помощь царскому войску подписанъ 12 іюля 1604 г., но въ немъ есть обстоятельства, дающія возможность отнести его къ болѣе позднему времени: „войска наши вельми оскудѣша: овіи прельщени тѣмъ воромъ, къ нему предались, оные отъ долгаго стоянія изнурились и не проторились, въ домы разошлись“.... Измѣна войскъ и ихъ оскудѣніе не могли быть въ іюнѣ 1604 г. въ самомъ началѣ борьбы съ самозванцемъ, а потому и поддержка войскъ явилась дѣломъ необходимости.

[2]) Нов. лѣт., Временникъ, кн. 17, стр. 66.

[3]) А. Э. II, 31. Карамзинъ говоритъ: духовенство льстило Борису и въ могилѣ; святители въ окружныхъ грамотахъ писали о безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу. (XII, 184). Странная тенденція видѣть лесть въ обычномъ выраженіи объ усопшемъ.

ственнословію [1]). Церковь тотчасъ-же выступила освятить власть Ѳеодора Борисовича. „И нареченъ бысть Ѳеодоръ Борисовичъ на царствѣ Московскомъ Россійскаго государства по благословенію патріарха Іова и всего освященнаго собора [2]). Патріархъ со всею церковью принесли присягу новому царю. Этимъ дѣйствіемъ была успокоена готовая уже къ волненію Москва. Для привода къ присягѣ войска, высланнаго противъ самозванца, подъ Кромы былъ отправленъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ [3]). Войска раздѣлились: кои православную вѣру христіанскую и, по государѣ своемъ плакаху и крестъ цѣловаху съ правдою,— коижъ не хотяху видѣти въ московскомъ государствѣ добра, тѣ о такой погибели радовахуся [4]). Здѣсь невольно обращаетъ на себя вниманіе точка зрѣнія автора лѣтописи о мятежахъ, выраженная въ словахъ: кои, помня православную вѣру христіанскую, по государѣ плакаху и крестѣ цѣловаху съ правдою.“

Распоряженіе о приводѣ къ присягѣ въ провинціи было въ грамотѣ, разсылаемой съ этой цѣлью патріархомъ Іовомъ [5]). Обратимся къ содержанію этой грамоты, чтобы въ ней видѣть отношеніе церкви къ преемнику Бориса въ критическую минуту, когда самозванецъ взволновалъ большую часть государства и приближался къ Москвѣ. Послѣ обычнаго благословенія, посылаемаго отъ всего освященнаго собора во главѣ съ патріархомъ, идетъ извѣщеніе о смерти Бориса, низпосланной Божьимъ праведнымъ судомъ за грѣхи. „А послѣ себя государя, продолжаетъ грамота, приказалъ и благословилъ (Борисъ) на царство сына сво-

[1]) Избор. Поп. 191. Соловьевъ, VIII, 109.

[2]) Сказ. о Гришкѣ Отреп. Р. И. Б. XIII, 727—728.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 87.

[4]) Тамъ-же.

[5]) С. Г. Г. и Д. II, 84, стр. 189.

его Ѳеодора Борисовича животворящимъ крестомъ, имъ же вѣнчаются на царство всѣ великіе государи наши прежніе цари, да крестомъ чудотворца Петра.“ Нельзя не отмѣтить здѣсь того, какъ первосвятитель церкви оттѣняетъ образъ благословенія царемъ отцомъ сына наслѣдника престола. Благословеніе это совершается крестомъ животворящимъ, которымъ вѣнчались всѣ прежніе цари, затѣмъ крестомъ чудотворца Петра. Отмѣчая это въ грамотѣ въ то время, когда наслѣднику престола грозилъ самозванецъ, патріархъ Іовъ хочетъ какъ-бы этими деталями утвердить въ сознаніи присягавшихъ неоспоримость правъ Ѳеодора Годунова на престолъ. Поэтому патріархъ упоминаетъ, что новому царю уже присягнули онъ и освященный соборъ, а также и всѣ жители Москвы, чтобъ иного государя не искать и не хотѣть и имъ государемъ не измѣнить. Послѣднія слова имѣли въ данный моментъ особый смыслъ, такъ какъ иной государь шелъ къ Москвѣ. Призывая къ присягѣ жителей провинціи, напоминаетъ патріархъ и о присягѣ Борису Годунову съ его семьей. „И нынѣ, говоритъ патріархъ, къ тому-же васъ благословляемъ.... Служите и прямите безъ всякія хитрости и иного государя не искати и не хотѣти и ни въ чемъ ни измѣнити.“ Таково содержаніе грамоты, въ которой мы не можемъ не замѣтить стараній первосвятителя церкви утвердить власть новаго государя, какъ законнаго наслѣдника престола. Костомаровъ говоритъ объ этой грамотѣ: чтобы придать Ѳеодору Борисовичу право признанія со стороны народа, была пущена во всѣ предѣлы русской земли грамота отъ патріарха, гдѣ представлялось дѣло такъ, будто юный царь Ѳеодоръ Борисовичъ избранъ на престолъ земскимъ соборомъ, излагалась небывалая исторія единодушнаго всѣми моленія матери, чтобы благосло-

вила сына на царство, и Ѳеодора Борисовича, чтобы принялъ царство. По силѣ этого-то вымышленнаго избранія требовалась присяга на службу царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, царю Ѳеодору Борисовичу и царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ. Этою ложью явно показывалось, что сынъ Бориса не имѣетъ родового права на престолъ и эта ложь повредила дѣлу. Патріархъ и Годуновы обманывали русскую землю, будто-бы новое преемничество совершилось избраніемъ [1]). Изъ обзора содержанія грамоты мы видѣли, что въ ней не упоминалось о соборномъ избраніи на престолъ Ѳеодора. Неоспоримая, какъ мы видѣли, законность избранія Бориса подтверждала и законность преемства Ѳеодора, а потому и обмана въ грамотѣ не было.

Не смотря на всѣ старанія патріарха поддержать Ѳеодора Годунова на престолѣ, измѣна ему и переходъ на сторону самозванца стали увеличиваться. Мы видѣли, что для привода къ присягѣ войска былъ отправленъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ. Едва только этотъ представитель церкви удалился отсюда, приведя всѣхъ къ присягѣ, послѣ него вскорѣ „начася въ боярехъ измѣна“ [2]). Измѣнившіе, стоявшіе подъ Кромами, поцѣловали крестъ служить и всякаго добра хотѣть Гришкѣ Отрепьеву [3]). Послѣдній въ это время приближался къ Москвѣ. Онъ отправилъ отъ себя съ грамотою двоихъ пословъ, которые явились сначала въ Красное село. Здѣсь народъ ихъ принялъ съ радостью. Рѣшено было идти въ Москву на лобное мѣсто и тамъ всѣмъ людямъ прочитать грамоту Лжедимитрія [4]). Такимъ образомъ движеніе самозванца уже

[1]) Смутное время, т. I, стр. 200.
[2]) Нов. лѣтоп. Врем. XVII, 66.
[3]) Тамъ-же, стр. 67.
[4]) Тамъ-же.

доходитъ до Москвы. Посланные имъ вмѣстѣ съ жителями Краснаго села собрались на Лобное мѣсто, гдѣ и было прочитано посланіе самозванца [1]). Въ немъ онъ взывалъ къ народу принять его, какъ сына царя Ивана Васильевича, помня Бога и православную вѣру, и послать къ нему митрополитовъ, архіепископовъ и бояръ. Видя возмущеніе народа, бояре пришли къ патріарху, сообщая ему о происшедшемъ на Лобномъ мѣстѣ. Патріархъ всячески старался укротить мятежъ, увѣщевая и лаской и угрозой судомъ Божіимъ, но ничего не сдѣлалъ [2]). По просьбѣ патріарха выходили на Лобное мѣсто и нѣкоторые изъ бояръ для увѣщанія, но также ничего не подѣлали [3]). Это было послѣднею попыткою патріарха непоколебимо стоять противъ самозванца и поддержать Ѳеодора Годунова. Можно сказать, что онъ былъ уже одинокъ въ этомъ. Онъ даже со слезами просилъ бояръ укротить возмутившійся народъ. Карамзинъ говоритъ о дѣйствіяхъ его въ это время: патріархъ молилъ бояръ дѣйствовать, а самъ въ смятеніи духа не мыслилъ явиться на Лобномъ мѣстѣ въ ризахъ святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ [4]). Но первосвятитель церкви старался словомъ увѣщанія укротитъ мятежъ и безъ сомнѣнія, хотя безъ ризъ святительскихъ и креста въ рукѣ, выходилъ къ народу. Если его не пощадили отъ оскорбленій во время совершенія имъ литургіи, то ничего не помогла бы и помпа выхода на Лобное мѣсто.

3 іюня была послана самозванцу повинная грамота

---

[1]) А. Э. II, № 34, стр. 91.

[2]) Нов. лѣтоп., стр. 68.

[3]) Бутурлинъ—ист. смут. врем., стр. 136, ч. I-я.

[4]) Карамзинъ, Исторія государства Рос., т. XI, стр. 201.

отъ имени всѣхъ жителей московскихъ съ просьбою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ подданнымъ, и пожаловать въ Москву [1]). Преосвящ. Макарій говоритъ объ этой грамотѣ: замѣчательно, она была отправлена только съ боярами, а не съ митрополитами и архіепископами, какъ требовалъ Лжедимитрій въ своей грамотѣ и какъ слѣдовало-бы: знакъ, что патріархъ тутъ вовсе не участвовалъ и все творилось безъ его согласія [2]). На эту грамоту самозванецъ отвѣчалъ, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго [3]). Такими врагами являлись, конечно, Годуновы и патріархъ Іовъ. И самозванецъ не замедлилъ свести послѣдняго и убить Годуновыхъ [4]). Самозванецъ послалъ изъ Тулы въ Москву для выполненія этого своихъ сторонниковъ, „суровѣйшихъ человѣкъ“, по выраженію хронографа [5]), которые, придя въ Москву, „по повелѣнію его окаяннаго творяху“ [6]). Патріархъ Іовъ былъ съ безчестьемъ низведенъ во время совершенія имъ литургіи, какъ объ этомъ говоритъ онъ самъ въ своей разрѣшительной грамотѣ: „Множество народа царствующаго града Москвы внидоша въ церковь съ оружіемъ и дреколіемъ во время святого и

[1]) Бэръ, Сказ. современ. о Димит. самозван., т. I, стр. 57.

[2]) Ист. рус. цер., т. X, стр. 92.

[3]) Бэръ, сказ. стр. 57.

[4]) Вмѣстѣ съ Іовомъ были низвержены архимандриты—Чудовскаго монастыря Варлаамъ и Андроніевскаго Василій (А. Дмитріевскій: Арсеній Эл.), стр. 100.

[5]) Избор. Поп., стр. 415.

[6]) Лѣтоп. о мят., стр. 92. Левитскій въ своемъ изслѣдованіи: Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католичества—основываясь на приведенномъ мѣстѣ изъ хронографа говоритъ: едва-ли самозванецъ давалъ прямое приказаніе низложить патріарха и посылалъ для этой цѣли гонцовъ въ Москву—это было дѣломъ какихъ-то человѣкъ суровѣйшихъ, но не самозванца (Хр. чтеніе 1886 г., I, 83–84, прим. 1-е). Положимъ, что самозванецъ и не давалъ самъ приказанія низложить его, но Іовъ былъ низложенъ какъ противникъ его приверженцами, а потому не безъ его вѣдома.

Божественнаго пѣнія и не давъ совершити Божественныя литургіи, и внидоша во святый алтарь и меня Іова патріарха изъ алтаря взяша и по церкви и по площади таская позориша многими позоры“ [1]). Авторъ лѣтописи о мятежахъ дополняетъ эту картину, говоря, что ворвавшіеся въ храмъ сняли съ патріарха святительское облаченіе. „Онъ же взя съ себя панагію и пришедъ къ образу Пресвятыя Богородицы, ее-же написа благогласный евангелистъ Лука, и начатъ со слезами у образа глаголати: милостивая владычица Богородица, сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго въ храмѣ твоемъ у честного образа Твоего чудотворныя иконы. Сію-же азъ грѣшный исправлялъ въ хвалу Сына твоего Христа Бога нашего 10 лѣтъ. Сія праведная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ-же грѣхъ нашихъ ради мы видимъ на сію православную христіанскую вѣру находяща еретика. Мы-же, грѣшные молимъ, умоли Пречистая Богородица Сына твоего Христа Бога нашего, утвердити сію православную христіанскую вѣру непоколебиму. И плакався на многъ часъ, тую панагію положи у образа Пречистыя Богородицы“ [2]). Взявши патріарха, одѣли его въ черное платье, стали таскать сначала по храму, а потомъ по площади. На вопросъ окружавшихъ, гдѣ онъ хочетъ быть подъ началомъ, Іовъ сталъ просить, чтобы Разстрига отпустилъ его въ Старицкій монастырь [3]). Сюда патріархъ и былъ сосланъ Имущество его было, конечно, разграблено [4]). Такому насилію былъ подвергнутъ твердо стоявшій за Годуновыхъ первосвятитель церкви. Этимъ актомъ грубаго насилія Іовъ былъ удаленъ отъ патріаршей кафедры, но

[1]) А. Э. II, № 67, стр. 154.
[2]) Лѣтоп. о мят., стр. 92—93.
[3]) Р. И. Б. XIII, стр. 937.
[4]) Тамъ-же.

канонически не былъ низложенъ [1]). Канонически низложить могъ только соборъ, какъ потомъ было поступлено съ лжепатріархомъ Игнатіемъ.

Сосланный въ Старицкій монастырь, Іовъ удаляется отъ происходившихъ событій до того времени, пока не былъ вызванъ Шуйскимъ въ Москву для разрѣшенія народа отъ клятвъ въ 1607 году. Но мы встрѣчаемъ его имя на грамотѣ самозванца, которой онъ возвѣщаетъ о своемъ восшествіи на престолъ [2]). „Іовъ патріархъ Московскій и всея Руси, говоритъ самозванецъ, и митрополиты и архіепископы и освященный соборъ и бояре и окольничіе и т. д., узнавъ прирожденнаго въ насъ государя своего царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руси, въ своихъ винахъ били челомъ." Какъ смотрѣть на это выраженіе самозванца о патріархѣ, что и онъ билъ челомъ? Дѣйствительно-ли это, или-же это только дѣйствіе хитрой политики самозванца, нуждавшагося въ поддержкѣ церкви и желавшаго показать, что и первосвятитель церкви былъ на его сторонѣ? Имя Іова стоитъ только въ двухъ сохранившихся грамотахъ изъ временъ Лжедимитрія I-го: обѣ онѣ извѣщаютъ о восшествіи самозванца на престолъ,—одна въ Сольвычегодскъ отъ 6 іюня 1605 г. [3]), другая въ Пелымъ отъ 11 іюня [4]). Обратившись къ другимъ грамотамъ Лжедимитрія, мы видимъ, что онъ въ нихъ вовсе не упоминаетъ не только о патріархѣ Іовѣ, но и объ освященномъ соборѣ. Такъ, въ грамотѣ въ тотъ же Сольвычегодскъ самозванецъ говоритъ:

---

[1]) В. З. Завитневичъ, разборъ соч. проф. Дмитріевскаго Арсеній Элассонскій Протоколы Совѣта Кіевской духов. Академ., 1900 -1901 г., стр. 178.

[2]) С. г. г. и д., II, стр. 200. А. Э. II, стр. 92.

[3]) А. Э. II, стр. 92.

[4]) С. г. г. и д., II, № 89.

„и на Москвѣ и во всѣхъ городахъ бояре наши и окольничьи и приказные люди намъ прирожденному государю своему крестъ цѣловали“ [1]). Буквально сходное выраженіе мы видимъ воеводамъ и дьякамъ отъ 11 іюня [2]) и отъ того же числа къ сибирскимъ воеводамъ [3]). Какъ мы сказали, здѣсь имя не только патріарха, но даже и освященнаго собора здѣсь вовсе не упоминается. Почему-же самозванецъ, извѣщая однихъ, говоритъ, что его признали патріархъ и освященный соборъ, а другимъ молчитъ объ этомъ?

Обратившись къ нашей исторической литературѣ, мы видимъ слѣдующее. Одни изъ историковъ высказываютъ свое мнѣніе объ участіи патріарха въ челобитьи самозванцу, характеризуя Іова съ дурной стороны. Такъ Карамзинъ говоритъ объ Іовѣ: „слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Ѳеодора, онѣмѣвъ отъ страха и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими святителями бивъ челомъ самозванцу, надѣялся-ли Іовъ снискать въ немъ (Лжедимитріи) срамную милость. Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству, не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить царскій вѣнецъ на своего бѣглаго дьякона, и для того послы самозванцевы объявили народу московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться первосвятителемъ“ [4]). Въ примѣчаніи къ этому тексту Карамзинъ цитируетъ указанныя нами грамоты Лжедимитрія, гдѣ послѣдній говоритъ, что и патріархъ Іовъ билъ ему челомъ [5]).

[1]) А. Э. II, № 38.

[2]) Тамъ же, № 38.

[3]) С. г. г. и д., II, № 90.

[4]) Исторія государства Рос., т. XI, стр. 203.

[5]) Тамъ-же, прим. 343.

Такое предположеніе высказываетъ о патріархѣ и Костомаровъ. „Невозможно теперь рѣшить, говоритъ онъ, до какой степени въ самомъ дѣлѣ участвовали всѣ сословія, поименованныя въ призваніи новаго царя, и, равнымъ образомъ, патріархъ Іовъ. Трудно, кажется, чтобы написали имя патріарха, лица единственнаго во всей Россіи, если онъ этого не желалъ. Патріархъ оставался на своемъ престолѣ нѣсколько дней по сверженіи Годуновыхъ; еслибы онъ не хотѣлъ признавать Димитрія царемъ, то самъ-бы удалился по сверженіи царя. Но этого не было. Онъ священнодѣйствовалъ и не оставилъ своего сана; не видно также, чтобы онъ заявилъ тогда что нибудь противъ Лжедимитрія. Это обстоятельство невольно заставляетъ подозрѣвать, не поклонился ли новому царю наравнѣ съ другими этотъ архипастырь, всегда уважавшій силу и успѣхъ, думая, авось, не удастся-ли подъ сѣнію его оставаться въ покойномъ и благоденственномъ житіи, какъ и при Борисѣ“ [1]). Таково мнѣніе двухъ историковъ объ отношеніи патріарха Іова къ самозванцу. Другіе, какъ, напримѣръ, Соловьевъ, не высказываютъ такого предположенія о признаніи Іовомъ самозванца какъ царя. Соловьевъ только передаетъ содержаніе грамоты, въ которой царь писалъ, что Богъ поручилъ ему московское государство и патріархъ Іовъ и всякихъ, чиновъ люди, узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ били челомъ [2]). Иловайскій совершенно не упоминаетъ о выраженіи грамоты, что и патріархъ билъ челомъ, а лишь отмѣчаетъ тотъ фактъ, что самозванецъ разсылалъ по городамъ извѣстительныя грамоты о своемъ восшествіи на престолъ, прилагая къ нимъ форму присяги, которую жители должны

[1]) Костомаровъ, Смут. время, т. I, стр. 236.

[2]) Соловьевъ, ист. Рос., т, VIII, стр. 116.

были ему приносить [1]). Обратившись по данному вопросу къ историку нашей церкви-преосвященному Макарію, мы видимъ, что онъ высказывается положительно противъ признанія Іовомъ самозванца. Если Лжедимитрій, говоритъ Преосв. Макарій, въ грамотахъ о восшествіи своемъ на престолъ (отъ 6 и 11 іюня) говорилъ предъ Россіею, что патріархъ Іовъ и весь освященный соборъ, вмѣстѣ съ боярами и приказными людьми, узнали въ немъ прирожденнаго государя своего и били ему челомъ, то это была или намѣренная ложь, чтобы сильнѣе подѣйствовать на народныя толпы, или, быть можетъ, ненамѣренная: самозванцу могли сказать прибывшіе изъ Москвы съ повинною грамотою, что и патріархъ вмѣстѣ со всѣми присягнулъ ему, и самозванецъ легко могъ повѣрить пріятной вѣсти, пока не узналъ истины. По крайней мѣрѣ въ слѣдующихъ своихъ грамотахъ о приведеніи всѣхъ жителей Россіи къ присягѣ (отъ 11 и 12 іюня) Лжедимитрій говорилъ уже о томъ, что на Москвѣ и въ другихъ городахъ ему цѣловали крестъ бояре и прочіе, а о патріархѣ Іовѣ и объ архіереяхъ вовсе не упомянулъ. Да и тѣ немногіе москвичи, которые дерзнули напасть на своего первосвятителя въ церкви, во время его священнодѣйствія, и низвергнуть его съ кафедры, безъ сомнѣнія, не поступили-бы такъ, еслибы онъ былъ съ ними единомысленнымъ, т. е. вмѣстѣ съ нимъ призналъ новаго государя и присягнулъ ему [2]). Таково положеніе въ исторической литературѣ поставленнаго нами вопроса, правду-ли говорилъ самозванецъ въ своихъ грамотахъ, что и патріархъ Іовъ билъ ему съ прочими челомъ. Мы видѣли, что упоминаніе о патріархѣ, какъ признавшемъ въ самозванцѣ царя, встрѣчается только

[1]) Смутное время, стр. 41.

[2]) Ист. рус. цер., т. X, стр. 93—94.

въ двухъ грамотахъ, а въ исторической литературѣ вопросъ этотъ рѣшается въ смыслѣ участія Іова въ признаніи самозванца только у Карамзина и Костомарова, характеризующихъ Іова довольно рѣзко. Конечно, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Пр. Макарія, отрицающаго рѣшительно участіе самозванца. Невозможно, чтобы Іовъ, стоявшій такъ твердо за Годуновыхъ и показавшій это такъ ясно въ своихъ грамотахъ, потомъ такъ круто повернулъ свои отношенія къ самозванцу. Послѣднему нужно было показать, что и патріархъ, такъ упорно боровшійся съ нимъ, заблуждался и призналъ въ немъ царевича Димитрія. Но такой хитрый маневръ самозванецъ допускаетъ только въ двухъ сохранившихся до насъ грамотахъ. Ясно, что первосвятитель Церкви остался непоколебимымъ въ отношеніи къ нему.

Заканчивая настоящую главу, главнымъ лицомъ которой является патріархъ Іовъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать общую характеристику его, какъ представителя церкви въ его отношеніяхъ къ смутѣ. Въ нашей исторической литературѣ есть крайне рѣзкій отзывъ о немъ. Мы уже сказали, что такую рѣзкую характеристику Іова дѣлаютъ Карамзинъ и Костомаровъ. Карамзинъ признаетъ Іова рабомъ Годунова, слабодушнымъ участникомъ козней его, человѣкомъ лишеннымъ мужества умереть за истину и Ѳеодора [1]). Костомаровъ еще болѣе сгущаетъ краски. Онъ говоритъ: это былъ одинъ изъ такихъ духовныхъ сановниковъ, общихъ всѣмъ временамъ, которые съ непритворнымъ обрядовымъ постничествомъ и обрядовымъ благочестіемъ упивались своимъ собственнымъ величіемъ и спокойствіемъ своей собственной совѣсти, были себялюбцы и угодники сильныхъ міра. Не смотря на свое

[1]) Карамзинъ, ист. госуд. рос., т. XI, стр. 203.

риторство, патріархъ Іовъ не былъ настолько образованъ, чтобы всегда искусно наружнымъ благочестіемъ скрывать то, что было внутри души у него. Такъ, въ своей отреченной грамотѣ, которую онъ писалъ въ 1604 году, онъ расточаетъ похвалы Борису за то, что онъ оказывалъ милости во время пребыванія его на Коломенской, Ростовской и Московской епархіяхъ, и говоритъ, что когда сдѣлался патріархомъ, то былъ отъ него не забытъ и пребывалъ въ благоденствіи, а когда Борисъ сдѣлался царемъ, то онъ былъ этому очень радъ, а Борисъ успокоилъ его во всѣ дни живота его. Патріарху, продолжаетъ Костомаровъ, не было дѣла до поведенія и правленія Бориса, лишь-бы онъ, Іовъ, проводилъ тихое и благоденственное житіе, достигая въ спокойствіи царствія Божьяго [1]). Общая черта въ приведенныхъ характеристикахъ — это угодливость Іова предъ Годуновымъ и потворство ему. Конечно, нельзя отрицать дружественныхъ отношеній между Іовомъ и Борисомъ, но признавать ихъ главнымъ мотивомъ дѣйствій Іова по отношенію къ Годунову и видѣть въ Іовѣ только орудіе дѣйствій Годунова, будетъ преувеличеніемъ. Іовъ выдвинулъ кандидатуру Годунова на престолъ и оказалъ участіе для избранія его, но избраніе это было вполнѣ законно съ формальной стороны. Когда Годуновъ сталъ царемъ, патріархъ всегдо имѣлъ въ виду его какъ законную власть. Это было отличительною чертою отношеній Іова къ Годунову во время движенія самозванца. Конечно, Іовъ не блисталъ своею дѣятельностью, какъ его преемникъ адамантъ Гермогенъ. Въ то время, когда Годуновъ сталъ подозрителенъ и подвергъ страшной опалѣ многихъ бояръ, мы не слышимъ твердаго обличенія патріархомъ царя. Конечно, нельзя не видѣть здѣсь

[1]) Костомаровъ, Смутное время, т., стр. 41—42.

слабости Іова, но потворство Годунову здѣсь не имѣло мѣста Іовъ, повторяемъ, стоялъ за него только какъ за законную власть. Царствованіе Годунова было, такъ сказать, только вводнымъ актомъ той страшной драмы, которую предстояло дальше пережить Россіи. Въ это время церковь въ лицѣ патріарха стояла только на сторонѣ законной власти и употребляла усилія, чтобы подавить начинающуюся смуту. Но ея усилія пока оказались безуспѣшны.

ГЛАВА II-я.

Церковь при первомъ самозванцѣ.

Положеніе церкви при первомъ самозванцѣ можно характеризовать такъ: это было время насилія надъ свободою церкви. Насиліе это выразилось въ низведеніи съ патріаршей кафедры Іова, незаконномъ поставленіи патріархомъ Игнатія и затѣмъ въ своеволіи, проявленномъ самозванцемъ, благодаря Игнатію, въ дѣлѣ принятія Марины въ православіе [1]). Отнявъ у Церкви основной ея законъ жизни—свободу ея дѣйствій, самозванецъ является грубымъ обманщикомъ всего народа въ своемъ замыслѣ и исполненіи его, взойдя на престолъ какъ законный наслѣдникъ престола. Когда онъ былъ убитъ, народъ выразилъ свои взгляды на него въ тѣхъ эпитетахъ, какими сталъ звать его. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Фока мучитель, Константинъ мотылоименный, Уліанъ законопреступникъ, Фараонъ, изострившій мечь, еже посѣкати до конца православныхъ христіанъ [2]), сынъ погибели и предтеча антихриста, еретикъ богомерзкій". Мы видимъ, что всѣ эти эпитеты, которыми народъ сталъ характеризовать самозванца, окрашены съ религіозной стороны: самозванецъ прежде всего врагъ православной вѣры. Одна мысль, говоритъ Левитскій, назваться незаконно царевичемъ, была уже прелютою и богомерзкою ересью, прелестью дьявола [3]). Смотря на все съ религіозной точки

---

[1]) Проф. Завитневичъ, Разборъ соч. проф. Дмитріевскаго: Арсеній Элассонскій. Протоколъ Совѣта Кіевской дух. ак., 1901 г., стр. 176

[2]) Избор. Поп., стр. 209, 270, 437.

[3]) Христ. чт., 1886 г., т. I, стр. 97.

зрѣнія, народъ русскій видѣлъ въ законномъ царѣ помазанника Божія. И вдругъ на престолѣ оказывается самозванецъ. Кѣмъ, какъ не еретикомъ долженъ былъ показаться онъ въ глазахъ всего православнаго „хрестьянства". Но характеризуя такъ самозванца въ своихъ сказаніяхъ, народъ отмѣчалъ намѣреніе самозванца ввести въ Россіи католичество. Такое намѣреніе—уничтожить въ Россіи православную вѣру—этотъ исконный оплотъ и твердыню ея и замѣнить еретическимъ, по взгляду народа, латинствомъ было въ глазахъ православныхъ христіанъ дѣйствіемъ дьявола, и самозванецъ являлся сыномъ погибели, предтечею антихриста. Такой взглядъ впервые высказалъ въ своихъ грамотахъ патріархъ Іовъ. Когда-же по убіеніи самозванца открылись данныя, указывавшія на сношенія самозванца съ папой, народъ сталъ видѣть въ самозванцѣ еретика. Мы указали, какими эпитетами народъ характеризовалъ его. Таковъ взглядъ современниковъ на него: самозванецъ признается пропагандистомъ католичества и потому гонителемъ православной вѣры, еретикомъ.

Обращаясь къ исторической литературѣ, мы видимъ два противоположныхъ взгляда по вопросу объ отношеніи самозванца къ католицизму и православію [1]). Взглядъ современниковъ, что самозванецъ былъ насадителемъ католицизма и гонителемъ православія, раздѣляютъ и наши церковные историки—митрополиты Платонъ и Макарій. „Явное имѣлъ самозванецъ пренебреженіе, говоритъ митрополитъ Платонъ въ своей исторіи русской церкви, къ вѣрѣ нашей и къ церквамъ и къ духовенству россійскому, такъ что когда говорилъ, дабы ввести латинскую вѣру

[1]) Левитскій. Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католич.—Христ. чтеніе, 1885 г., т. II, стр. 671.

въ Россію, а нашу вѣру истребить, не говорилъ перемѣнить вѣру нашу или Россійскую, но вѣру ихъ, не говорилъ обратить въ костелы римскіе церкви наши, но церкви ихъ, показывая явно, что онъ не былъ уже вѣры нашей" [1]). Преосв. Макарій раздѣляетъ такой-же взглядъ на самозванца, какъ на пропагандиста католицизма въ Россіи и гонителя православія, планы котораго не были осуществлены [2]). Другой взглядъ мы видимъ у нашихъ гражданскихъ историковъ. По словамъ Карамзина, самозванецъ имѣлъ намѣреніе ввести въ Россіи католицизмъ, но, кажется, онъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего преступнаго замысла, и едва-ли бы рѣшился къ исполненію онаго, если-бы и долѣе царствовалъ [3]). Соловьевъ признаетъ принятіе самозванцемъ католицизма изъ за расчета; мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изо всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ и сношеній съ Римскимъ дворомъ [4]). Такой-же взглядъ высказываетъ и Костомаровъ [5]). Московскій государь, т. е. самозванецъ, говоритъ онъ, не только уклонялся отъ обѣщаній сдѣлать римско-католическую религію господствующею въ своемъ государствѣ, но еще ободрялъ и поощрялъ ревность къ православной вѣрѣ въ польскихъ владѣніяхъ и послалъ грамоту Львовскому собору съ соболями на 300 руб. Платоновъ также скептически высказывается объ этомъ: за попустительство и личный либерализмъ въ сферѣ обряда и внѣшняго

[1]) Краткая церк. рос. ист., т. II, стр. 155.
[2]) Ист. рус. цер., т. X, стр. 120—121.
[3]) Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. XI, стр. 238.
[4]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VIII. стр. 126.
[5]) Костомаровъ, Смут. время, т. I, стр. 321.

культа самозванецъ получилъ репутацію еретика, главной цѣлью котораго якобы было ниспроверженіе православія въ государствѣ [1]). Таково положеніе вопроса у нашихъ историковъ объ отношеніи самозванца къ католицизму и православію. Намѣреніе его ввести въ Россіи католицизмъ и тѣмъ болѣе сношеніе съ Римомъ являются вѣрными фактами. Но насколько это намѣреніе было приведено въ исполненіе, это другой вопросъ. Самозванецъ, принявъ католичество, обѣщался насадить его въ Россіи, но нельзя признать, что все это было искренне, а являлось скорѣй дѣломъ расчета. Тѣмъ не менѣе православной вѣрѣ въ это время грозила опасность отъ католицизма. Опасность эта возлагала на пастырей Русской церкви заботу быть на стражѣ православія. Охраняя его, пастыри воздерживаются отъ политической дѣятельности, подчиняются той власти, которая признавалась въ это время всѣмъ народомъ, т. е. подчиняются самозванцу, какъ признанному всѣми законнымъ наслѣдникомъ престола. Таковы общія положенія, которыя мы считаемъ нужнымъ указать предварительно обзору состоянія церкви во время 1-го самозванца.

Постоянное стремленіе папства насадить въ Россіи католицизмъ находило для себя самый благопріятный моментъ, когда мнимый русскій царевичъ, наслѣдникъ престола, явился въ Польшѣ и сталъ искать чрезъ нее поддержки у папскаго престола въ борьбѣ за московскую корону. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто былъ первый самозванецъ по своему происхожденію. Для насъ важно прослѣдить то образованіе, которое онъ проходилъ въ Польшѣ. Религіозное міровоззрѣніе его должно было сказаться на исполненіи обѣщанія, даннаго Польшѣ,

[1]) Платоновъ, Очерки по ист. смут.. стр. 223 (по изд. 2-му).

ввести въ Россіи католицизмъ. Въ нашей исторической литературѣ есть мнѣніе митрополита Платона, что самозванецъ былъ воспитанникъ іезуитовъ [1]) Такое мнѣніе даетъ приводимое Карамзинымъ свидѣтельство Вассенберга, который говоритъ, что Лжедимитрій 7 лѣтъ учился въ іезуитской школѣ [2]). Взглядъ этотъ опровергается слѣдующими соображеніями. Если самозванецъ былъ воспитанникъ іезуитовъ, то его выдвинули тотчасъ-бы по смерти Ѳеодора Іоанновича. Но онъ появляется въ Польшѣ уже взрослымъ [3]). Затѣмъ противъ такого взгляда говоритъ то, что самозванецъ пишетъ по латыни неправильно in peralov [4]). Воспитанникъ іезуитовъ никогда не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки въ латинской орѳографіи. Мы остановились на указанномъ мнѣніи потому, что если бы оно было вѣрно, то давало-бы исходную точку для уясненія религіозныхъ убѣжденій самозванца. Если бы онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ, то можно было ожидать отъ него фанатизма въ насажденіи католицизма, чего, какъ увидимъ, вовсе не было. Противоположное указанному мнѣнію высказываютъ Левитскій и Пирлингъ, признающіе православно-русское происхожденіе самозванца [5]). Перейдя границу, самозванецъ попада въ школу Гойскихъ: „изучалъ въ Гощи учитися въ школѣ по латински и по польски и по люторской грамотѣ и бысть отмѣтникъ и отступникъ православныя вѣры“ [6]). Школа эта была раціоналистическаго направленія [7]), поэтому ученіе

[1]) Крат. рос. церк. ист., стр. 181, т. 2.

[2]) Карамзинъ, Ист. гос. рос., т. XI, прим. 577.

[3]) Карамзинъ, тамъ-же, стр. 213.

[4]) С. г. г. и д., II, стр. 229.

[5]) Левитскій, хр. чт. 1885 г. ч. II, стр. 675. Пирлингъ, изъ смутнаго времени, стр. 21: „Димитрій великоруссъ, побывавшій въ монастыряхъ“.

[6]) Иное сказ. Времен., книга XVI, стр. 12., Изборн. Поп., стр. 321.

[7]) Левитскій, тамъ-же.

въ ней будущаго насадителя на Руси католицизма могло ему дать убѣжденія не только не католическія, но индеферентныя вообще къ религіи. Пройдя такую школу, самозванецъ вступаетъ въ лоно католической церкви и даетъ обѣщаніе подчинить ей свое русское государство. Тотчасъ послѣ того, какъ онъ заявилъ на исповѣди духовнику въ домѣ Вишневецкаго о своемъ царскомъ происхожденіи, начались его сношенія съ Римомъ чрезъ папскаго нунція въ Краковѣ Клавдія Рангони [1]), результатомъ чего было обѣщаніе присоединить себя и московское государство къ католической церкви [2]). Самозванецъ былъ представленъ польскому королю Сигизмунду III и затѣмъ нунцію Рангони [3]). Присоединенный къ католи-

[1]) Карамзинъ (Ист. гос. рос., т. XI, стр. 130) и Преосв. Макарій (Ист. рус. цер., т. X, стр. 102) представляютъ дѣло такъ, что іезуиты тотчасъ-же окружили самозванца, послѣ того, какъ онъ открылъ свое царское происхожденіе, и затѣмъ началась переписка съ папскимъ нунціемъ. Пр. Макарій здѣсь ссылается на Карамзина (т. X, ст. 102, прим. 70). Пирлингъ говоритъ: теперь документально установлено, что до своего пріѣзда въ Краковъ Димитрій не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ нунціатурой, ни съ іезуитами (Изъ смут. врем., стр. 177). Затѣмъ у Карамзина дѣло представляется такъ, что самозванецъ былъ сначала на аудіенціи у Рангони, а потомъ у короля Сигизмунда На самомъ дѣлѣ, говоритъ Пирлингъ, свиданія совершились въ обратномъ порядкѣ. Карамзинъ заимствовалъ у Чилли небывалую сцену торжественной присяги Димитрія въ домѣ нунція. Въ этомъ разсказѣ, по словамъ Пирлинга, есть доля правды: Димитрій, принявъ самъ католичество, обѣщалъ свое содѣйствіе для религіозныхъ цѣлей; его обѣщаніе было принято къ свѣдѣнію и при случаѣ напоминалось ему. Но клятвы особенно торжественной не было и слѣдовъ ея нигдѣ нѣтъ. Заимствованія эти Карамзинымъ у Чилли, по словамъ Пирлинга, не подвергались надлежащей критикѣ и, такимъ образомъ, на цѣлый рядъ событій образовался невѣрный взглядъ. Главнымъ виновникомъ является здѣсь едва-ли не Карамзинъ (цит. соч., стр. 175). Карамзинъ, говоритъ тамъ-же Пирлингъ, допустилъ крупные недочеты и далъ совершенно невѣрную окраску сношеніямъ Димитрія съ Римомъ.

[2]) С. г. г. и д., II, № 76, стр. 161. Ин. сказ. Времѣн., кн. XVI, стр. 15 Лѣт. о мят., стр. 79. Р. И. Б., т. I, стр. 95.

[3]) У Пр. Макарія говорится, что Лжедимитрій прибылъ въ Краковъ

ческой церкви отцомъ Савицкимъ, самозванецъ, какъ извѣстно, находился въ это время въ домѣ Мнишка, тестя Вишневецкаго. Здѣсь онъ засваталъ дочь Юрія Мнишка Марину. Когда онъ возвратился сюда изъ Кракова, то далъ своему тестю запись о выдачѣ ему денегъ о бракосочетаніи съ дочерью его Мариною и о предоставленіи въ вѣчное владѣніе Пскова и Новгорода, съ дозволеніемъ совершать тамъ католическое богослуженіе [1]). Для насъ важенъ послѣдній пунктъ этой записи: „вольно ей (Маринѣ), какъ ей полюбится, что въ своихъ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ монастыри и костелы ставити римскіе и бискупы и попы латинскіе и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити.... а попы свои держати, сколько ей надобно также набоженство своей вѣры держати безъ всякой забороны, а какъ и мы сами съ Божіей милостью, соединеніе сіе приняли, и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобы государство московское въ одну вѣру римскую всѣхъ привести, и костелыбъ римскіе устроити". Мы видимъ, что самозванецъ, признавая свободу исповѣданія Мариной католичества, въ то же время высказываетъ твердое намѣреніе — накрѣпко промышляти — о подчиненіи русской церкви Риму. Это намѣреніе онъ также проводилъ въ своемъ собственноручномъ письмѣ папѣ Клименту VIII [2]): „а въ грамотѣ его,

---

и былъ принятъ Рангони въ началѣ 1604 г. (цит. соч., стр. 102). По мнѣнію-же Пирлинга, строго и твердо проведенныя отношенія между Римомъ и Димитріемъ начинаются не раньше второй половины 1605 г, (цит. соч. стр. 178).

[1]) С. г. г. и д., II, № 76.

[2]) Письмо написано по польски, размашисто на трехъ большихъ страницахъ. Оно было немедленно послано въ Римъ, представлено папѣ и перешло въ инквизицію, гдѣ обсуждалось дѣло о переходѣ Димитрія въ католичество. Въ архивѣ этого вѣдомства оно и пролежало цѣлыхъ 3 столѣтія и только недавно, по милостивому разрѣшенію папы Льва

т. е. самозванца, пишетъ о томъ, что мысль его вся и радѣетъ отъ всего сердца къ папѣ римскому, его латинской вѣрѣ[a] [1]). Когда самозванецъ выступилъ въ походъ въ Россію съ польскимъ войскомъ, ему сопутствовали въ качествѣ полковыхъ священниковъ два іезуита—Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій [2]). Къ польскому войску присоединились казаки. Что было въ южной Руси тогда буйнаго, говоритъ Костомаровъ, развратнаго, враждебнаго гражданскому порядку и спокойствію, стекалось подъ знамя московскаго претендента [3]). Движеніе самозванца быстро охватило южные города Россіи. По пути къ Москвѣ онъ получилъ грамоты отъ папы [4]), но въ то же время народъ склонялся къ нему какъ законному царю, выходя къ нему навстрѣчу съ православнымъ духовенствомъ и иконами. Въ такія минуты папская грамота, по словамъ Костомарова, должна была стать для самозванца невольно зловѣщимъ кошмаромъ, предсказывавшимъ ему, что въ будущемъ не такъ легко расплатиться онъ можетъ за помощь, которую ему теперь оказываютъ чужіе [5]). Видя неподдѣльное религіозное чувство склонявшагося

XIII, сдѣлалось достояніемъ науки (Пирлингъ, цит. соч., стр. 13—14 прим. 1). По Преосв. Макарію письмо это отъ 30 іюля 1604 г., а по Пирлингу, отъ 24 апрѣля. О филологическомъ анализѣ этого письма и результатахъ его въ пользу великорусскаго происхожденія самозванца см. у Пирлинга, цит. соч., стр. 13—14.

[1]) А. Э, II, № 48. Пр. Макарій кратко передаетъ содержаніе этого письма, пользуясь грамотами изъ актовъ Экспедиціи, что и цитируетъ на 104 стр., прим. 71.

[2]) Пирлингъ говоритъ: оба эти іезуита искренно вѣрили, что самозванецъ истинный сынъ Грознаго и наслѣдникъ престола. Эта мысль проходитъ чрезъ дневникъ Левицкаго (Пирлингъ, цитированное сочиненіе—Изъ смутнаго времени—стр. 100, 144).

[3]) Смут. врем., т. I, стр. 145.

[4]) С. г. г. и д., II, стр. 169: 18 ноября (новый стиль) принесена папская грамота.

[5]) Костомаровъ, смут. врем., I, стр. 158.

къ нему народа, самозванецъ хотѣлъ показать ему свою набожность. Во время пребыванія въ Путивлѣ онъ велѣлъ принести изъ Курска чудотворную икону Божіей матери, предъ которой ежедневно молился [1]).

Мы сказали, что вмѣстѣ съ народомъ встрѣчало самозванца и духовенство. Конечно, ему были извѣстны грамоты патріарха Іова о самозванцѣ, но разъ весь народъ признавалъ въ немъ царевича, то духовенство не отдѣлялось отъ народа и не протестовало. Отношеніе это можно назвать пассивнымъ.

Иное отношеніе къ самозванцу мы видимъ со стороны Рязанскаго архіепископа Игнатія. Онъ самъ является къ самозванцу въ Тулу. Признавъ самозванца законнымъ государемъ, Игнатій приводилъ къ присягѣ въ соборѣ въ Тулѣ всѣхъ переходящихъ къ самозванцу. Это былъ первый изъ русскихъ архипастырей, признавшихъ самозванца безъ всякихъ давленій. Онъ беретъ на себя роль, на которую не былъ способенъ ни одинъ изъ русскихъ архіереевъ [2]). Грекъ по происхожденію, Игнатій умѣло и хитро воспользовался обстоятельствами и вошелъ въ милость у самозванца. Оба они вполнѣ подходили другъ ко другу, такъ что современники точно характеризовали его потаковникомъ Лжедимитрія, подобнымъ ему. Самозванецъ мечталъ о коронѣ и ради нея не останавливался ни передъ чѣмъ. Таковъ-же былъ и Игнатій. Онъ дальновидно примкнулъ къ самозванцу, когда увидѣлъ, что Годуновы, его благодѣтели, должны погибнуть. Ему изъ грамотъ патріарха было извѣстно о дви-

[1]) Пр. Макарій, ист. рус. церкв., стр. 104. Костомаровъ, смут. вр., I, стр. 216.

[2]) В. Завитневичъ, разборъ соч. Арсеній Элассонскій—А. Дмитріевскаго—Проток. Сов. Кіев. дух. ак. 1900—1901 г.

женіи самозванца. Но онъ является въ Тулу изъ Рязани, еще не охваченной движеніемъ [1]).

Совершенно иначе поступилъ Астраханскій епископъ Ѳеодосій [2]). Когда онъ получилъ патріаршую грамоту о движеніи самозванца, сталъ слѣдовать ей. Когда въ Астрахань дошли вѣсти, что Москва въ рукахъ самозванца, святитель былъ преданъ поруганію со стороны перешедшихъ на сторону самозванца. Бунтующаяся толпа бросилась на архіерейскій дворъ, разграбила его и сбросила съ раската нѣсколькихъ слугъ владыки. Самого его оскорбили бранью, заключили подъ стражу въ Троицкій монастырь, а, по воцареніи самозванца, повезли въ Москву. Этотъ мужественный архипастырь—яркій примѣръ отно-

[1]) Левитскій въ своемъ изслѣдованіи—патріархъ Игнатій (Христ. чтен. 1886 г. II) говоритъ: при общей смутѣ и неурядицѣ, при постоянныхъ измѣнахъ бояръ и народа, не легко было Игнатію оставаться непоколебимымъ защитникомъ Годуновыхъ. Правда, другіе святители противились Лжедимитрію,—чего, однако, не сдѣлалъ Игнатій. Но къ извиненію его нужно сказать, что онъ находился нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ прочіе русскіе архіереи, и его измѣна Годуновымъ, слѣдовательно, болѣе простительна. Въ Москвѣ Игнатій былъ заѣзжимъ человѣкомъ и по дѣлу царевича Димитрія зналъ, конечно, мало. Это дѣло, какъ крайне неблаговидное и слишкомъ подозрительное, до времени было забыто; о немъ не старались говорить и очень можетъ быть, что Игнатій, по пріѣздѣ въ нашу столицу, не получилъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о несчастномъ Угличкомъ событіи 15 мая 1591 года,- значитъ, тѣмъ легче онъ могъ признать Лжедимитрія за истиннаго сына Грознаго.

[2]) Источникомъ свѣдѣній о Ѳеодосіи, епископѣ Астраханскомъ, является житіе его, находящееся въ рукописи въ Имп. публ. Библіотекѣ. Внѣшняя исторія этого памятника, говоритъ Платоновъ (Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 296), возстановлена В. О. Ключевскимъ (Древн. русскія житія святыхъ, стр. 333) и все то, чѣмъ житіе можетъ быть интересно историку смуты, уже пересказано Костомаровымъ. Послѣдній склоненъ довѣрчиво относиться ко всѣмъ подробностямъ разсказа житія о томъ, что Ѳеодосій упорно не желалъ признавать Разстригу истиннымъ Димитріемъ и обличалъ его самозванство съ нимъ самимъ. Справедливѣе, однако, думать, что разговоръ Ѳеодосія съ Лжедимитріемъ дошелъ до насъ уже въ легендарной формѣ.

шенія духовенства къ смутѣ —предсталъ предъ очи Лжедимитрія. „Владыка, обратился къ нему царь-авантюристъ, за что ты меня, прирожденнаго государя, именуешь Гришкою Отрепьевымъ". Святитель съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: намъ вѣдомо теперь только то, что ты царствуешь. Богъ тебя знаетъ кто ты таковъ и какъ тебя зовутъ: но прирожденный царевичъ Димитрій убитъ въ Угличѣ Такой смѣлый отвѣтъ въ лицо самозванцу такъ смутилъ его, что онъ оставилъ въ мирѣ мужественнаго архипастыря.

Имѣя на своей сторонѣ уже архіепископа Игнатія, что было весьма важно въ глазахъ народа, самозванецъ 20 іюня торжественно въѣхалъ въ Москву. Народъ съ радостью встрѣчалъ его, восклицая: здравствуй наше красное солнышко, великій государь Димитрій Ивановичъ [1]). При такомъ пріемѣ его со стороны народа, пастырямъ церкви ничего не оставалось, какъ отнестись къ самозванцу, какъ къ признанному народомъ царю. Первосвятитель ихъ былъ въ это время въ заточеніи въ Старицѣ, а Москва вся признала самозванца. Осудимъ ли, скажемъ мы словами знаменитаго историка нашей Церкви преосвященнаго Макарія, тогдашнихъ святителей нашихъ за то, что они покорились самозванцу: это было бы несправедливо [2]). Они подчинились самозванцу не какъ законному царевичу Димитрію, но какъ власти, которая была признана всѣмъ народомъ. Отношеніе ихъ къ самозванцу такъ рельефно характеризуется даннымъ ему отвѣтомъ отъ Астраханскаго архіепископа Ѳеодосія. Онъ, какъ мы видѣли, твердо заявляетъ, что царевичъ Димитрій убитъ

[1]) Изборникъ Попова, стр. 292. Лѣтоп. о мятежахъ, стр. 95. Карамзинъ XI, стр. 212.

[2]) Макарій, X, 105.

въ Угличѣ, а самозванецъ, кто бы онъ ни былъ, въ данную минуту царь въ глазахъ всего народа. И святители столицы вышли поэтому вмѣстѣ съ народомъ навстрѣчу мнимому царю въ торжественной религіозной процессіи. Костомаровъ такъ описываетъ эту процессію: За войскомъ несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ: каждый держалъ образъ или евангеліе; въ концѣ ряда духовныхъ несли четыре образа: Спасителя, Божіей Матери и Св. Московскихъ чудотворцевъ, богатые изукрашенные золотомъ и жемчугомъ. За этими образами ѣхалъ новый первопрестольникъ русской Церкви, вмѣсто сверженнаго Іова, еще не посвященный въ этотъ санъ, но уже назначенный царемъ. Передъ нимъ несли посохъ. Вслѣдъ за нарѣченнымъ патріархомъ ѣхалъ царь [1]) Религіозный характеръ этой торжественной процессіи грубо нарушала музыка польскаго войска, такъ непривычная уху православнаго русскаго человѣка въ минуты церковнаго торжества [2]). Самозванецъ хорошо понималъ психологію встрѣчавшаго его народа и ловко исполнялъ взятую на себя роль православнаго, глубого набожнаго царя. Когда предъ его глазами предсталъ Кремль, это сердце Россіи, онъ со слезами радостно благодарилъ Бога за спасеніе [3]). По совершеніи молебна на Лобномъ мѣстѣ, онъ пошелъ въ соборы: Успенскій и Архангельскій. Въ послѣднемъ предъ гробницами своихъ мнимыхъ прародителей мнимый ихъ наслѣдникъ произнесъ эффектную рѣчь. Здѣсь на него была возложена шапка Мономаха сопровождавшимъ его изъ Успенскаго собора архіепископомъ Архангельскимъ Арсеніемъ [4]). Народъ плакалъ отъ

[1]) Костомаровъ, цит. соч. 251.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 95.

[3]) Костомар. I, 252.

[4]) Арс. Элассонскій и его мемуары по Р. И., А. Дмитріевскаго, стр. 32. Костомаровъ, См. вр., I, стр. 253. Карамзинъ, XI, 213.

радости, видя слезы своего спасеннаго царя. Пастыри церкви, пассивно подчиняясь самозванцу, какъ царю, признанному народомъ, освятили молитвой его вступленіе въ Москву.

Архіепископъ Рязанскій Игнатій, первый изъ архіереевъ, встрѣтившій самозванца въ Тулѣ, а потомъ въ Москвѣ, какъ нарѣченый, по мнѣнію Костомарова, патріархъ, и тѣмъ обратившій на себя его благосклонное вниманіе, не былъ забытъ самозванцемъ. Совершивъ грубое насиліе надъ Церковью въ незаконномъ сверженіи патріарха Іова, самозванецъ продолжалъ такое къ ней отношеніе въ самовольномъ избраніи въ патріархи Игнатія при живомъ Іовѣ. Эти два человѣка смутной эпохи, какъ мы сказали, вполнѣ подошли другъ къ другу. Для полноты характеристики Игнатія, обратимся къ его прошлому.

Грекъ, по происхожденію, Игнатій попадаетъ въ Россію, такъ благодѣтельствовавшую своей просвѣтительницѣ Греціи въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. На короно-ваніи Годунова онъ присутствовалъ въ качествѣ представителя восточной церкви, находясь въ это время въ санѣ епископа Ериссо и святой Горы. Такъ повѣствуетъ намъ о немъ его единоплеменникъ, также попавшій въ Россію, архіепископъ, сначала Елассонскій, а потомъ Архангельскій Арсеній [1]). При Годуновѣ и патріархѣ Іовѣ онъ получилъ

[1]) А. Дмитріевскаго, цит. соч. 94. Свидѣтельство Арсенія является новымъ въ нашей исторической литературѣ. По Пр. Макарію, Игнатій занималъ до прибытія въ Россію архіепископскую кафедру на Кипрѣ (X, 106), откуда бѣжалъ въ Римъ и тамъ, будто бы, принялъ унію. Мы признаемъ первоначальнымъ мѣстомъ жительства не Кипръ, а Ериссо, какъ объ этомъ говоритъ Арсеній, который могъ хорошо знать мѣсто служенія Игнатія. Не можемъ мы согласиться и съ тѣмъ, что Игнатій принялъ унію въРимѣ. что Преосвященный Макарій высказалъ предположительно, а тѣмъ болѣе съ тѣмъ мнѣніемъ, что онъ воротился изъ Рима уже католикомъ (Чтеніе въ Обществѣ истор. и др. 1848 года, № 8). Изъ дальнѣйшей исторіи Игна-

въ управленіе Рязанскую епархію. Царь Борисъ, „не познавъ въ немъ окаянномъ ереси, посла его на Рязань", замѣчаетъ авторъ Лѣтописи о мятежахъ [1]) Такъ говоритъ этотъ авторъ, писавшій уже послѣ смутнаго времени [2]), когда сталъ извѣстенъ фактъ перехода Игнатія въ унію. Фактъ этотъ, свидѣтельствуя о симпатіи Игнатія къ католичеству, говоритъ въ то же время объ умѣніи его приспособляться къ обстоятельствамъ. Эту черту характера онъ обнаружилъ, какъ мы видѣли, и въ переходѣ первымъ изъ русскихъ архіереевъ на сторону самозванца. Таковъ былъ будущій кандидатъ въ патріархи, человѣкъ, плывущій по теченію и съ шаткими православными убѣжденіями.

Мы сказали, что въ низверженіи Іова и самовольномъ избраніи патріархомъ Игнатія выразилось отношеніе самозванца къ русской Церкви—насиліе ея основного закона свободы. Для болѣе точнаго изслѣдованія этого факта, мы обратимся, какъ къ лѣтописнымъ сказаніямъ и запискамъ современниковъ смутной эпохи, выражающимъ взглядъ современниковъ на избраніе Игнатія, такъ и къ нашей исторической литературѣ. Авторъ Лѣтописи о мятежахъ такъ говоритъ объ этомъ фактѣ: „Тотъ же разстрига начатъ думати, какъ бы избрать на престолъ патріаршескій такого-жъ окаяннаго, каковъ и самъ... и взя изъ Рязани Архіепископа Игнатія" [3]). Въ другой редакціи лежащаго въ основѣ этой лѣтописи о мятежахъ текста Никоновой

тія, говоритъ Левитскій (Игнатій патріархъ Московскій), мы видимъ, что унію онъ принялъ въ Литвѣ послѣ бѣгства изъ Москвы. „Это было бы уже лишнимъ, если бы Игнатій принялъ унію раньше". Но фактъ перехода въ унію говоритъ за несомнѣнныя симпатіи Игнатія къ католичеству.

[1]) Лѣтоп. о мят., 95.

[2]) Платоновъ, Древн. русск. сказ., Стр. 253.

[3]) Лѣтоп. о мятеж., 95.

лѣтописи [1]) — такъ называемомъ Новомъ лѣтописцѣ, мы встрѣчаемъ то же: „та же разстрига умысли возвести на престолъ патріаршескій, иже бы ему единомысленъ былъ, и обрѣте на Рязани архіепископа Игнатія... возведе его на престолъ патріаршескій“ [2]). Взглядъ автора этого лѣтописнаго произведенія на разбираемый нами фактъ можно формолировать такъ: самозванецъ избираетъ и поставляетъ патріархомъ Игнатія не такъ, какъ это обычно совершалось въ практикѣ русской церкви: онъ проявляетъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ не только больше, чѣмъ требовала отъ него, какъ отъ царя, практика, но какъ бы совсѣмъ устраняетъ участіе Церкви. Авторъ говоритъ, что самозванецъ избралъ и возвелъ Игнатія, не упоминая о бывшемъ при этомъ соборѣ іерарховъ, выражающемъ участіе Церкви. Авторъ, такъ называемаго „Иного сказанія“ выражается въ томъ же смыслѣ: самозванецъ поставилъ патріархомъ Игнатія Гречаника [3]). Такой же взглядъ высказываютъ современники этой эпохи, писавшіе о смутномъ времени: дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ своемъ Временникѣ [4]), князья Котыревъ-Ростовскій [5]), Шаховскій [6]) и авторы сказаній о Гришкѣ Отрепьевѣ [7]) и Исторіи о первомъ патріархѣ Іовѣ [8]). Болѣе рельефно оттѣняетъ нарушеніе самозванцемъ правъ Церкви въ этомъ дѣлѣ князь Иванъ Хворостинъ въ своей повѣсти: „и властію его извергается первый и прежде его бывшій патріархъ и пастырь нашъ Іовъ, яко чудный Германъ и вводится онъ,

[1]) Платоновъ, Др. русск. ск., стр. 246, прим. 3.
[2]) Нов. лѣтоп. Времен. XVII, 71.
[3]) Ин. сказ. Р. И. Б. XIII, 52.
[4]) Р. И. Б. XIII, стр. 370.
[5]) Тамъ же, стр. 578.
[6]) Тамъ же, стр. 865.
[7]) Тамъ же, стр. 732.
[8]) Тамъ же, стр. 937.

яко Анастасій, возненавидѣнный не единымъ градомъ, но всемірно и всеградно всѣми человѣки, Игнатій, мерзость запустѣнія, на святомъ мѣстѣ святыхъ отецъ посаждается и церковный чинъ отъемлетъ“ [1]). Авторъ повѣсти сравниваетъ отношеніе самозванца къ Церкви съ отношеніемъ къ ней въ эпоху иконоборчества извѣстнаго гонителя иконопочитанія Льва Исаврянина. Послѣдній, какъ извѣстно изъ церковной исторіи, низвергъ съ Константинопольскаго патріаршаго престола Германа, отказавшагося выполнить императорскій эдиктъ о вынесеніи изъ храмовъ иконъ, и возвелъ въ патріархи Анастасія, подчинявшагося эдикту. Ясно, говоритъ профессоръ В. Завитневичъ, что мы имѣемъ вдѣсь, т. е. у Хворостина, дѣло съ точкою зрѣнія чисто каноническою и при томъ широко освѣщающею фактъ: низложеніе Іова и поставленіе Игнатія признается незаконнымъ, во первыхъ, потому, что на святомъ мѣстѣ поставленъ человѣкъ недостойный и всѣми ненавидимый, чѣмъ съ одной стороны осквернена святыня архипастырства и съ другой изнасилована совѣсть всей Церкви. Смѣемъ думать, что это и есть тотъ истинный уголъ зрѣнія (свобода Церкви), подъ которымъ церковный историкъ долженъ освѣщать этотъ фактъ [2]). Такая же точка зрѣнія, какъ у Хворостина, у автора одного хронографа, который говоритъ, что Игнатія самозванецъ избралъ не по правилу святыхъ отецъ [3]). Такъ смотрятъ на это дѣло современники указаннаго событія. При односоставности тогдашняго общества, при полномъ совпаденіи объема государства съ объемомъ церкви, каждый членъ государства въ тогдашнее время былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и

[1]) Тамъ же, стр. 539—540.

[2]) Разборъ соч. проф. А. Дмитріевскаго—Арс. Елассонскій—Проток. Сов. Кіев. дух. ак. 1900—1 г.; стр. 182.

[3]) Избор. Поп., стр. 407.

членомъ Церкви, и потому въ голосѣ общества историкъ не можетъ не слышать голоса церкви. Отдѣльная личность, конечно, не гарантирована отъ впаденія въ крайности и для нея всегда возможны преувеличенія и искаженія; но съ мнѣніемъ цѣлаго народа историкъ не можетъ не считаться, ибо голосъ народа часто, дѣйствительно, бываетъ голосомъ Божіимъ, особенно когда идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ фактовъ и явленій порядка нравственнаго [1]). Такъ, въ сказаніяхъ и хронографахъ авторы ихъ — члены государства и въ то же время церкви — выразили голосъ церкви. Такъ смотрѣли на дѣло православные русскіе люди, близкіе по времени къ разсматриваемому нами событію. Иначе смотритъ на дѣло землякъ Игнатія, принимавшій живое участіе въ его избраніи и поставленіи, архіепископъ Архангельскій Арсеній. Въ своихъ мемуарахъ по русской исторіи онъ такъ описываетъ это событіе. На слѣдующій день (т. е. по въѣздѣ самозванца въ Москву) онъ (самозванецъ) пригласилъ къ себѣ всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, далъ совѣтъ имъ, чтобы они избрали патріарха, сказавъ при этомъ, что патріархъ, святѣйшій отецъ нашъ, господинъ Іовъ — великій старецъ и слѣпецъ и не можетъ пребывать на патріаршествѣ, посему обсудите, чтобы назначить вмѣсто него другого патріарха, кого вы изберете. Всѣ отвѣтили: Хорошо ты опредѣляешь, благочестивѣйшій царь и великій князь всея Россіи, Димитрій Ивановичъ; да исполнится воля твоя, какъ ты повелѣваешь. Поклонившись и благословивши его, они отправились въ соборный храмъ пречистой Богородицы. Совершивъ поклоненіе и поклонясь, всѣ архіереи вошли въ предѣлъ Покрова Пречистой, т. е. въ Покровъ Пресвятыя и, совершивъ тамъ литію, сѣли всѣ на тро-

[1]) Проф. Завитневичъ, тамъ-же.

нахъ. Съ ними находился и смиренный архіепископъ Архангельскій господинъ Арсеній. Поговоривши всѣ единодушно другъ съ другомъ, рѣшили: пусть будетъ снова патріархомъ святѣйшій патріархъ господинъ Іовъ, но такъ какъ онъ великій старецъ и слѣпецъ и не въ силахъ пасти великую Церковь Христову и столь многочисленную паству, то порѣшили не его оставить, но избрать другого, вмѣсто сего старца и слѣпца, патріарха киръ Іова, для смотрѣнія за великою Церковью Христовою и за словесными овцами Христа. И дѣйствительно, законно всѣ архіереи единогласно избрали и нарекли преосвященнѣйшаго архіепископа киръ Игнатія патріархомъ Москвы и всей Россіи и, подписавши кодексъ, показали царю и синклиту. Царь и весь синклитъ одобрили избраннаго патріарха [1]). Мы видимъ, какъ архіепископъ Арсеній оттѣняетъ дѣйствительную законность избранія и нарѣченія Игнатія. Не дѣлая пока анализа этого показанія Арсенія, мы скажемъ, что оно и записки современниковъ, выше нами указанныя, являются крайне рѣзкимъ контрастомъ. Что для архіепископа Арсенія — грека кажется законнымъ, то для Ивана Хворостина, православно русскаго человѣка, — событіемъ подобнымъ факту грубаго насилія надъ церковью отъ императорской власти изъ печальной въ жизни православной церкви эпохи иконоборчества

Переходимъ къ нашей исторической литературѣ. Карамзинъ выражается такъ же, какъ и современники, что Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца Грека Игнатія, котораго наспѣхъ поставили въ патріархи [2]). Церковь въ лицѣ іерарховъ не упоминается въ этомъ дѣлѣ, а дѣйствуетъ самозванецъ. Болѣе неопредѣ-

[1]) А. Дмитріевскій Арс. Элласонскій, стр. 101—103.

[2]) Т. XI, стр. 219.

ленный взглядъ высказываетъ Соловьевъ. Упомянувъ, что Игнатій встрѣтилъ самозванца въ Тулѣ, онъ говоритъ: „этого Игнатія 24 іюня возвели въ патріархи", а далѣе передаетъ вкратцѣ содержаніе его грамоты о возведеніи на патріаршество „по царскому изволенію" [1]). Также нѣсколько неопредѣленно выражается и Иловайскій, говоря лишь, что на мѣсто Іова назначенъ Рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ грекъ, который прежде другихъ архіереевъ призналъ самозванца и явился къ нему на поклонъ [2]). Костомаровъ выставляетъ въ разбираемомъ нами событіи самозванца, какъ главное дѣйствующее лицо. Онъ говоритъ, что Димитрій рѣшилъ замѣнить Іова Игнатіемъ; этотъ архипастырь во многомъ сходился съ царемъ... 24 іюня онъ былъ посвященъ въ патріархи. Освященный соборъ уже привыкъ повиноваться, въ такихъ случаяхъ воля царская и прежде была исполняема [3]). Конечно, нельзя требовать, чтобы гражданскіе историки всесторонне останавливались на причинахъ событія церковнаго, но изъ приведенныхъ нами мѣстъ можно видѣть, что избраніе Игнатія въ патріархи является и у нихъ дѣломъ самозванца,--событіемъ, не подходящимъ подъ обычную практику церкви, къ которой на этотъ разъ гражданская власть является однимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Обращаясь къ знаменитому историку нашей церкви Пр. Макарію, мы находимъ слѣдующее сужденіе о разбираемомъ нами событіи: избраніе новаго патріарха было пренебреженіемъ новаго царя къ уставамъ церкви. По церковному правилу, избраніе патріарха въ Россіи было предоставлено собору русскихъ святителей, а государю принадлежала толь-

[1]) Т. VIII, стр. 119.

[2]) Илов. Смутн. вр. М-скаго г-ства, стр. 42.

[3]) Костомар. Смутн. вр., 238,258.

ко власть утверждать одного изъ избранныхъ соборомъ кандидатовъ на патріаршество. Лжедимитрій поступилъ иначе: онъ самъ избралъ патріарха и, какъ можно догадываться, еще прежде, чѣмъ вступилъ въ Москву... Царь приказалъ архіереямъ возвести Игнатія въ санъ патріарха [1]). Мы видимъ, что пр. Макарій даетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на избраніе Игнатія, самозванецъ нарушалъ здѣсь уставы церкви. Левитскій, посвятившій Игнатію спеціальное изслѣдованіе, высказывается такъ: Избраніе Игнатія, не отвѣчая всей строгости формальныхъ требованій, однако, думаемъ, было вполнѣ законно [2]). Но онъ же говоритъ: къ избранію Игнатія, конечно, не было примѣнено выборное начало и въ этомъ избраніи обнаружилось нарушеніе церковнаго правила, по которому государю предоставлялось только право утверждать одного изъ кандидатовъ на патріаршество, выбранныхъ соборомъ святителей (с. г. гр. и дог. II, 59). Нарушивъ отчасти формальную сторону дѣла при избраніи патріарха, Лжедимитрій отчасти и выполнилъ ее: не прибѣгая къ ненужному избранію кандидатовъ, онъ прямо предложилъ собору пастырей рязанскаго архіепископа Игнатія на вакантную кафедру русскаго патріарха и соборъ пастырей, безъ сомнѣнія, согласился съ волею царя [3]). Такъ обрисовывается разбираемый нами фактъ въ нашей исторической литературѣ. Общій выводъ изъ нея можно формулировать такъ. Самозванецъ избраніемъ и возведеніемъ въ патріархи Игнатія произвелъ нарушеніе въ жизни церкви. Нарушеніе это является насиліемъ, когда первосвятитель церкви былъ низвергнутъ, а на мѣсто его возводился дру-

---

[1]) Истор. русск. церкви, т. X, стр. 106—7.

[2]) Игнат., патр. Московск.., Христ. чтен. 1886 г. II т., стр. 562.

[3]) Левитскій, тамъ-же.

гой — угодный уже царю. Свидѣтельство Арсенія Элласонскаго освѣщаетъ разбираемый фактъ не вѣрно. Собору іерарховъ самозванцемъ былъ предложенъ кандидатъ. Отцы собора соглашаются съ самозванцемъ, потому что свобода ихъ мнѣнія, что коренное условіе законности всякаго собора, была стѣснена очевиднымъ давленіемъ самозванца. Если вопреки лживому освѣщенію Арсенія хода событій, говоритъ проф. Завитневичъ, свобода отцовъ собора была парализована, то развѣ можетъ быть рѣчь о законности того, что произошло на этомъ соборѣ. Изъ церковной исторія мы знаемъ соборы, удовлетворявшіе всѣмъ требованіямъ внѣшней формы, и не смотря на это постановленія ихъ отвергались церковью какъ незаконныя, исключительно потому, что соборы эти лишены были коренного условія законности — свободы мнѣнія. А что члены разсматриваемаго собора избрали Игнатія не по доброй волѣ, это сразу-же выяснилось въ томъ, что по смерти самозванца, какъ только не стало насильника и представители церкви получили свободу дѣйствій, они начали съ того, что прежде всего низложили насильно навязаннаго имъ патріарха [1]).

Но допустимъ, что при избраніи Игнатія были соблюдены всѣ законные формальности,—и въ такомъ случаѣ оно остается чуждымъ для церкви. Въ жизни церкви, напояемой духомъ благодати, мертвая формальность исключается. Разсуждать такъ, скажемъ словами того же проф. Завитневича, т. е. стоять на почвѣ лишь законной формальности, это значитъ—понятія, имѣющія мѣсто въ конторѣ нотаріуса или въ полицейскомъ участкѣ, переносить стѣны института, покоящагося на чисто нравствен-

[1]) Профес. Завитневичъ, Разборъ сочин. Арсеній Елассонскій—стр. 180—181.

ной основѣ. Въ глазахъ православной церкви только тѣ дѣйствія ея членовъ признаются законными, которыя сопровождаются свободнымъ единодушіемъ, ибо только въ свободномъ единеніи душъ проявляется живущая въ церкви благодать Божія, освѣщающая человѣческія дѣйствія [1]).

По Арсенію, отцы собора единодушно соглашаются на избраніе патріархомъ Игнатія, законно избираютъ его и потомъ свергаютъ безъ какого либо законнаго разслѣдованія. Но вполнѣ естественно было низринуть съ патріаршаго престола того, кто былъ избранъ самозванцемъ, но не законнымъ царемъ. На такой точкѣ зрѣнія стояли отцы собора, низвергнувшіе Игнатія вслѣдъ за убіеніемъ боярами самаго самозванца, возведшаго Игнатія въ патріархи. Такимъ образомъ нельзя признать того, что Игнатій былъ избранъ законно, потому что незаконна была власть его избравшая. Незаконность избранія Игнатія сознавалась и самимъ самозванцемъ. Это можно заключить изъ того, что новоизбраннаго патріарха онъ посылаетъ къ живому предшественнику его за благословеніемъ на патріаршество. Если бы Іовъ согласился дать благословеніе, то этимъ актомъ какъ бы призналъ законность избранія Игнатія. Но онъ „вѣдая въ немъ—Игнатіи римскія вѣры мудрованіе и не попусти сему въ патріархахъ быти. Паки же растрига къ патріарху того посылаетъ и муками страхъ налагая.... Святитель же Божій Іовъ, вся сія ни во что вмѣнивъ и съ поношеніемъ къ растригѣ говорилъ, яко по ватагѣ и атаманъ, а по овцамъ и пастырь“ [2]). Наконецъ, самъ Игнатій, хотя и считаетъ себя законнымъ патріархомъ, но въ своей грамотѣ говоритъ: И по его (самозванца) царскому изволенію учинены есть мы

[1]) В. Завитневичъ. Разб. соч. Дмитріевск. Арс. Елас.—стр. 180- 181.

[2]) Карамзинъ, Ист. гос. Рос., т. XI, пр. 378.

въ царствующемъ градѣ Москвѣ на престолѣ Святыхъ чудотворцевъ патріархомъ Московскимъ и всея великія Россіи [1]). Почему то онъ вовсе и не упоминаетъ, что его избраніе—актъ церковный, совершено соборомъ архипастырей. Грамота эта пишется 30 іюня 1605 года въ день поставленія Игнатія въ патріархи, когда естественно упомянуть объ избраніи и посвященіи не только по царскому изволенію, а и отъ освященнаго собора.

30 іюня 1605 года Игнатій былъ поставленъ въ патріархи. Учавствовавшій въ этомъ событіи Арсеній, архіепископъ Архангельскій, такъ описываетъ это событіе. Въ 30 день іюня мѣсяца, въ воскресенье, возвели преосвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго киръ Игнатія и нареченнаго на великій и высочайшій патріаршій тронъ великой Москвы и всея Россіи, на память славнѣйшихъ 12 апостоловъ, въ воскресеніе, когда совершалась съ великимъ торжествомъ литургія, въ присутствіи царя, синклита и всего народа. Послѣ литургіи царь въ большомъ дворцѣ привѣтствовалъ патріарха, архіереевъ, священниковъ и весь синклитъ. Послѣ трапезы царь одарилъ многими дарами патріарха и архіереевъ и всѣ возвратились домой съ великою радостью [2]). Хотя свидѣтельство Арсе-

[1]) С. г. гр. и дог. II, 92, стр. 204.

[2]) А. Дмитріевскій, цит. соч., 103 стр. Мемуары Арсенія являются важными здѣсь особенно въ установленіи точной даты времени поставленія Игнатія. По иному сказанію поставленіе Игнатія было 24 іюня (Р. И. Б. XIII, 52). Но это свидѣтельство, говоритъ также проф. Дмитріевскій, нельзя считать достовѣрнымъ. Въ 1605 году день недѣльный падалъ на 23 іюня, что видно и изъ разсказа того же автора о вступленіи Лжедимитрія въ Москву мѣсяца іюня, въ 20 день, четвертка (тамъ же стр. 51). Слѣдовательно, 24 іюня въ этотъ годъ приходилось въ понедѣльникъ, а не въ день воскресный, къ которому обыкновенно пріурочивались всегда патріаршескія хиротоніи (Цит. соч. прим. 2, 122 стр.). Ошибку иного сказанія повторяютъ и наши историки: пр. Макарій, т. X, 107; Соловьевъ, VIII, 119; Левитскій въ своемъ изслѣдованіи: Игнатій Патріархъ Москов-

нія является вѣрнымъ, но въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ есть мнѣнія, что Игнатій возведенъ самозванцемъ безъ священныхъ рукоположеній. Такъ въ одной редакціи „Иного сказанія“ говорится, что разстрига Игнатія безъ священныхъ рукоположеній возведе на престолъ [1]). Дьякъ Иванъ Тимофеевъ также говоритъ, что самозванецъ патріарха несвященна Игната именемъ изобрѣтъ [2]). Подобное мнѣніе, являясь исторически невѣрнымъ, должно быть понимаемо просто какъ взглядъ нѣкоторыхъ людей той эпохи на Игнатія. Какъ лицо, возведенное самолично на патріаршескій престолъ по сверженіи Іова, онъ могъ казаться и непосвященнымъ.

Возведя на патріаршескій престолъ человѣка, который могъ быть уступчивымъ по своей угодливости, самозванецъ былъ обезпеченъ въ своихъ планахъ. Онъ находился бы между двухъ огней—православіемъ и католицизмомъ, если бы на патріаршемъ престолѣ былъ преемникъ Игнатія – мужественный Гермогенъ, заявившій свою непреклонную стойкость еще въ это время. Не таковъ былъ Игнатій. Мы уже видѣли, что народное сказаніе называетъ его единогласникомъ, единомысленникомъ, потаковникомъ самозванца. Естественно предположить, говоритъ Левитскій, что ихъ сближали между собою какія нибудь общія тому и другому черты характера, изъ коихъ главною и выдающеюся былъ либеральный взглядъ на все не русское иноземное отъ мелочей обыденной жизни до полной религіозной терпимости [3]). Эта терпимость, какъ извѣстно, особенно ярко обнаружилась въ отноше-

---

скій (Хр. чтен. 1886. II, 567): Доброклонскій въ руководствѣ по ист. русск. церкви, вып. 3-й, 69 стр. У Костомарова, день поставленія 24 іюля (I,258).

[1]) Временникъ, т. XVI, стр. 97; тоже въ Изобр. Поп., стр. 194, 242.

[2]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 370.

[3]) Игнатій, патр. Московскій, Хр. чтен. 1886 года, II, 574.

ніяхъ Игнатія, какъ патріарха, къ присоединенію къ православію Марины. За ней стояло католичество, заручившееся обѣщаніями самого самозванца. Патріархъ на все смотрѣлъ сквозь пальцы и по своей угодливости соглашался съ царемъ говоря: „на твоей царю, волѣ, буди“ [1]).

Новостью въ положеніи нашихъ архипастырей во дни самозванца явилось участіе ихъ въ засѣданіяхъ государственной думы, преобразованной по образцу польскаго сената. Въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ сохранилась подробная роспись духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, составлявшимъ государственный Совѣтъ [2]). Духовныя лица стоятъ здѣсь впереди свѣтскихъ, патріархъ сидитъ по правую руку царя, за нимъ идутъ митрополиты, архіепископы и епископы. Можно думать, говоритъ Пр. Макарій, что Лжедимитрій желалъ привлечь къ себѣ нашихъ архипастырей, даровавъ имъ такое почетное достоинство; но, вѣроятно, онъ сдѣлалъ лишь потому, что такъ было въ польской радѣ, которую онъ принялъ за образецъ русской [3]). Съ тою же цѣлью привлечь болѣе духовенство на свою сторону Лжедимитрій поставилъ на кафедру Ростовскаго митрополита своего мнимаго родственника — Филарета Никитича Романова. Онъ возвратилъ его изъ ссылки изъ Антоніева Сійскаго монастыря, куда, какъ извѣстно, онъ былъ сосланъ Борисомъ Годуновымъ. Арсеній Элласонскій даетъ въ своихъ мемуарахъ подробное описаніе факта возвращенія Филарета Никитича изъ ссылки и поставленія его. Ѳеодоръ, т. е. Филаретъ Никитичъ, послѣ того, говоритъ Арсеній, какъ былъ вызванъ изъ ссылки, по приказанію царя, когда патріархъ и синодъ разрѣшили

[1]) Р. И. Б. XIII, 739.

[2]) С. г. гр. и дог. II, № 93, стр. 207.

[3]) Истор. р. ц. т. X, 109.

ему принять свою жену, еще въ живыхъ находящуюся, и снять съ себя монашескія одежды, надѣтыя на него вопреки каноновъ и силою, не пожелалъ, но такъ какъ будучи мудрымъ и боящимся Бога, не рѣшился снять съ себя монашескій санъ, то снова приглашенный къ царю, патріархомъ и архіереями былъ рукоположенъ ростовскимъ митрополитомъ съ именемъ Филарета. По имени и дѣяніе его было по истинѣ милостивое [1]). Взысканный милостью самозванца, митрополитъ Филаретъ Никитичъ въ то же время зналъ, кто такой самозванецъ. У Филарета Никитича, говоритъ Смирновъ въ своемъ о немъ изслѣдованіи [2]), не могло быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, кто сидѣлъ теперь на престолѣ Московскомъ и считалъ себя родственникомъ Романовыхъ. Если такъ, то психологически нельзя допустить, чтобы онъ признавалъ самозванца, какъ дѣйствительнаго царя. Хотя Лжедимитрій осыпалъ его милостями, возвративъ изъ заточенія, и тѣмъ болѣе другихъ архипастырей располагалъ его къ себѣ, но Филаретъ Никитичъ, зная, кто такой сидѣвшій на престолѣ, также относился къ нему, какъ и другіе архипастыри. Онъ признавалъ его царемъ и подчинился ему, отправившись на ростовскую кафедру. Нельзя отрицать того, что поставленіе Филарета Никитича въ ростовскіе митрополиты было своевольнымъ дѣйствіемъ самозванца. Какъ извѣстно, ростовская каѳедра въ то время была не праздна, на ней былъ митрополитъ Кириллъ. Самозванецъ приказалъ ему удалиться въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ былъ прежде архимандритомъ.

Появленіе двухъ іезуитовъ и поляковъ въ Москвѣ, пренебреженіе послѣднихъ къ русской святынѣ, наконецъ,

---

[1]) Арс. Эллас. А. А. Дмитріевскаго, стр. 106.

[2]) Чтен. въ О-вѣ любит. духовн. просв. 1873 г., 335 стр.

доносившіеся слухи о сношеніи царя съ папою возбуждало духовенство быть на стражѣ православія. Къ этому нужно прибавить, что самозванецъ обиралъ нѣкоторые монастыри, отбиралъ участки церковной земли въ самой Москвѣ [1]), предавалъ иноковъ за гражданскія преступленія торговой казни [2]). Эти факты въ общей суммѣ создавали враждебное отношеніе духовенства къ царю, по мнѣнію Карамзина и Платонова. Первый называетъ духовенство даже злѣйшимъ врагомъ самозванца [3]). Но на сторонѣ мнимаго царя былъ патріархъ, который по своей индиферентности безразлично относился и къ стремленіямъ католицизма [4]).

Для окончательнаго утвержденія на престолѣ самозванецъ по обычаю русскихъ царей короновался 21 іюля 1605 года. Чинъ коронованія совершалъ новопосвященный патріархъ и, безъ сомнѣнія, по словамъ Пр. Макарія, произнесъ рѣчь царю, какъ положено въ чинѣ [5]). Въ это-же время привѣтствовалъ самозванца рѣчью и іезуитъ патеръ Черниковскій на латинскомъ языкѣ [6]). Зорко слѣдя за всѣмъ, происходящимъ въ Москвѣ, Римъ обра-

[1]) Платоновъ, очерки по ист. смуты, стр. 292.

[2]) Карамзинъ, XI, 250.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Пр. Макарій говоритъ, что о симпатіяхъ Игнатія къ католичеству свидѣтельствуетъ письмо кардинала Боргезе къ нунцію Рангони (ист. рус. церкв., т. X, стр. 108). Левитскій объ этомъ высказывается иначе: въ достовѣрности сего (симпатіи Игнатія католичеству) мы имѣемъ полное право усумниться, что подтверждается гробовымъ молчаніемъ Ватикана объ этомъ дѣлѣ (Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католичества.—Христ. чтен., 1885 г., II, 393).

[5]) Ист. рус. церкв., т. X, стр. 111.

[6]) По мнѣнію Пр. Макарія (тамъ-же), самозванца привѣтствовалъ рѣчью и протоіерей Благовѣщенскаго собора Терентій. Рѣчь эта напечатана во II томѣ А. Э. подъ № 224. Платоновъ говоритъ объ этой рѣчи, что она литературная челобитная, но не простое привѣтствіе государю, ни рѣчь при торжествѣ царскаго вѣнчанія Древне-русскія сказанія о

тился къ короноваппому московскому царю съ напоминаніемъ о данныхъ имъ обѣщаніяхъ. Папа Павелъ III неоднократно писалъ Лжедимитрію объ этомъ и послалъ своего чиновника Александра Рангони [1]). Вмѣстѣ съ послѣднимъ прибыли въ Москву Кармелиты — католическіе миссіонеры, проѣзжавшіе въ Персію, и привезли Лжедимитрію поздравительное письмо отъ Павла III. Какъ Рангони, такъ и Кармелиты, хорошо были приняты въ Москвѣ [2]). Въ то же время папскій нунцій въ Краковѣ Клавдій Рангони, игравшій важную роль въ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Римомъ, также пишетъ ему привѣтствіе съ напоминаніемъ о данномъ обѣщаніи и посылаетъ въ подарокъ крестъ, четки и Библію [3]). Лжедимитрій на письма папы дважды отвѣчаетъ, но о вожделѣнномъ желаніи папы – соединеніи церквей съ подчиненіемъ Риму — молчитъ и говоритъ лишь о своемъ намѣреніи итти вмѣстѣ съ римскимъ императоромъ въ походъ противъ турокъ. Этотъ-же походъ былъ въ виду и при посольствѣ въ Римъ отъ Лжедимитрія патера Лавицкаго [4]). Таковы

смутномъ времени, стр. 58, прим. 2-е). Костомаровъ отнесъ эту рѣчь ко времени пребыванія самозванца въ Москвѣ (Смут. вр., т. I, стр. 254).

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ есть въ дневникѣ неизвѣстнаго спутника Рангони, хранящемся въ Неаполитанской національной библіотекѣ (Пирлингъ, цит. соч., стр. 107—108).

[2]) Пребываніе Кармелитовъ въ Москвѣ, хотя и краткое, говоритъ Пирлингъ, доказываетъ, что Димитрій дорожилъ до самаго конца хорошими, хотя-бы только и внѣшними, отношеніями съ Римомъ и, не смотря на свои выходки противъ папы, старался угодить его желаніямъ и просьбамъ (цит. соч., стр. 66). Пр. Мак. говоритъ (цит. соч., стр. 112), что папа прислалъ въ это время въ Москву нѣсколько іезуитовъ.

[3]) По словамъ Пирлинга, тамъ-же Рангони при встрѣчѣ съ самозванцемъ вручилъ ему икону мадонны и кольцо съ ея изображеніями.

[4]) Левитскій говоритъ, что патеръ Лавицкій ничего не сообщилъ о введеніи въ Россіи католицизма (Лжедимитрій, какъ пропаганд. катол., стр. 397). По словамъ Карамзина (Ист. XI, 237), посольство это было болѣе для государственнаго, нежели для церковнаго, дѣла.

были отношенія между Лжедимитріемъ и Римомъ до брака его съ Мариной, когда желанная цѣль—пропаганда и насажденіе католицизма въ Москвѣ—должна была, по мнѣнію Рима, круто повернуться къ лучшему отъ неопредѣленныхъ отношеній къ этому дѣлу самого Лжедимитрія.

Вопросъ о пріемѣ Марины въ православіе является весьма важнымъ въ положеніи церкви въ разсматриваемый періодъ. Обычное убѣжденіе всѣхъ „православныхъ хрестьянъ"—всей русской церкви въ этотъ періодъ было таково, что латинянъ-католиковъ слѣдуетъ перекрещивать. Хотя такой чинопріемъ канонически является неправильнымъ, но мы имѣемъ въ виду не формально-каноническую сторону, но общій взглядъ русскихъ на католиковъ въ это время. Взглядъ этотъ выраженъ, какъ извѣстно, на соборѣ 1620 года патріархомъ Филаретомъ, который ставитъ Игнатію въ вину принятіе Марины безъ перекрещиванья. Важность указаннаго вопроса хорошо сознавалъ и самъ Лжедимитрій. Въ разрѣшеніи его онъ сталкивался и съ православіемъ и съ католицизмомъ. Перекрещиваніе Марины, безъ чего ее нельзя было тогда принять въ православіе, для Рима, возлагавшаго большія надежды на бракъ самозванца, должно было показаться крайнимъ униженіемъ. Марина, говоритъ Левитскій, въ глазахъ слугъ папы получила апостольское призваніе, являясь орудіемъ для окатоличенія Московіи. И король и патеры увѣщевали ее содѣйствовать распространенію католической вѣры въ Россіи и укрѣплять въ своемъ мужѣ ревность къ Римской церкви; отъ ея брака ожидали духовныхъ плодовъ для всего христіанства и особенно для католичества [1]). Лжедимитрій, зная взглядъ

[1]) Лжедимитрій, какъ пропагандистъ катол.—Христ. чтен. 1885 г., т. II. стр. 402: ты должна, писалъ папа Маринѣ, вмѣстѣ съ возлюблен-

русской церкви на католиковъ, что православные не пойдутъ на уступки, обращается чрезъ своего секретаря къ Клавдію Рангони. Секретарю Бучинскому онъ даетъ наказъ, которымъ онъ долженъ у папскаго легата исходатайствовать разрѣшеніе для Марины причаститься на обѣднѣ отъ православнаго патріарха, потому что безъ этого она не можетъ быть коронована, ходить въ греческую церковь, затѣмъ разрѣшить ѣсть въ субботу мясо и поститься въ среду [1]). Наказъ этотъ говоритъ о томъ, какъ Лжедимитрій хотѣлъ пройти между православіемъ и католицизмомъ. Испрашивая разрѣшенія причаститься у патріарха, ходить въ православную церковь и т. д., Лжедимитрій въ то-же время говоритъ, что набоженство и чинъ свой вольно ей будетъ держать какъ похочетъ. Такимъ образомъ Марина внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ православія избѣгала подозрѣній со стороны православныхъ, оставаясь въ сущности тайно католичкой. Рангони въ своемъ письмѣ отъ 3 февраля 1606 г. писалъ самозванцу, что удовлетворить его желаніе не въ силахъ, такъ какъ это дѣло, „будучи великой трудности и важности, гораздо сильнѣйшей требуетъ помощи и зрѣлаго испытанія“ [2]). Но я увѣренъ, прибавляетъ Рангони, что ваше величество, тщательно обсудивъ дѣло по своей власти, которой никто не долженъ противиться, преодолѣете всѣ препятствія и не нанесете вашей невѣстѣ принужденія. Для большей убѣдительности Рангони ссылается на то, что перемѣна обрядовъ

нымъ сыномъ нашимъ, твоимъ супругомъ, всѣми силами стараться чтобы Богослуженіе католической религіи и ученіе Св. апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены въ вашемъ государствѣ прочно и незыблемо. Вотъ твое первое и главнѣйшее дѣло.

[1]) С. г. г. и д., II, стр. 228—229.

[2]) Тамъ-же, 124.

вѣры необязательна при бракахъ лицъ разныхъ исповѣданій и что кто-то изъ предковъ самозванца хотѣлъ жениться на польской королевнѣ, предоставляя ей свободу исповѣданія католической вѣры. Въ виду неправоспособности легата дать нужное самозванцу разрѣшеніе, дѣло было передано папѣ. Отсюда чрезъ кардинала Боргезе писали Рангони въ февралѣ: пусть Марина остается непремѣнно при обрядахъ латинской церкви, иначе самъ Димитрій будетъ находить новыя оправданія своего упорства [1]). Такимъ образомъ Римъ не шелъ на уступки. Но то, говоритъ Пр. Макарій, чего не разрѣшили гласно, вѣрно, нашли возможнымъ разрѣшить негласно [2]).

Сносясь съ Римскою церковью по вопросу объ отношеніи Марины къ православію, самозванецъ въ то же время представляетъ собору русскихъ іерарховъ обсудить вѣнчаніе съ Мариной безъ перекрещиванія ея. Онъ зналъ, что на сторонѣ его находится патріархъ, но въ то же время хотѣлъ этимъ предложеніемъ соблюсти формальную сторону дѣла. Авторъ сказанія „еже содѣяся“—говоритъ, что самозванецъ разсуждалъ по данному вопросу съ властями, боярами и ближними людьми, прося ихъ благословить вѣнчаться на Маринѣ, не крестя ее, и устроить римскіе костелы [3]). По словамъ Левитскаго, можно думать, что соборныхъ засѣданій по дѣлу о царской невѣстѣ было нѣсколько: это нужно допустить въ виду того, что крайне

---

[1]) Костомаровъ, цит. соч., I, 321. Пр. Мак.—цит. соч., стр. 116.

[2]) Пр. Мак., тамъ-же.

[3]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 79. Арсеній Елассонскій въ своихъ мемуарахъ по рус. ист. говоритъ, что, посовѣтовавшись съ боярами, синклитомъ двора относительно того, чтобы взять въ жены Марину, дочь польскаго воеводы, всѣ порѣшили взять ее, если она будетъ перекрещена въ нашей восточной церкви (А. Дмитріевскій—цит. соч., стр. 106).

трудно было ожидать единодушнаго рѣшенія предложеннаго царемъ вопроса [1]). Безстрашный голосъ протеста противъ такого намѣренія самозванца раздался изъ устъ двухъ русскихъ святителей, бывшихъ на соборѣ —Гермогена, митрополита Казанскаго, и Коломенскаго епископа Іосифа [2]), за что они и были удалены самозванцемъ изъ собора, а Іосифъ даже отправленъ въ заточеніе [3]). Не такъ отнесся къ предлагаемому вопросу патріархъ Игнатій, который говорилъ самозванцу: „на твоей, царю, волѣ буди“ [4]). Требуя со стороны папскаго престола разрѣшенія причащенія Марины патріархомъ и исполненія ей обрядовъ восточной церкви, самозванецъ въ то же время оставлялъ ей свободу вѣроисповѣданія. Марина такимъ образомъ формально для вида присоединялась къ православію, оставаясь на самомъ дѣлѣ паписткой. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Левитскій, что въ составленіи такого проекта (пріема Марины) принималъ дѣятельное участіе Игнатій. Кромѣ Лжедимитрія и Игнатія, никто, думаемъ мы, и не обсуждалъ такой планъ соглашенія православія и католиче-

---

[1]) Въ такъ называемомъ хронографѣ Кубасова говорится о Гермогенѣ, что онъ подавалъ запрещеніе самозванцу на соборѣ –Изборн. Поп., стр. 295. Левитскій, Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католичества - Христ. чтеніе, 1885 годъ, т. II, стр. 582.

[2]) Пр. Макарій говоритъ, что въ числѣ протестующихъ были и протоіереи (цит. соч., стр. 115).

[3]) Относительно Іосифа существуетъ противорѣчивыя свидѣтельства въ одномъ и томъ-же сказаніи „еже содѣяся“. Въ редакціи его, напечатанной въ Чтеніяхъ О-ва ист. и древ. за 1847 г., сказано, что Іосифа самозванецъ хотѣлъ „послѣди сослати въ заточеніе“. Въ редакціи-же Русской Исторической Библіотеки (т. XIII, стр. 740) говорится: „а епископа Коломенска Іосифа сосла (прим. 33 сослати) въ заточеніе“. Пр. Макарій (X, 115) и Карамзинъ (Ист. XI, 264) признаютъ ссылку Іосифа. Соловьевъ, (Исторія, VIII, стр. 123) говоритъ,что Іосифа оставили неизвѣстно по какимъ причинамъ.

[4]) Р. И. Б. XIII, 739.

ства въ лицѣ Марины [1]). Какъ мы видѣли, Игнатій даетъ согласіе принять Марину такимъ образомъ, какъ это желательно было самозванцу. Такимъ образомъ въ дѣлѣ присоединенія Марины патріархъ имѣлъ важное вліяніе въ смыслѣ рѣшенія дѣла въ духѣ самозванца. Мы не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы среди русскихъ архипастырей, къ которымъ обращался самозванецъ съ просьбой принять Марину безъ перекрещиванья, были протестующіе, кромѣ Гермогена и Іосифа. Но это не говоритъ о томъ, что остальные іерархи были сторонниками самозванца. За принятіе Марины по этому церемоніалу безъ перекрещиванья, говоритъ проф. Завитневичъ, стоялъ только одинъ грекъ патріархъ Игнатій, оказавшійся въ стачкѣ съ самозванцемъ; все-же русское духовенство этой стачкѣ не сочувствовало, а нѣкоторые изъ святителей и протоіереевъ, наприм., Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ прямо протестовали [2]). Гермогена и Іосифа мы можемъ считать лишь выразителями этого несочувствія плану присоединенія Марины отъ лица всего духовенства, кромѣ главы его Игнатія [3]).

[1]) Христ. чт. 1886 г., т. II, стр. 578.

[2]) Протоколы Совѣта Кіев. дух. ак. 1900—1 г., стр. 170.

[3]) Иначе смотритъ на отношенія остальныхъ архипастырей просьбѣ Лжедимитрія Левитскій въ своемъ изслѣдованіи—Игнатій, патріархъ Московскій—(Хр. чт. 1886 г.). Онъ признаетъ ихъ согласіе съ самозванцемъ и мотивируетъ его тѣмъ, что канонически такой чинопріемъ Марины былъ вполнѣ правиленъ. „Говоря о законности согласія пастырей, говоритъ Левитскій, мы не исключаемъ ихъ намѣренія сдѣлать угодное самозванцу. Угодливость эта не есть совершенное лукавство и безуміе, какъ называетъ ее лѣтопись, она не нарушала церковныхъ постановленій, соборъ былъ на легальной почвѣ“ (цит. соч., стр. 587). Мы знаемъ, что въ 1606 г. соборомъ іерарховъ былъ низложенъ Игнатій именно за присоединеніе Марины безъ перекрещиванья. Соборъ 1620 года выставляетъ единственнымъ участникомъ самозванца въ исполненіи имъ плана присоединенія Марины только Игнатія и констатируетъ именно эту вину, упоминая о низверженіи

Заручившись согласіемъ патріарха въ дѣлѣ присоединенія Марины безъ перекрещиванія и негласнымъ, какъ думаетъ Пр. Макарій, разрѣшеніемъ папы быть ей внѣшне присоединенной къ православію, самозванецъ въ ноябрѣ 1605 года отправилъ въ Краковъ своего посла Аѳанасія Власьева для совершенія чина обрученія по обряду римской церкви [1]). Въ Москву-же нареченная невѣста Лжедимитрія прибыла въ маѣ 1606 года и была помѣщена въ православномъ монастырѣ 8 мая [2]) 1606 года состоялось вѣнчаніе Марины съ Лжедимитріемъ и коронованіе. Чинъ обрученія и вѣнчанія совершалъ Благовѣщенскій протоіерей Ѳеодоръ, а коронованіе патріархъ, присутствовавшій при бракосочетаніи. На литургіи, бывшей по обрученіи и коронованіи, во время причастна патріархъ помазалъ ее миромъ въ знакъ присоединенія къ право-

---

Игнатія отцами собора 1606 года. На соборѣ 1620 года могли быть живы іерархи, разсуждавшіе съ самозванцемъ по указанному вопросу о чинопріемѣ Марины въ православіе. Они соглашались съ мнѣніемъ предсѣдателя собора—патріарха Филарета о низверженіи Игнатія, что соборъ 1606 года поступилъ правильно. Если бы они были согласны съ Игнатіемъ, то соборъ 1620 года осуждалъ-бы и ихъ. иначе говоря, они осудили-бы сами себя.

[1]) Р. И. Б., т. I-й, стр. 51.

[2]) День этотъ приходился въ четвергъ и былъ кануномъ праздника перенесенія мощей св. Николая. столь почитаемаго на Руси. Совершеніе брака въ такой день въ настоящее время. какъ извѣстно, запрещается. По было-ли такое запрещеніе въ практикѣ русской церкви въ XVII вѣкѣ, отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно нельзя. У современниковъ въ ихъ сказаніяхъ мы не находимъ упрека самозванцу за выборъ такого дня для вѣнчанія. Изъ историковъ Соловьевъ (Ист., VIII, 136) и Костомаровъ (Смут. время, II, 375) считаютъ это нарушеніемъ церковнаго устава. Пр. Макарій не упоминаетъ, чтобы выборъ такого дня для брака былъ нарушеніемъ церковнаго устава. Замѣчательно, что въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ это отмѣчено: А сватьба была на великій праздникъ—на великій праздникъ Миколинъ день. -Миколинъ день былъ въ пятницу (Кирѣевскій, пѣсни, вып. VIII, стр. 68).

славной церкви и причастилъ Св. таинъ. Послѣ литургіи было совершено вѣнчаніе [1]). Во все время были въ соборѣ и два іезуита Савицкій и Черниковскій. Послѣдній сказалъ привѣтственную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Совѣсть іезуитовъ, говоритъ Пр. Макарій, ни мало не смущалась, когда ихъ духовная дочь, предъ ими и предъ всѣми, притворялась православною и лицедѣйствовала: они знали, что это недостойное средство ведетъ ее къ браку съ московскимъ царемъ, а бракъ этотъ обѣщалъ для нихъ и для излюбленнаго папства великія выгоды. Но не лучше была совѣсть и русскаго патріарха, когда онъ изъ угодливости предъ царемъ въ присутствіи православныхъ преподавалъ, по ихъ убѣжденію, еретичкѣ таинства православной церкви [2]). Историческую достовѣрность миропомазанія и причащенія Марины патріархомъ Игнатіемъ подтверждаетъ соборъ 1620 года. На немъ предсѣдателемъ его, патріархомъ Филаретомъ, бывшимъ, безъ со-

[1]) Такъ представляется дѣло въ извѣстномъ церемоніалѣ, составленномъ для этого случая (С. г. г. и д.—II, 138). Совершенно другое говоритъ въ своихъ мемуарахъ Арсеній, епископъ Елассонскій. Разсказавъ о коронованіи Марины, онъ совершенно умалчиваетъ о томъ, что на литургіи патріархъ миропомазалъ и причастилъ Марину Св. таинъ. Изслѣдователь мемуаровъ Арсенія, проф. А. А. Дмитріевскій (Арсеній Елассонскій, стр. 111), говоритъ, что свидѣтельство Арсенія ни мало не оставляетъ въ насъ сомнѣнія въ исторической его достовѣрности и должно, по нашему мнѣнію, быть отмѣчено, какъ новый и въ высшей степени любопытный фактъ, проясняющій въ значительной степени ускоренный ходъ дальнѣйшихъ событій въ жизни I-го самозванца, приведшій къ трагической развязкѣ. Свидѣтельство Арсенія и мнѣніе въ защиту его проф. А. Дмитріевскаго подробно разбираетъ въ своей рецензіи на эту монографію проф. Дмитріевскаго проф. В. З. Завитневичъ (Протоколы Совѣта Кіев. дух. акад. за 1900—1 г.), отвергая историческую достовѣрность свидѣтельства Арсенія. Пирлингъ въ своей монографіи—Изъ смутнаго времени- упоминая свидѣтельство Арсенія, говоритъ, что оно внушаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ обличительная выходка Филарета (на соборѣ 1620 г. по адресу Игнатія).

[2]) Исторія рус. церкв., т. X, стр. 117—118.

мнѣнія, очевидцемъ причащенія Марины, было сказано о патріархѣ Игнатіи, что онъ „введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ-же крещеніемъ совершеннымъ христіанскаго закона не крестилъ ю, но токмо единымъ святымъ миромъ помаза и потомъ вѣнчалъ ю съ тѣмъ растригою. И якоже Іюда предатель и сей поругася Христу, и обоимъ убо симъ врагомъ Божіимъ растригѣ и Маринкѣ подаде пречистое тѣло Христово ясти и святую и честную кровь Христову пити, его же Игнатія за такую вину священноначальницы великія святыя церкви Россійскія, яко презрѣвшаго правила св. апостоловъ и св. отцовъ отъ престола изринуша въ лѣто 7114“ (1606)—[1]). Въ нашей исторической литературѣ вопросъ этотъ имѣетъ такое освѣщеніе. Проф. Завитневичъ говоритъ, что эта выдержка изъ актовъ собора 1620 года есть ничто иное, какъ оффиціальный докладъ предсѣдателя собора, содержащій историческую справку и констатирующій фактъ, имѣвшій мѣсто на предшествующемъ соборѣ 1606 года.... Чтобы разсматриваемое свидѣтельство объявить личнымъ мнѣніемъ патріарха Филарета Никитича и потомъ отвергнуть его достовѣрность, необходимо допустить, что сей знаменитый историческій дѣятель, ссылаясь на постановленіе собора 1906 года, лгалъ, а отцы собора 1620 года, слушая его ложь, поддакивали ему.... Члены обоихъ соборовъ, всѣ безъ исключенія, современниками Марины, а многіе изъ нихъ были непосредственными участниками этого акта [2]). Пирлингъ въ указанной нами монографіи, какъ мы сказали, стоитъ за свидѣтельство Арсенія, высказываясь, что Іовъ, современникъ Димитрія, вовсе не возво-

[1]) Заимствуемъ у Пр. Макарія, цит. соч., т. X, стр. 122, прим. 85.

[2]) Протоколы Совѣта Кіевск. духовн. академіи за 1900—1 годъ, стр. 172—173.

дилъ на Игнатія этого послѣдняго нареканія, т. е. обвиненія въ причащеніи Марины. Въ своей прощальной грамотѣ 1607 г. онъ говоритъ только о миропомазаніи и ничего о причастіи. Предложеніе причастія есть ничто иное, какъ позднѣйшій наростъ, который впервые является 14 лѣтъ послѣ событія. Пирлингъ такимъ образомъ признаетъ ложью свидѣтельство Филарета, довѣряя почему-то Арсенію. Но Филаретъ во время вѣнчанія самозванца, такого торжественнаго момента, былъ въ Москвѣ, хотя и назначенъ былъ самозванцемъ митрополитомъ въ Ростовъ, а потому является такимъ-же очевидцемъ вѣнчанія, какъ и Арсеній. Онъ въ Ростовъ былъ отправленъ, по мнѣнію Платонова, лишь Шуйскимъ [1]). Причащеніе Марины признаютъ, между прочимъ, Пр. Макарій Доброклонскій [2]) и Левитскій въ изслѣдованіи объ Игнатіи.

На бракосочетаніе Лжедимитрія съ Мариной, какъ извѣстно, католицизмъ возлагалъ большія надежды. Когда оно было совершено, папа напомнилъ Лжедимитрію о данномъ имъ обѣщаніи въ письмахъ и грамотѣ, писалъ о томъ-же и Маринѣ и Юрію Мнишку [3]). Но, какъ извѣстно, 17 мая 1606 года, по состоявшемуся ранѣе заговору среди бояръ, самозванецъ былъ убитъ. Говоря о начавшемся движеніи къ сверженію самозванца, Платоновъ замѣчаетъ, что въ числѣ враговъ самозванца явилось и духовенство. Оно, по словамъ Платонова, считало подвигомъ благочестія всякую опозицію разстригѣ..., несомнѣнно не отказало-бы въ своемъ благословеніи всякому, кто дерзнулъ-бы на разстригу [4]). Но если представители право-

[1]) Очерки, стр. 464, прим. 86.

[2]) Рук. по ист. р. ц., вып. 3, стр. 70.

[3]) Пр. Макарій, цит. соч., стр. 118.

[4]) Очерки, стр. 223.

славной церкви стойко защищали православіе даже въ чинопріемѣ Марины и тѣмъ болѣе при слухахъ о сношеніяхъ самозванца съ Римомъ, то участія въ заговорѣ для убійства самозванца, хотя бы только въ формѣ благословенія дерзнувшаго на разстригу, какъ думаетъ Платоновъ, допустить нельзя. Это участіе не подтверждается никакими историческими свидѣтельствами. Церковь русская признала самозванца, какъ признаннаго народомъ царя, и подчинилась ему, протестуя тамъ противъ этого царя, гдѣ нарушались ея основныя начала, какъ это обнаружилось въ сверженіи Игнатія. Освящать же благословеніемъ убійство самозванца, другими словами, по—іезуитски, освящать средство ради цѣли, церковь русская въ это время, какъ и во весь періодъ смуты, не допускала, оберегая своими средствами свои жизненныя начала.

Съ убійствомъ самозванца стало ясно, что возлагаемыя на него католицизмомъ надежды не оправдались. Мы не можемъ признать въ немъ яраго поборника католицизма [1]). Это былъ просто авантюристъ, добившійся престола въ удобное время и не разбиравшій средствъ на пути къ нему. Для Лжедимитрія католицизмъ и православіе были именно только средствомъ для полученія ко-

[1]) Пр. Макарій (цит. соч., стр. 120 121) приписываетъ самозванцу намѣреніе взяться за насажденіе католицизма тотчасъ послѣ брака, основываясь на извѣстномъ показаніи Бучинскихъ. Здѣсь мы находимъ слѣдующія слова, приписываемыя самозванцу и сказанныя имъ наединѣ князю Вишневецкому 16 мая: „время-де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чтобъ государство свое утвердити и вѣру костела римскаго распространити. А начальное-де дѣло то, что бояръ побити“ (С. г. г. и д. II, № 140). Такое-же намѣреніе приписываютъ самозванцу и наши хронографы и сказанія Избор. Поп., стр. 237—8,—Ин. Сказ. Врем. кн. XVI, стр. 32—33, - Сказ. о Гр. Отреп. Чт. въ О-вѣ ист. и др., 1847 г., IX, ст. 22. Пр. Макарій считаетъ это за достовѣрное историческое свидѣтельство. Левитскій въ своемъ изслѣдованіи о Лжедимитріи (Хр. чт. 1885—6 г.г.) подробно разбираетъ показаніе Бучинскихъ и считаетъ его невѣрнымъ исторически.

роны. Католицизму онъ давалъ обѣщаніе насадить его въ Россіи, но въ то же время казался и православнымъ, благотворя членамъ Львовскаго братства, стоявшимъ въ опозиціи не только католицизму, но даже и уніи, мосту отъ православія къ католицизму [1]). Но народныя сказанія охарактеризовали самозванца гонителемъ православныхъ, антихристомъ. Такая рѣзкая характеристика явилась уже по смерти самозванца. Исходный пунктъ всѣхъ рѣзкихъ эпитетовъ, которыми народъ назвалъ самозванца, именно его самозванчество. Индиферентный по складу своихъ убѣжденій вообще къ религіи, являвшейся только средствомъ на пути къ престолу, Лжедимитрій въ то же время не былъ ревнителемъ всего уклада русской жизни, а вносилъ въ него новшества. Мы знаемъ, что печать церковности, религіознаго духа, лежала на всемъ русскомъ бытѣ. Отсюда самозванцу ставились въ вину, какъ нарушеніе церковнаго устава самые мелочные факты, какъ, напримѣръ, вкушеніе телятины, нехожденіе въ баню и т. п. На все это русскій человѣкъ смотрѣлъ совершенно иными глазами, чѣмъ Лжедимитрій. Онъ былъ по своей индиферентности вѣротерпимъ къ католикамъ, допускалъ возможность 8 и 9 вселенскихъ соборовъ [2]). Съ точки зрѣнія народной психологіи, по которой только русское свято и православно въ религіи, самозванецъ явился еретикомъ, нанесшимъ поруганіе всему православному хрестьянству.

Вслѣдъ за позорной смертью самозванца, явившейся результатомъ боярскаго заговора, былъ низверженъ и потаковникъ его — патріархъ Игнатій. По свидѣтельству патріарха Филарета на соборѣ 1620 г., онъ былъ низ-

[1]) Пр. Макарій Исторія русской церкви. т X. стр. 113. Сказ. современниковъ о Димитр. самозванцѣ, т. III. стр. 147.

[2]) Изборн. Поп., стр. 192, 234.

вергнутъ іерархами русской церкви. „Иное сказаніе“ говоритъ, что игнатій былъ низверженъ уже Шуйскимъ и освященнымъ соборомъ и былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь [1]). Удаленіемъ Игнатія съ патріаршества русская церковь показала, что онъ ей навязанъ насильно самозванцемъ и такимъ образомъ заявила о своемъ основномъ правѣ и коренномъ принципѣ—свободѣ дѣйствій. Главной причиной отдаленія Игнатія на соборѣ 1620 года ставили причащеніе Марины безъ перекрещиванья. Но это былъ лишь частный фактъ во всей суммѣ того, что творилп надъ русской церковью Игнатій и самозванецъ. Избранный послѣднимъ вмѣстѣ съ нимъ Игнатій былъ удаленъ съ каѳедры. Главная причина низверженія въ томъ, что онъ былъ вызванъ самозванцемъ. Черная тѣнь еретика, говоритъ Левитскій, сосуда діавола, павшая на самозванца, естественно ложилась и на его избранника патріарха [2]). Современникъ событія смерти самозванца и низверженія Игнатія, Арсеній Елассонскій въ своихъ мемуарахъ объ этой эпохѣ замѣчаетъ, что низверженіе Игнатія было безъ всякаго законнаго изслѣдованія [3]). Разбирая это свидѣтельство Арсенія, проф. Завитневичъ говоритъ: ставъ на формально-юридическую точку зрѣнія, еще можно было-бы кое-какъ доказывать законность избранія Игнатія въ патріархи, но никакимъ образомъ нельзя было доказывать незаконность его низложенія, ибо онъ низложенъ цѣлымъ соборомъ и низложенъ за дѣйствія, которыя одинаково признавались незаконными и русскою и греческою церковью [4]).

---

[1]) Времен. т. XVI, стр. 97. Нов. Лѣт. Времен. т. XVII, стр. 97.

[2]) Игнатій, патріархъ Московскій Хр. чт. 1887 г., т. I, стр. 31.

[3]) А. Дмитріевскій, цит. соч., стр. 137.

[4]) Проток. Совѣта Кіев. дух. акад. за 1900-1 г.г., стр. 118.

Заканчивая главу о положеніи русской церкви при I-мъ самозванцѣ, мы должны сказать слѣдующее. Общая смута, поразившая въ это время государство, не коснулась церкви, хотя православію грозила опасность отъ католицизма. Пастыри церкви стояли на стражѣ православія. Подчиняясь самозванцу, они подчинялись и патріарху тамъ, гдѣ не нарушалась цѣлость православія, и смѣло протестовали и самозванцу и его ставленнику патріарху при попыткахъ нарушить его, какъ въ чинопріемѣ Марины. Низложивъ Игнатія, церковь выразила, что она видѣла и въ самозванцѣ и въ Игнатіи лишь насильниковъ жизни ея, всего православнаго хрестьянства. Поэтому и въ рѣзкихъ отзывахъ современниковъ о самозванцѣ и Игнатіи мы можемъ слышать голосъ всей русской церкви, въ которой не было раздѣленія между гражданиномъ государства и членомъ церкви, каждый считалъ себя православнымъ хрестьяниномъ. Живымъ и яркимъ примѣромъ отношенія къ самозванцу какъ къ еретику со стороны православно-русскаго человѣка того времени является дьякъ Тимофей Осиповъ. Движимый ревностью къ вѣрѣ, онъ рѣшился обличить лжедаря и приготовился къ мученичеству. Онъ нѣсколько дней постился и молился; потомъ, причастившись Св. Таинъ, пришелъ въ царскія палаты и предъ всѣми сказалъ самозванцу: „ты воистину Гришка Отрепьевъ, растрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ“ [1]).

[1]) Иловайскій, смутное время, стр. 65.

ГЛАВА III-я.

Церковь во время царствованія Шуйскаго.

19-го мая 1606 года, два дня спустя по смерти самозванца и низложеніи съ патріаршаго престола Игнатія, собрались на такъ называемое Лобное мѣсто весь синклитъ царскаго величества, митрополиты, архіепископы, архимандриты, игумены, всякихъ чиновъ люди и весь народъ отъ мала до велика и начали говорить о разсылкѣ грамотъ по всѣмъ городамъ, чтобы въ Москву съѣзжались всѣ для избранія царя и патріарха [1]). Со смертью самозванца и низложеніемъ Игнатія, государство осталось безъ царя и Церковь безъ патріарха. Въ немедленномъ избраніи сначала царя болѣе сознавалась нужда, такъ какъ за плечами убитаго самозванца стояла Польша. Поэтому-то собравшійся народъ говорилъ, чтобы впередъ былъ избранъ самодержавный царь. Слово это было „угодно“ всѣмъ. Единогласно былъ всѣми провозглашенъ въ цари великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій, главный виновникъ смерти самозванца. Такъ представляется избраніе Шуйскаго по „Рукописи Филарета“ [2]). Но въ повѣсти Котырева-Ростовскаго есть слѣдующее замѣчаніе послѣ

[1]) Рукоп. Филар. Сборн. Муханова. Изд. 2. стр. 263—264.

[2]) Она, по мнѣнію изслѣдовавшаго ее Кондратьева, есть простая передѣлка повѣсти Котырева, иногда довольно неумѣлая и неловкая.... Несочувственное отношеніе Котырева къ В. И. Шуйскому закрыто въ Рукописи Филарета рядомъ оффиціальныхъ похвалъ и царь Василій изображенъ законнымъ монархомъ, мужественно боровшимся съ измѣнниками (Платоновъ. „Древне-рус. сказанія о смутномъ времени, какъ историческій источникъ“, стр. 224).

разговора о народномъ собраніи для избранія царя и патріарха: „Отъ боярина князя Василія многія друзи и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ на царство его, князя Василія. Тѣ же людіе наустиша народы, да изберется царь Василій на царскій степень; народы же воздвигоша гласы своя, да будетъ надъ ними надо всѣми царь Василій“ [1]). Такимъ образомъ хотя всѣ собравшіеся провозгласили царемъ Шуйскаго, но весьма важное вліяніе оказала на это его партія: его провозгласили царемъ, говоритъ Платоновъ, совѣтники и сотрудники его въ борьбѣ съ Разстригою и поляками [2]). По словамъ Соловьева, „Шуйскій былъ не скажемъ избранъ, но выкрикнутъ царемъ“ [3]). Какое же положеніе занимала въ этомъ избраніи русская церковь? Она, какъ и ранѣе, проявила свою непричастность къ обстоятельствамъ, игравшимъ важную роль въ избраніи Шуйскаго,—свободу отъ политической борьбы. Шуйскій былъ признанъ Церковью законнымъ царемъ и до сверженія ею поддерживался.

Новоизбранный царь, по обыкновенію, тотчасъ же разослалъ по всей Руси грамоты, съ разъясненіемъ всего происшедшаго въ Москвѣ за послѣдніе дни [4]). Кромѣ него, грамоты разсылали также отъ себя бояре и царица Марѳа, мать убитаго царевича Димитрія. Главная цѣль всѣхъ этихъ трехъ грамотъ—разъясненіе всѣмъ, кто такой былъ предъ тѣмъ царствовавшій на Руси и какая

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 582. Въ своей повѣсти Котошихинъ, по словамъ Платонова, хотя и не щадитъ Шуйскаго, представляя его избраніе незаконнымъ, однако воздерживается отъ его прямого осужденія и удачно сохраняетъ по отношенію къ нему тонъ безпристрастія. Платоновъ. „Древне" русск. сказ. о см. врем.“ 219 и проч.

[2]) Очерки по исторіи смуты, стр. 298.

[3]) Исторія Россіи VIII, 162.

[4]) С. г. гр. и дог. II, №№ 144 и 146.

опасность отъ него православной вѣрѣ—этому оплоту Руси. То былъ не истинный царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, а „прямой воръ“ Гришка Отрепьевъ, который хотѣлъ „истинную христіанскую вѣру попрати и учинити латынскую вѣру и по одному злокозненному умыслу всѣхъ христіанъ отвести“. Новоизбранный царь, говорилось въ грамотѣ бояръ, много пострадалъ отъ того еретика, какъ поборатель православной вѣры. Поэтому-то его и избрали всѣ въ цари. Самъ Шуйскій болѣе подробно раскрывалъ и доказывалъ замыслы самозванца, говоря, что „взяты въ хоромахъ его грамоты многія, ссылочныя воровскія съ Польшею и Литвою... да ту-то же грамота къ нему вору, отъ Римскаго папы, чтобы онъ держалъ крѣпко латынскую вѣру“. Избывши отъ такого злодѣйства, всѣ люди Москвы, съ освященнымъ соборомъ во главѣ, били намъ челомъ по степенемъ прародителей нашихъ [1]). Извѣщая объ этомъ и призывая къ присягѣ, Шуйскій въ то же время просилъ благодарить Бога, что „насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руцѣ врагу и Богоотступнику, и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилася“, и просить у Бога въ молитвѣ, „чтобы церкви Божіи впредь стояли неподвижны и истинная крестьянская вѣра была ненарушима“.

Грамота царицы Маріы извѣщала, что бывшій царь—не ея сынъ, а Гришка Отрепьевъ, который заставилъ ее признать публично своимъ сыномъ, а дѣйствительный сынъ ея - царевичъ Димитрій—убитъ въ Угличѣ Годуновымъ [2]).

Чтобы представить народу очевидное доказательство смерти царевича Димитрія и самозванства бывшаго царя, рѣшено было перенести изъ Углича въ Москву мощи ца-

[1]) С. г. гр. и дог. II, № 144.

[2]) Тамъ-же, № 146.

ревича. Съ этой цѣлью въ Угличъ отправились Ростовскій митрополитъ Филаретъ, Астраханскій епископъ Ѳеодосій [1]), архимандритъ Сергій Спасскій и Авраамій Андроновскій и нѣсколько бояръ [2]). Патріарха въ это время не было еще избрано. Но есть, какъ историческія свидѣтельства, такъ и мнѣнія нѣкоторыхъ историковъ, что Филаретъ Никитичъ, поставленный въ Ростовскіе митрополиты при самозванцѣ, былъ намѣченъ Шуйскимъ, какъ кандидатъ въ патріархи. Первое свидѣтельство въ пользу этого мнѣнія мы находимъ въ словахъ поляковъ, писанныхъ ими въ 1608 году московскимъ боярамъ: „а у васъ патріарху своему такого пошаванья нѣтъ. За Бориса Іовъ былъ, и того скинуто, а посажено на патріарховство Игнатія Грека; потомъ за нынѣшняго господаря Грека того скинуто, а посажено на патріарховствѣ Ѳеодора Микитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ въ Отвѣтной палатѣ намъ, посламъ, сами сказывали, меную̀чи, что по мощи Дмитровы до Углича послано патріарха Ѳеодора Микитича; а говорилъ тые слова Михайло Татищевъ при всѣхъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и скинули, учинили есте Гермогена патріархомъ. И такъ теперь живыхъ патріарховъ на Москвѣ четыре маете“ [3]). Слова поляковъ

---

[1]) Костомаровъ [„Смут. время“ т. II. стр. 12. прим. 1-е] говоритъ о немъ: „по житію его видно, что онъ не былъ тогда при открытіи мощей, но, ѣдучи изъ Астрахани въ Москву, умеръ на дорогѣ въ Царицынѣ“.

[2]) А. Э. II. стр. 110. „Ин. сказ.“ Врем. XVI. 48: въ рукоп. Филарета [Сб. Мух. стр. 267] Авраамій называется Спасскимъ архимандритомъ. Въ „Житіи царевича Димитрія“ [Р. И. Б. XIII. 918]: „бояре, архіепископы, и многій чинъ освященный“. Въ одномъ хронографѣ вмѣсто Филарета Никитича стоитъ Геласій, митрополитъ Сарскій и Годонскій [Изб. II. 195]. Автору хронографа, говоритъ Платоновъ, измѣнила память: митрополитъ Геласій въ 1591 году хоронилъ царевича въ Угличѣ [С. г. гр. и дог. II, № 60, стр. 121. „Древне-русскія сказанія, какъ историч. источникъ, стр. 67, прим. 2-е].

[3]) А. З. Р. т. IV, стр. 287.

находятъ свое подтвержденіе въ дневникѣ пословъ польскихъ. Здѣсь за 6-е число іюня (новый стиль) записано о бесѣдѣ польскихъ пословъ съ боярами, которые говорили, что „истинный Димитрій нашъ погребенъ былъ въ Угличѣ. Тѣло его, привезенное сюда патріархомъ Ѳеодоромъ Никитичемъ и епископами, будетъ положено вмѣстѣ съ прахомъ его предковъ“ [1]). Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ мы видимъ, что 6 го іюня (по новому стилю, или 26 мая по старому) 1606 года Филаретъ Никитичъ называется патріархомъ. Поляки стали считать его патріархомъ, что мы видимъ въ одномъ изъ писемъ нунція Симонетты къ кардиналу Боргезе (изъ Вильны отъ 23 апрѣля 1610 года). Со словъ ксендза Фирлея, короннаго референдарія, Симонетта сообщаетъ, что въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ ожидаютъ московскаго патріарха, которому на встрѣчу король Сигизмундъ послалъ даже свою карету. Здѣсь подразумѣвается нареченный „тушинскій патріархъ“ Филаретъ: какъ разъ въ то время Гр. Валуевъ отбилъ его отъ войскъ Рожинскаго и Филаретъ, поэтому, попалъ не къ Сигизмунду, а въ Москву. Симонетта такъ характеризуетъ тщетно ожидаемаго поляками Филарета: „этотъ патріархъ—тотъ самый, который помогалъ дѣлу покойнаго Димитрія и за то подвергся преслѣдованію со стороны Шуйскаго, новаго (московскаго) царя, поставившаго на его мѣсто другого патріарха, каковой и находится въ Москвѣ; упомянутый старый патріархъ (Филаретъ) держалъ также сторону новаго Лжедимитрія, а (теперь для него) наступилъ часъ смиренно предать себя его величеству (королю)“ [2]). Приводя это свидѣтельство, Платоновъ говоритъ: „Такимъ образомъ и послѣ пребы-

[1]) Сказаніе соврем. о Дим. Сам. т. IV, стр. 200.

[2]) Платоновъ. „Очерки по исторіи смуты“ стр. 306.

ванія Филарета въ Тушинѣ поляки продолжали думать, что нареченіе его въ патріархи произошло въ Москвѣ, до тушинскаго плѣна, и полагали, что Шуйскій смѣстилъ его за приверженность къ первому самозванцу. Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ показаніе Фирлея и Симонетты, звучатъ слова пана Хвалибога въ его извѣстномъ „донесеніи о ложной смерти Лжедимитрія перваго". Онъ пишетъ, что „около недѣли (послѣ переворота 17-го мая) листы прибиты были на воротахъ боярскихъ отъ Димитрія, гдѣ онъ давалъ знать, что ушелъ и Богъ его отъ измѣнниковъ спасъ, которые листы измѣнники (т. е. лица, произведшія переворотъ) патріарху приписали, за что его и сложили предлагая Гермогена". Здѣсь, какъ и въ письмѣ Симонетты, подъ именемъ патріарха мы должны разумѣть не Игнатія, а Филарета, такъ какъ Игнатій былъ сведенъ съ престола еще до воцаренія Шуйскаго, тотчасъ по сверженіи самозванца, а Хвалибогъ разсказываетъ о событіяхъ, нѣсколько позднѣйшихъ, когда, какъ увидимъ ниже, въ народѣ началось движеніе противъ самого Шуйскаго и поляки, выдержанные въ Москвѣ, „другой революціи боялись" [1]). Приведя всѣ эти свидѣтельства въ пользу высказываемаго мнѣнія о нареченіи Шуйскимъ Филарета въ патріархи, Платоновъ заключаетъ: „совокупность приведенныхъ извѣстій ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній фактъ кратковременнаго пребыванія Филарета въ достоинствѣ названнаго патріарха Московскаго" [2]). Въ пользу указаннаго нами мнѣнія говоритъ также слѣдующее. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, разосланныхъ отъ имени царя Василія Ивановича Шуйскаго, онъ говоритъ, что „принялъ царство благословеніемъ патріарха" [3]). По „моленію патрі-

[1]) „Очерки" стр. 307.
[2]) Платоновъ, тамъ же.
[3]) Тамъ же.

...ковская ...ональная

арха" [1]). Грамоты эти писаны до того времени, когда Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ. Имѣя лишь въ виду въ кандидаты Филарета, который, такимъ образомъ, былъ нареченнымъ патріархомъ, Шуйскій могъ говорить, что онъ избранъ благословеніемъ патріарха. Неупоминаніе имени, по нашему мнѣнію, и указываетъ на то, что Шуйскій лишь имѣлъ въ виду Филарета. Если бы это было лишь хитрымъ маневромъ для показанія большаго авторитета признанія царемъ со стороны освященнаго собора, подобнымъ тому, какой допускалъ въ своихъ грамотахъ самозванецъ, говоря, что и патріархъ Іовъ призналъ его царемъ, то Шуйскій не могъ этого сдѣлать, если бы никто въ то время не намѣчался въ патріархи. Кромѣ указанныхъ мѣстъ въ грамотахъ, въ „Дневникѣ" Ивана Тимофеева мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе о Шуйскомъ: „ниже первопрестольнѣйшему повеленій его возвести... но яко простолюдина тогда святителя смѣни" [2]). Не Игнатію же надо было, по мнѣнію Тимофеева, говоритъ Платоновъ, приведя эти слова,—доказывать воцареніе Шуйскаго, а Іову и нельзя было своевременно объ этомъ, потому, что Іовъ былъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Москвы. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что Тимофеевъ разумѣетъ здѣсь Филарета, который, стало быть, уже считался „первопрестольнѣйшимъ" въ моментъ воцаренія Шуйскаго [3]). Таковы историческія свидѣтельства въ пользу того мнѣнія, что по низверженіи Игнатія митрополитъ Филаретъ намѣчался въ патріархи [4]). Въ нашей исторической литературѣ такого мнѣнія, какъ мы видѣли, держится Плато-

[1]) А. Э. II, стр. 311. Иное Сказ. Р. И. Б. XIII, 82.

[2]) Р. И. Б. XIII, 389—90.

[3]) „Очерки", стр. 308.

[4]) Мы заимствуемъ эти свидѣтельства изъ соч. Платонова „Очерки по исторіи смутнаго времени".

повъ. Высказывая его, онъ объясняетъ и причины, почему намѣченный въ патріархи Филаретъ не былъ окончательно избранъ и освященъ въ патріархи „Въ то время, когда названный патріархъ Филаретъ открывалъ мощи подлиннаго царевича Димитрія, въ Москвѣ открыли заговоръ противъ царя Василія. Шуйскій увидѣлъ противъ себя имена Мстиславскаго, Шереметьева—лицъ, принадлежащихъ къ тому слою дворцовой власти, который первенствовалъ во дворцѣ до послѣдняго торжества Шуйскаго съ его родословнымъ принципомъ. Во главѣ же этого слоя стояли Романовы, родственники Шереметьевыхъ и тому же Мстиславскому. Уже въ одной этой близости должны мы искать причину подозрѣній Шуйскаго противъ Романовыхъ и ихъ родни. Если бы Шуйскій даже и не нашелъ никакой улики противъ Филарета въ майскомъ заговорѣ, онъ просто могъ бы побояться имѣть его около себя въ санѣ патріарха. Разъ ему пришлось убѣдиться въ томъ, что среда нетитулованныхъ бояръ мало расположена къ нему, онъ долженъ былъ особенно страшиться передать ея представителю и вожаку патріаршую власть съ ея громаднымъ авторитетомъ и обширными средствами“ [1]).

Кромѣ Платонова, такое же мнѣніе высказываетъ и Иловайскій, говоря: „Любопытно, что митрополитъ Филаредъ Никитичъ, посланный въ Угличъ за тѣломъ царевича, въ то время, повидимому, предназначался занять патріаршій престолъ, но потомъ возведенъ въ это достоинство Гермогенъ—такъ говорили польскія послы въ Москвѣ въ 1608 году“ [2]). А. Смирновъ, посвятившій личности Филарета спеціальное изслѣдованіе, высказывается, повидимому, противъ даннаго мнѣнія. Онъ, приведя ука-

[1]) „Очерки по ист. смуты“ Платоновъ, стр. 310.

[2]) „Смутное время Моск. госуд.“ стр. 288.

занное уже нами свидѣтельство польскихъ пословъ на съѣздѣ 1608 года,[1]) говоритъ: „Очевидная ошибка. Однако Филарета Никитича съ этого времени многіе называютъ патріархомъ“ [2]) Знаменитый историкъ нашей церкви, пр. Макарій, вовсе не высказываетъ указаннаго нами мнѣнія и не приводитъ ни одного свидѣтельства, хотя бы въ опроверженіе его. Онъ говоритъ, что по воцареніи Шуйскій обратилъ вниманіе на то, чтобы патріаршій престолъ не оставался болѣе празднымъ. Еще живъ былъ въ своемъ заточеніи патріархъ Іовъ, но онъ лишился зрѣнія и уже не могъ править Церковью. Нужно было избрать новаго патріарха и выборъ государя, естественно, палъ на того изъ представленныхъ ему соборомъ кандидатовъ, кто ревностнѣе всѣхъ воспротивился незаконному браку самозванца, требовалъ крещенія его невѣсты и за то подвергся изгнанію—на казанскаго митрополита Гермогена [3]).

Мнѣнія Платонова и Иловайскаго являются единственными въ нашей исторической литературѣ о положеніи митрополита Ростовскаго Филарета при воцареніи Шуйскаго. Изъ приведенныхъ свидѣтелствъ видно, что Филаретъ именуется патріархомъ поляками, на основаніи рѣчей бояръ думныхъ въ Отвѣтной Палатѣ. Поляки упрекаютъ бояръ въ неуваженіи къ патріарху, санъ котораго имѣютъ четыре живыхъ лица одновременно: Іовъ, Игнатій, Филаретъ и Гермогенъ. Поэтому нельзя думать, чтобы эти упреки не имѣли подъ собой какого либо реальнаго факта. Поэтому можно думать, что Филаретъ намѣчался Шуйскимъ въ патріархи.

---

[1]) Стр. 8, пр. 1-е. А. З. Р., т. IV, стр. 287.

[2]) „Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.“ Чт. въ О-вѣ любит. дух. просв., 1873, стр. 336.

[3]) „Ист. русск. церкви“, т X, стр. 126.

Мы уже сказали, что во главѣ посольства для перенесенія мощей царевича былъ митрополитъ Филаретъ. Отъ 28 мая посланные писали въ Москву, что выпутыя изъ земли мощи цесаревича мученика найдены цѣлыми и источаютъ чудеса, подтверждаемыя свидѣтельствами [1]). Въ Москвѣ между тѣмъ въ это время 1-го іюня происходило коронованіе Шуйскаго, которое совершалъ митрополитъ новгородскій Исидоръ [2]). 3-го іюня [3]) мощи были перенесены въ Москву и съ торжественной процессіей принесены въ Архангельскій соборъ, гдѣ передъ гробомъ сына цесаревича мать царица Марѳа покаялась въ ложномъ и вынужденномъ признаніи самозванца своимъ сы-

[1]) По мнѣнію Платонова, въ Ркп. Филарета здѣсь есть замѣчанія самого митрополита Филарета. Такова можетъ быть приписка, сдѣланная на поляхъ: „приписать: долго не берли и молебны пѣли и по молебны само явилось тѣло, кабы дымокъ изъ стороны рва конанова показался благовоніи, тутъ скоро обрели“ (Ркп. Ф-та Сб. Мух. 4 (267). Платоновъ: „Древне-русск. сказ.“ стр. 227, прим. I, А. э. II, стр. 1111.

[2]) „Нов. Лѣтоп.“ 76; Лѣтоп. о мят. 103—106, говорится, что Шуйскаго. вѣнчалъ Гермогенъ. По въ оффиціальномъ чинѣ вѣнчанія царя Василія (А. Э. II, № 47), первое мѣсто занимаетъ митрополитъ новгородскій Исидоръ. Гермогенъ былъ посвященъ въ патріархи 3 іюля 1606 года (пр. Макарій. Ист. Русск. Церкви, т. X, стр. 130; Платоновъ „Др. русск. сказ. о см. вр.“ 227). Въ чинѣ вѣнчанія упоминается ростовскій митрополитъ, который въ это время былъ въ Угличѣ, такъ что чинъ вѣнчанія могъ быть только предполагаемой программой.

[3]) Пр. Макарій. „Ист. Русск. Церкви“ X, 125. „Въ указаніи числа перенесенія мощей въ Москву тоже разница Ркп. Ф-та, А. А. Э., Иное сказ. о сам., Голиковъ, Карамзинъ, Арцыб. считаютъ 3 іюня; по Беру, за мощами царь послалъ 30 іюня; по Паерле, народу говорили 4 іюня, что мощи везутъ къ Москвѣ; по писателю дневника Марины—что мощи везли въ Москву 12 іюня сказ. соврем. о самозв. I, стр. 108; т. II, стр. 77, т. IV. стр. 64“ (Смирновъ: „Свят. патр. Филаретъ Никитичъ“. Чтен. въ О-вѣ люб. дух. просв. 1873 г., стр. 337, пр. 1-е). Въ ркп. Ф-та (Сб. Мух. 270) сказано, что при встрѣчѣ мощей въ Москвѣ былъ патріархъ; въ Изб. Поп., 195, Нов. Лѣт., Врем. XVII, 76; Лѣт. о мят., 103; патріархъ при встрѣчѣ мощей—Гермогенъ. По „по свидѣтельству царя и царицы патріарха при этомъ не было“ (С. г. гр. и дог. II, стр. 311—316); Макар. X, 126, примѣч. 88. Гермогенъ же былъ поставленъ въ патр. 3 іюля (Макар. X, 130, пр. 95).

номъ. Въ виду совершившихся чудесъ [1]) при гробѣ новоявленныхъ мощей, царевичъ Димитрій былъ причисленъ къ лику святыхъ, о чемъ царь извѣщалъ всѣхъ своею грамотою [2]). Открытіе и перенесеніе мощей царевича Димитрія, являясь чисто церковнымъ торжествомъ, въ данную минуту имѣло весьма важное значеніе. „Явленіе новыхъ мощей, говоритъ Костомаровъ, было важно для русскаго народа. Онъ не привыкъ подвергать сомнѣнію такія происшествія, которыя Церковь ему указывала за явленіе Божіей благодати. Извѣстіе о томъ, что мощи скоро перевезутъ въ Москву, поразило толпу и она согласилась ждать указанія свыше, которое должно успокоить совѣсть“ [3]).

„Самъ Шуйскій, по словамъ Платонова, придавалъ этому церковному торжеству особенную политичесую цѣну, полагая, что присутствіе мощей въ Москвѣ сдѣлаетъ самозванщину невозможною. Но онъ жестоко ошибался“ [4]). Столицу возмущали подметныя письма, что Димитрій спасся во время переворота 17-го мая. Такіе слухи должны были волновать тѣмъ болѣе провинцію. Мы сказали, что Шуйскій разсылалъ грамоты объ открытіи и перенесеніи мощей царевича Димитрія. Кромѣ этого, такъ сказать, оффиціальнаго извѣщенія объ этомъ событіи, въ противо-

[1]) „По одному извѣстію, случилось, что введенный во храмъ одинъ больной умеръ. Это объяснили его безвѣріемъ. Иностранцы-протестанты опрашивали у сидѣвшихъ около Церкви увѣчныхъ и слѣпыхъ: Что-же васъ не исцѣляетъ царевичъ“. „По маловѣрію нашему“ отвѣчали страдальцы: „Богъ чрезъ ангела своего объявляетъ нашимъ архіереямъ и попамъ, кого онъ удостоитъ исцѣлить“. Иноземцы удивлялись находчивости этихъ людей и крѣпости вѣры православныхъ, непонятной для ихъ протестантскаго свободомыслія (Комаровъ. „Смутное время Московск. госуд.“ т. II, стр. 36).

[2]) А. Э. II, № 48; С. г. гр. и дог. II, № 47.

[3]) „Смутн. время“. II, 18.

[4]) „Очерки по ист. смуты“ стр. 316.

вѣсъ могущимъ быть слухамъ о спасеніи самозванца, „были пущены въ ходъ писанія, по мнѣнію Платонова, и оффиціозныя“ [1]). Такова повѣсть 1606 года, замѣнившая собою житіе царевича Димитрія, описаніе перенесенія мощей царевича Димитрія и „Извѣтъ старца Варлаама“ [2]). „Какъ „Извѣтъ“, говоритъ изслѣдователь сказаній о смутномъ времени Платоновъ, такъ и прочія произведенія, указанныя выше, были составлены съ большимъ искусствомъ: безъ сомнѣнія, надъ ними трудились люди, обладавшіе остроумнымъ и шибкимъ перомъ. По нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что къ авторству были привлечены лица изъ братіи знаменитой Троицкой обители, прославленной немного лѣтъ спустя „борзыми писцами“ иного склада и направленія“ [3]). По нашему мнѣнію, это направленіе было не инымъ съ послѣдующимъ, когда троицкіе старцы призывали всю Русь на защиту родной земли. Въ указанныхъ выше сказаніяхъ троицкіе иноки, если только они были ихъ авторами, выражали общее отношеніе всей Церкви къ Шуйскому, какъ дѣйствительному царю, хотя и „выкрикнутому“ толпою Шуйскій для нея былъ законною властію и она старалась поддержать его. Такой безпристрастный образъ дѣйствій Церкви въ ея отношеніяхъ къ царю особенно выразился въ лицѣ знаменитаго столпа Церкви и государства въ эпоху шатанія государства — патріарха Гермогена, къ обзору дѣятельности котораго мы и переходимъ.

Мы уже видѣли ту непоколебимую ревность о чистотѣ православія, какую обнаружилъ въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православной Церкви митрополитъ казанскій

---

[1]) „Очерки по исторіи смуты“ стр. 316.

[2]) Р. И. Б, XIII.

[3]) „Очерки по исторіи смуты“ стр. 317.

Гермогенъ, избранный въ патріархи Шуйскимъ. 3-го іюля 1606 года состоялось его посвященіе [1]). Съ этого момента первосвятитель началъ свою неутомимую дѣятельность на пользу Церкви и государства. Во время царствованія Шуйскаго она выразилась въ поддержаніи его, какъ законнаго государя. Избранный, или точнѣе, выкрикнутый толпою, Шуйскій былъ весьма непрочепъ на престолѣ. Это обнаружилось съ первыхъ же дней его царствованія. Всѣ, кто были недовольны его избраніемъ, представляли собою самую удобную среду для появленія новаго самозванца. И, дѣйствительно, вскорѣ по воцареніи его, пошли слухи, что царевичъ Димитрій остался живымъ во время переворота 17 мая и бѣжалъ изъ Москвы, а убитъ кто то другой. Шаховскій, Путивльскій воевода, похитившій въ это время государственную печать, первый поднялъ вѣсть о спасеніи царя Димитрія, называя Шуйскаго похитителемъ престола. Путивль оказался тотъ-часъ же на сторонѣ новаго самозванческаго движенія. За нимъ измѣнили московскому царю другіе сосѣдніе города: Дмитревскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ и др. и вообще движеніе скоро охватило югъ. Затѣмъ поднялись Заокскіе, Украинскіе и Рязанскіе края [2]). Церковь явилась на помощь законной колеблемой начавшимся мятежемъ власти. По совѣщаніи царя съ патріархомъ, въ возставшіе города былъ посланъ для увѣщанія митрополитъ Крутицкій Пафнутій съ архимандритами и игуменами [3]). Но для возставшихъ онъ былъ только сторонникомъ Шуйскаго и голосъ Церкви, взывавшій къ народу, оказался безсильнымъ. Хотя еще не явилось лицо, которое взяло бы на себя имя Димитрія, но нашелся уже предводитель движе-

[1]) М. м. Макарій. Ист, русск. церкви, X, 130.
[2]) Лѣтоп. о мят., 105; Платоновъ „Очерки", 320.
[3]) Палицынъ. „Сказаніе", изд. 2-е, стр. 35.

нія Ив. Болотниковъ, который нанесъ пораженіе высланнымъ царемъ войскамъ у Кромъ. Это пораженіе открыло путь на среднее теченіе Оки. Движеніе Болотникова охватило уже низшіе классы общества—боярскихъ людей и крестьянъ, которые возстали противъ воеводъ и бояръ и стали разорять и грабить ихъ имѣнія [1]). Охватывая все большій и большій районъ, оно нашло себѣ мужественное сопротивленіе въ Твери. Здѣсь „государевъ Богомолецъ, архіепископъ Ѳеоктистъ, призвавъ къ себѣ весь освященный соборъ и приказныхъ государевыхъ людей и своего архіепископля двора дѣтей боярскихъ и града Твери всѣхъ православныхъ крестьянъ и укрѣпяся всѣ единомысленно, поборая за святыя Божія Церкви и за православную вѣру и за государство крестное цѣлованіе, стояти безо всякаго сумнѣнія и страха“ [2]). Результатомъ архипастырскаго слова было то, что Тверитяне поразили мятежниковъ, взявши многихъ изъ нихъ въ плѣнъ. Такъ повѣствуетъ о мужественномъ архіепископѣ Ѳеоктистѣ грамота патріарха. Но мы этимъ не отрицаемъ и другихъ причинъ, почему тверитяне были противъ движенія. „Здѣсь, по мнѣнію Платонова, какъ и вообще въ городахъ, не примыкавшихъ къ самозванцу, не было острыхъ проявленій общественной розни и экономическаго кризиса, которымъ страдали другія мѣста московскаго центра и юга“ [3]). Для насъ важно то, что Церковь дѣйствуетъ словомъ увѣщанія противъ движенія и сплачиваетъ „православныхъ крестьянъ“ стоять во имя вѣры за законнаго царя

Открытая война Шуйскаго съ Болотниковымъ оказалась неудачною для перваго. Мятежники въ своемъ на-

[1]) Лѣтопись о мятеж., 108.

[2]) А. Э. II, стр. 132.

[3]) „Очерки по исторіи смуты“ стр. 328.

ступательномъ движеніи на Москву съ юга съ Болотниковымъ во главѣ и съ востока рязанскія дружины съ Истомою Пашковымъ соединились подъ Коломной, взяли ее и разбили царскія войска и стали здѣсь [1]). Патріархъ выступилъ противъ нихъ съ грамотами [2]), призывая всѣхъ къ молитвѣ о дарованіи побѣды царю Василію въ борьбѣ съ мятежниками. Грамоты сначала говорили о козняхъ I-го Лжедимитрія, хотѣвшаго превратить въ римскіе костелы святыя церкви. Господь по своему милосердію воздвигъ на него нынѣшняго государя Василія Ивановича Шуйскаго, который явился обличителемъ самозванца и „за сію истинную проповѣдь не токмо множество бѣдъ претерпѣ отъ этого злодѣя", но даже подвергся смертной опасности. „Истина" сказаннаго о Лжедимитріи объявилась, по словамъ Гермогена, въ обрѣтеніи мощей царевича Димитрія, прославленныхъ чудесами. Господь „вся вѣдый", говоритъ патріархъ, видя въ Шуйскомъ „твердую вѣру и мужество и крѣпость и розумъ, — возлюбилъ его и поставилъ царемъ надъ всею Русью". Шуйскій, выкрикнутый царемъ, болѣе чѣмъ кто либо нуждался въ санкціонированіи власти въ данное время, въ виду движенія, отрицающаго его права на престолъ. Церковь и заявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ — дѣйствительный царь. Но „древній врагъ нашъ паки вооружился на крѣпкаго пастыря вѣры крестьянскія и паки собираетъ человѣки, пріемлющихъ соблазны его, воли же Божіи не вѣдущихъ и глаголющихъ ложная: сказываютъ его злодѣя жива". Далѣе грамота говоритъ о мужественномъ сопротивленіи мятежникамъ Твери, благодаря увѣщанію архіепископа Ѳеоктиста, а также и другихъ городовъ, которые не пре-

[1]) Лѣтоп. о мят., стр. 109.

[2]) А. Э. II, № 57—58.

ступили крестнаго цѣлованія, помня смертный часъ и страшный судъ. Нѣкоторые изъ городовъ, уже приставши къ мятежникамъ, принесли повинную къ царю и онъ съ любовію принялъ ихъ. Таково содержаніе грамоты, въ которой мы видимъ голосъ церкви, борющейся съ мятежнымъ движеніемъ словомъ увѣщанія во имя законнаго царя. Призывъ ея не остался безслѣднымъ. Жители Смоленска, услыхавъ, вѣроятно, изъ грамотъ патріарха, что воры хотятъ побить царя и воеводъ, единодушно двинулись къ Москвѣ и очистили Дорогобужъ и Вязьму. „Гради же многіе слышавше то (т. е. о движеніи Смольнянъ противъ мятежниковъ) начали присылать съ повинными къ царю Василію [1]). Противъ засѣвшихъ въ Коломнѣ царь выслалъ войско съ княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Чтобы укрѣпить духъ войска, говоритъ Иловайскій, по желанію царя, патріархъ Гермогенъ соборне служилъ молебенъ у гробницы царевича Димитрія, освятилъ воду и окропилъ ею ратныхъ людей; послѣ чего взяли покровъ съ гробницы и въ торжественной процессіи понесли его къ Калужскимъ воротамъ" [2]). Послѣ битвы Истома Пашковъ отъѣхалъ въ Москву съ дворянами и дѣтьми, а Болотниковъ ушелъ съ боярскими людьми въ Калугу [3]). Эта побѣда была оглашена по всей Россіи, какъ дѣло великое, какъ явленіе Божіей благодати [4]). Въ разсылаемыхъ грамотахъ предписывалось пѣть благодарственные молебны и побѣда приписывалась новоявленному чудотворцу царевичу Димитрію [5]). Яркимъ примѣромъ живого воздѣйствія церкви на народъ въ это время явился

[1]) Лѣтопись о мят. III.

[2]) „Смутное время" стр. 85.

[3]) Лѣтопись о мят. Тамъ-же.

[4]) Костомаровъ. См. вр., II, 81.

[5]) А. Э. II, стр. 106.

Казанскій митрополитъ Ефремъ, преемникъ Гермогена. Когда жители Свіяжска явились измѣнниками Шуйскому и стали цѣловать крестъ Димитрію Углицкому, Ефремъ издалъ на нихъ запрещеніе и далъ духовенству Свіяжска распоряженіе не принимать отъ жителей города приношеній. Эта мѣра такъ подѣйствовала на Свіяжцевъ, что они тотчасъ же повинились въ клятвопреступленіи и стали просить чрезъ своего архипастыря у царя простить ихъ вину, а у патріарха—разрѣшить ихъ. Патріархъ Гермогенъ отвѣтилъ на это митрополиту Ефрему грамотою [1]), что царь Василій Шуйскій „отдалъ имъ ихъ вины, а патріархъ соборнѣ разрѣшилъ ихъ, и восхвалялъ Ефрема, какъ мудраго и ревностнаго пастыря, благословляя его и впредь имѣти попеченіе о паствѣ своей".

Мы уже видѣли, что движеніе мятежниковъ остановилось въ Коломнѣ, вблизи самой Москвы. „Москвичи испытали панику при видѣ воровъ" [2]). Интересной иллюстраціей того, какъ въ это критическое время работало общественное самосознаніе, служитъ разсказъ о бывшемъ въ Москвѣ видѣніи нѣкоему мужу духовному, который повѣдалъ объ этомъ видѣніи Благовѣщенскому протопопу Терентію. Полные религіозной вѣры и потому на все привыкшіе смотрѣть съ точки зрѣнія религіозной, „православные крестьяне", видѣли въ бѣдствіяхъ смутной эпохи гнѣвъ Божій. Отсюда въ это время мы встрѣчаемъ разсказы о видѣніяхъ, гдѣ весьма ясно приводился такой взглядъ. Такъ какъ гнѣвъ Божій постигъ за грѣхи, то всѣ сознали необходимость очистить себя покаяніемъ. Въ разсматриваемый нами случай, когда грозное движеніе противъ Москвы остановилось около ея самой, овладѣв-

[1]) А. Э. № 61.

[2]) Платоновъ. Очерки по ист. рус. см. стр.

шая москвичами паника невольно пробудила мысль, что гнѣвъ Божій постигъ ихъ. И вотъ среди народа разносится слухъ о „бывшемъ нѣкоему мужу духовномъ видѣніи", въ чемъ всѣ видѣли перстъ Божій. „Нѣкій духовный мужъ во время сна былъ удостоенъ слѣдующаго видѣнія. Въ соборной церкви ему предсталъ сидящимъ на престолѣ Самъ Господь, окруженный ангелами и святыми. Пречистая Богородица молилась Господу, Сыну Своему, чтобы Онъ простилъ и помиловалъ людей своихъ, которые каются въ забвеніи путей Божіихъ. Господь отвѣчалъ Своей Матери, что люди всѣ творятъ многіе грѣхи, заимствуя „отъ скверныхъ языкъ мерзкія ихъ обычаи и нравы". Пречистая Богородица, вмѣстѣ со всѣми святыми, со слезами припала къ ногамъ Господа, моля Его, чтобы онъ помиловалъ „родъ крестьянскій". Господь сказалъ своей Пречистой Матери и молящемуся сонму святыхъ, что въ народѣ „крестьянскомъ нѣтъ истины", ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни во всемъ священномъ чинѣ, ни во всемъ народѣ, и за это Онъ предаетъ ихъ „кровоядцамъ и немилостивымъ разбойникамъ". Пречистая Богородица опять молитъ Господа пощадъ людей Его, и Онъ обѣщалъ это, если они покаются. Одинъ изъ предстоящихъ сказалъ видѣвшему все это, чтобы онъ повѣдалъ всѣмъ безъ утайки о милости Господней „роду крестьянскому" и о молитвѣ за него Пречистой Богородицы. Видѣвшій это пришелъ къ протопопу Благовѣщенскаго собора и повѣдалъ о всемъ. Видѣніе было записано по его словамъ и по царскому повелѣнію прочитано въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи большого собранія. Затѣмъ былъ учрежденъ четырехъ-дневный постъ и всюду молились объ отвращеніи праведнаго гнѣва Божія [1]). „Не имѣя

[1]) Р. И. Б. XIII, 177—184.

значенія историческаго источника, говоритъ Платоновъ, разсказъ протопопа Терентія очень любопытенъ въ другомъ отношеніи. Онъ свидѣтельствуетъ намъ, до какого напряженія доходитъ чувство и воображеніе народа, ошеломленнаго чрезвычайными явленіями самозванщины и между-усобной смуты. Историкъ не имѣетъ основаній видѣть какой либо затаенный умыселъ или обманъ какъ въ разсказѣ о видѣніи, такъ и въ предписанномъ всему „царству“ покаяніи по поводу этого чудеснаго событія. Не одно только записанное Терентіемъ чудесное видѣніе огласилось въ то время въ Москвѣ: можно указать и другіе необычайные факты, которые, по убѣжденію современниковъ, совершались тогда на Руси. И всѣ эти факты говорятъ намъ о глубокомъ нравственномъ потрясеніи русскаго общества, которое не могло отыскать правды и смысла въ удивительныхъ событіяхъ реальной жизни, часто не вѣрило очевидности, но вѣрило сверхъестественному и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось до открытаго сознанія, что „нѣсть истины во царѣ же и въ патріархѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ“. При такого рода сознаніи врядъ ли могъ быть обманъ, да и говорившій такими словами обманщикъ многимъ рисковалъ бы, если бы былъ уличенъ“ [1]). Для насъ важна психологія общества въ этомъ фактѣ. По видѣнію „нѣсть истины ни въ комъ“, всѣ сознаютъ себя грѣховными и учреждается общій постъ. Здѣсь мы видимъ, какъ всѣ—и пастыри и пасомые, вся церковь постится и каются въ своихъ грѣхахъ. Это покаяніе и постъ приводили къ единенію всѣхъ въ духѣ мира и любви, такъ какъ покаяніе и постъ невозможны безъ примиренія съ ближнимъ, братскаго отношенія къ нему. Такое своеобразное явленіе

[1]) Др.-русск. сказ. о см. вр., стр. 60—61, прим. I.

въ психологіи русскаго народа въ смутное время, развиваясь пропорціонально давленію смуты, выразилось въ концѣ ея въ объединеніи во имя вѣры Христовой. Народъ понялъ свое братство во Христѣ и чутьемъ поднялся до основного проявленія жизненнаго начала церкви, какъ духовнаго организма—любовнаго единства душъ по вѣрѣ во Христа. Общій постъ по случаю видѣнія былъ только, такъ сказать, предупрежденіемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ, въ которыхъ продолжала выступать дѣятельность русской церкви въ эту эпоху. Мы имѣемъ въ виду извѣстный обрядъ разрѣшенія всего народа отъ клятвопреступленій, совершенный патріархами—престарѣлымъ Іовомъ и Гермогеномъ съ освященнымъ соборомъ.

3-го февраля 1607 года, по приглашенію царя Шуйскаго, собрались у него патріархъ съ освященнымъ соборомъ. На общемъ совѣтѣ рѣшено было отправить въ Старицу къ бывшему патріарху Іову посольство изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ—Крутицкаго митрополита Пафнутія, Симоновскаго архимандрита Пимена и др. Посольство это должно было просить Іова пріѣхать въ Москву, чтобы здѣсь простить и разрѣшить всѣхъ православныхъ крестьянъ въ преступленіи ими крестнаго цѣлованія и многихъ клятвъ [1]). Патріархъ Гермогенъ послалъ Іову грамоту, въ которой просилъ его отъ имени государя, всего освященнаго собора и всѣхъ православныхъ христіанъ пріѣхать въ Москву для „его государева и земскаго великаго дѣла“. По прибытіи Іова въ Москву, [2]) 15-го февраля былъ совѣтъ, въ присутствіи его, у всего освящен-

[1]) А. Э. II, стр. 149.

[2]) Скворцовъ въ своемъ изслѣдованіи (Пр. Діон. Зобн., стр. 54) дѣлаетъ предположеніе, что въ это время прибылъ съ Іовомъ Старицкій, архимандритъ Діонисій, впослѣдствіе знаменитый архимандритъ Троицкой лавры.

наго собора, на которомъ постановлено было прибѣгнуть къ молитвѣ, чтобы Господь простилъ и разрѣшилъ всѣхъ отъ клятвопреступленій. Составлена была особая прощальная грамота. Въ ней послѣ обычнаго приступа упоминалось о первыхъ князьяхъ Руси—Рюрикѣ, Владимірѣ, отъ которыхъ „произыдоша великіе христіанскіе поборницы, благовѣрныя цари и великіе князи Рустіи.“ Затѣмъ разсказывалось о всѣхъ событіяхъ, происшедшихъ послѣ Грознаго до даннаго времени. Здѣсь партріархъ Іовъ говорилъ, что онъ „подлинно“ сказывалъ о смерти царевича Димитрія въ Угличѣ и „о томъ подлинныя памяти разсылалъ“, укрѣпляя всѣхъ „памятовать Бога и крестное цѣлованіе Годунову.“ „И вы, говоритъ Іовъ народу, въ томъ наше заклинаніе и свои души и крестное цѣлованіе, все въ презрѣніи положили“. „Грѣхъ ради нашихъ“ въ Москвѣ воцарился Гришка Отрепьевъ. Но Господь воздвигъ поборника противъ него въ лицѣ Василія Ивановича Шуйскаго, который былъ избранъ потомъ царемъ. „И святая наша христіанская вѣра, по воцареніи Шуйскаго, въ прежній благій покой возвратитися и сіяти нача яко солнце ..“ Но врагъ рода человѣческаго снова поднялъ мятежниковъ, „не хотя православныхъ христіанъ во святѣй христіанской вѣрѣ и въ любви и въ мирѣ сожительствовати“. Положеніе Шуйскаго на престолѣ, въ виду мятежниковъ, разглашающихъ о спасеніи законнаго наслѣдника престола царевича Димитрія, было непрочно. Поэтому въ вышеизложенныхъ строкахъ этой грамоты, которую читали въ храмѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія, такъ ясно видно стремленіе укрѣпить въ сознаніи присутствующихъ мысль о Шуйскомъ, какъ законномъ царѣ, и о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія несутъ за собою мятежники „всему православному крестьянству“.

Далѣе грамота говоритъ, что весь освященный соборъ молитъ Бога простить клятвопреступленіе и призываетъ къ тому же весь народъ, чтобы утвердить въ сердцахъ крѣпость о крестномъ цѣлованіи и „Россійское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроить". Прежнія клятвопреступленія „азъ Гермогенъ, патріархъ московскій и всея Руси, говорилось въ грамотѣ, и азъ Іовъ, бывшій патріархъ, по данной намъ благодати Св. Духа, прощаемъ и разрѣшаемъ въ сей вѣкъ и будущій". Таково содержаніе прощальной грамоты, этого замѣчательнаго памятника нашей церковной жизни въ смутное время, свидѣтельствующаго о томъ, какъ Церковь въ это время ревностно старалась доказать важность законной власти царя и тѣмъ дать оплотъ ему въ борьбѣ съ антигосударственнымъ элементомъ. По составленіи грамоты, патріархъ, по государеву указу, приказалъ разослать „памяти", чтобы собрать народъ на 20-е число февраля въ соборную церковь Успенія.

Въ назначенный день въ этотъ храмъ собрались царь Василій Шуйскій, патріархи Гермогенъ и Іовъ и народъ. Стеченіе людей было такъ велико, что не вмѣстились въ храмѣ, но стояли возлѣ него. Патріархъ Іовъ, придя въ храмъ и приложившись чудотворнымъ иконамъ и мощамъ, стоялъ у патріаршаго мѣста, по словамъ Карамзина „въ видѣ простого инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданія за истину, смиреніемъ и святостію: отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ" [1]). По совершеніи патріархомъ Гермогеномъ молебна, всѣ люди стали предъ Іовомъ „просить прощенія,

[1]) Карамзинъ. Ист. г. Р, т. XII, стр. 47.

съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ", говоря, что онъ пастырь, всегда „крѣпко берегъ ихъ, словесныхъ овецъ, отъ восхищенія лукаваго змія, но они, по своимъ малодушнымъ нравамъ, отбѣгали отъ него, предивнаго пастыря". „Восхити насъ, о Богоданный рѣшителю, отъ верѣшимыхъ узъ, по данѣй тебѣ Божественной благодати, о ихъ же просимъ и молимъ и касаемся святительства твоего стопамъ" [1]). Затѣмъ подана была Іову особая челобитная, составленная „отъ всенароднаго множества". Въ ней всѣ просили патріарха Іова, какъ свидѣтеля ихъ клятвъ Годуновымъ, разрѣшить и простить ихъ отъ клятвопреступленія. „Яко же бо тогда, говорилось здѣсь, отъ твоея святыни связани быхомъ, тако же и нынѣ отъ твоея жъ святыни и разрѣшитися ищемъ, да не токмо еже мы живи суще во градѣ семъ, но и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, иже во всѣхъ градѣхъ страны сія живущихъ, да не точію о сихъ симъ прощенія и разрѣшенія, но и о тѣхъ, иже свѣта сего отшедшая отца и братію нашу, и о тѣхъ молимъ и просимъ отъ твоея же разрѣшитися святыни, и вси равно въ купѣ, отъ мала до велика, во православной вѣрѣ живущіи, вси прощенія и разрѣшенія яже на насъ клятвы нашея просимъ" [2]). По повелѣнію патріарха Гермогена, челобитная эта была прочитана архидіакономъ Алимпіемъ съ амвона, а за ней прощальная разрѣшительная грамота. Слушающіе чтеніе „вси неутерпными слезами объяти быша, еже многую клятву и цѣлованіе животворящаго креста приступиша; осмотривше же прилежне, еже на нихъ происшедшее разрѣшеніе отъ клятвенныхъ узъ, вси радостію возрадовашася, пришедше къ стопамъ Іова патріарха глаголюще: „во

[1]) А. Э. II, стр. 157.
[2]) А. Э. II, стр. 159.

всѣхъ сихъ виновніи, о честный отче, токмо глаголемъ прости, прости насъ и подаждь благословеніе десницы своея, да прочее пріемлетъ въ душахъ своихъ радость велію" [1]). Патріархъ Іовъ, слышавъ такое желаніе о прощеніи и разрѣшеніи всенароднаго множества, сказалъ, что онъ прощаетъ ихъ, своихъ чадъ духовныхъ, но молитъ, чтобы они не покушались впредь „таковая творити", потому, что клятвопреступленіе—великій грѣхъ. Народъ на это отвѣчалъ твердымъ обѣщаніемъ не дѣлать такъ впредь. „Дѣйствіе обряда, говоритъ Карамзинъ, было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него и что самъ Всевышній устами праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались— и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣлъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился. Мысль, что онъ, уже стоя на порогѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословля его и возвѣстилъ ему умилостивленіе Неба" [2]).

Такъ происходило одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій въ жизни нашей церкви—обрядъ прощенія и разрѣшенія отъ клятвъ, совершившійся только въ смутную эпоху.

Но стремленія Церкви поддержать царя были тщетны. Движеніе противъ Москвы все болѣе осложнялось. Съ Шаховскимъ соединился самозванецъ Лже-Петръ, явившійся еще при жизни I-го Лже-Димитрія во главѣ шайки казаковъ и разбойничавшій съ ними на югѣ. Изъ Путивля

[1]) Тамъ-же, стр. 160.

[2]) Карамзинъ, ист. гр. XII, стр. 49—50.

они двинулись въ Тулу на помощь Болотникову, который также вышелъ изъ Калуги и соединился съ ними. Шуйскій, „переговоря съ патріархомъ Гермогеномъ и бояры“ [1]), самъ рѣшился выступить въ походъ. Церковь шла на помощь ему въ этомъ дѣлѣ не только духовной помощью, но и матеріально. Патріархъ Гермогенъ разослалъ всюду грамоты, чтобы въ церквахъ служили молебны о дарованіи побѣды царю [2]).

Въ грамотахъ этихъ говорилось, что царь Василій Шуйскій, „поборая по благочестивой христіанской вѣрѣ и имѣя великое желаніе о святыхъ Божіихъ Церквахъ, прося у Бога милости, пошелъ на свое государево и земское великое дѣло, противъ враговъ креста Христова, которыя измѣнники, воры, тати и разбойники, и холопы боярскіе и казаки донскіе и волскіе, отступили отъ Бога жива и отъ православныя христіанскія вѣры и крестное цѣлованіе преступивъ, разбойнически и немилостивне Церкви Божія оскверняютъ и кровь хрестьянскую несытнѣ проливаютъ, и чужія имѣнія грабятъ, и жены и дѣти насилуютъ, и хотятъ до конца разорити святую нашу православную христіанскую вѣру и святыя Божіи Церкви, и съ собою прельщаютъ малодушныхъ людей, называя мертваго злодѣя Ростригу жива суща и именующе его царевичемъ Дмитріемъ“ [3]). Какъ и въ прежнихъ грамотахъ патріархъ, такъ и здѣсь Шуйскій представлялся поборникомъ прежде всего православной вѣры. Мятежники же были врагами креста Христова, готовили разорить православную вѣру, и въ то же время разбойниками, которые грабили чужія имѣнія, насиловали женъ и дѣтей. Болотниковъ съ его

[1]) Лѣтоп. о мят. 117.

[2]) А. Э. II, № 73.

[3]) Тамъ-же, стр. 164, ст. 2-й.

сообщниками предавались проклятію. Вотчины монастырей и церквей должны были выставить ратниковъ, доставлять съѣстные припасы въ войско и „даже самые иноки готовились сражаться за вѣру, когда потребуетъ необходимость“ [1]). Походъ царя увѣнчался успѣхомъ. Передовой его полкъ разбилъ мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ князя Андрея Телятевскаго [2]). Патріархъ разослалъ по этому поводу извѣстительныя грамоты, въ которыхъ говорилось объ этой побѣдѣ, и приказывалъ, по прочтеніи грамоты, пѣть благодарственные молебны [3]). Самъ Шуйскій одержалъ побѣду подъ Тулой, взявши ее послѣ осады [4]). При торжественномъ въѣздѣ Шуйскаго въ Москву, патріархъ встрѣтилъ его рѣчью [5]) и затѣмъ онъ направился въ Троицкій монастырь на Богомолье [6]).

Происходившее до сихъ поръ движеніе во имя спасшагося царевича Димитрія еще не имѣло лица, приняв шаго на себя это имя. Наконецъ, оно отыскалось въ Стародубѣ въ лѣто 7116 (1608) „еще во время Тульской осады“ [7]). Польша тотчасъ же явилась къ нему на помощь: вокругъ него живо собрались „ратные люди, вышедшіе изъ Рѣчи Посполитой искать въ Московіи счастья и добычи, среди которыхъ были польскіе вожди со своими отрядами—Лисовскій и Сапѣга и др.“ [8]). Вспомоществуемый ими, Воръ мало по малу охватилъ всю южную и среднюю Россію. Двигаясь къ Москвѣ, онъ остановился

---

[1]) Карамз., цит. соч. XII, прим. 126.

[2]) Лѣтоп. о мят., стр. 118.

[3]) А. Э. II, № 74.

[4]) Тамъ-же, стр. 123; Ркп. Ф-та, Сб. Мух. II, 275.

[5]) Карамз. XIII, 67.

[6]) Сказ. совр. о Дм. Сам. I, 131; II, 111.

[7]) Лѣт. о мят. 120; Нов. Лѣт. Врем. XVII, 87. Р. И. Б. I, 124.

[8]) Р. И. Б. I, 124, 136, 140.

своимъ лагеремъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ [1]). Такимъ образомъ Москва видѣла уже предъ собой новаго самозванца. Патріархъ Гермогенъ, слышавъ о всемъ этомъ, „вельми болѣзненно о семъ поскорбѣ". Онъ обратился къ Шуйскому съ рѣчью [2]), „умоляя его бороться съ хищнымъ волкомъ, названнымъ царемъ Димитріемъ. Помощью царя будетъ всемірная заступница Владычица Богородица и Московскіе чудотворцы, и самъ Господь подкрѣпитъ его" [3]). Шуйскій высылалъ свои полки на пути „Вора" къ Москвѣ, но онъ ихъ разбивалъ. Кромѣ вора, въ это время появилось еще много другихъ самозванцевъ. „Самозванство, говоритъ Иловайскій, въ то время на Руси вошло въ какую-то моду; особенно пользовались имъ казаки, какъ подвигомъ для своихъ грабительскихъ подвиговъ. Послѣ казни Лже-Петра, одинъ за другимъ появились новые самозванные царевичи, такъ что число ихъ дошло до десяти. Одни называли себя сыновьями Ѳедора Іоанновича, кто Ѳедоромъ, кто Клементьемъ, Савеліемъ, Ерофѣемъ и пр; въ Астрахани нѣкто назвался Лаврентіемъ, сыномъ царевича Ивана Ивановича; другой объявился тамъ же и выдавалъ себя за Августа, сына самаго Ивана Грознаго отъ четвертой его супруги Анны Колтовской. Со Лже-Федоромъ казаки пришли было на помощь къ Лжедимитрію II, когда тотъ стоялъ подъ Брянскомъ. Однако, послѣдній не призналъ въ немъ своего племянника и приказалъ казнить Также казнилъ онъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 134.

[2]) Ркп. Ф-та Сб. Мух. 278—280.

[3]) Рѣчь Гермогена находится въ такъ называемой рукописи Филарета (Сб. Мух. 278—80). Платоновъ относитъ эту рѣчь къ риторическимъ упражненіямъ, составленнымъ для того, чтобы украсить простой и краткій слогъ Котырева, послужившій основой для этого памятника (Древнерусск. сказ., 228 и прим. 1).

пришедшихъ послѣ самозванцевъ Лаврентія и Августа. Тогда и другіе самозванцы исчезли безслѣдно“ [1]). Но Тушинскій воръ явился сильнымъ противникомъ Шуйскаго. Римъ, потерявшій надежду окатоличить Россію при первомъ самозванцѣ, снова выступилъ на сцену. Орудіемъ его дѣйствій опять явилась Марина, признавшая Тушинскаго вора своимъ мужемъ и тайно съ нимъ повѣнчанная однимъ іезуитомъ [2]). Въ цѣляхъ пропаганды для Тушинскаго вора составленъ былъ обширный наказъ [3]), обсуждавшій подробно всѣ пути и способы насажденія и развитія въ Россіи не прямо католицизма, но такъ называемой уніи. Мы не останавливаемся подробно на обзорѣ его содержанія, какъ мало имѣющаго отношенія къ нашей основной задачѣ, такъ какъ наказъ этотъ остался только на бумагѣ. Но въ это же время мы видимъ хитрое лицемѣріе второго самозванца. Онъ хочетъ казаться православнымъ и побуждаетъ къ тому-же Марину. На пути въ Тушино она простояла два дня въ Звенигородѣ, присутствуя на переложеніи мощей Св. Саввы. Это она сдѣлала по просьбѣ самозванца, который писалъ ей объ этомъ: „отъ чего бы, т. е. отъ присутствія при переложеніи мощей въ виду народа, почтеніе и удивленіе къ памъ въ Москвѣ возрасло, въ разсужденіи чего мы прежде величайшую ненависть и пагубу въ государствѣ нашемъ претерпѣли“ [4]).

Съ воцареніемъ Вора въ Тушинѣ, государство какъ бы раздѣлилось. Изъ Москвы начинаютъ отъѣзжать въ Тушино боярскіе дѣти, стольники и т. д. Поцѣловавши

[1]) См. вр., стр. 94; Лѣтоп. о мят., стр. 124; Платоновъ. Очерки. 330.

[2]) Бутурлинъ. Ист. смути. вр. т. II. ст. 148; Сказ. совр. I. 153; С. г. г. и дог. II, 342.

[3]) Соловьевъ. VIII, 211 -219; Костомаровъ. См. вр. II, 159, прим. 1-е.

[4]) С. г. гр. и дог. № 163, стр. 339.

крестъ царю Василію, многіе на другой день уѣзжали въ Тушино. [1]). Всѣ эти лица были извѣстны въ то время подъ именемъ „перелетовъ". Но если такое печальное явленіе наблюдалось среди гражданъ, то церковь, въ лицѣ многихъ архипастырей, являлась защитницею и поборницею только царя Василія Шуйскаго. Въ это время мы видимъ, кромѣ патріарха, рядъ святителей, смѣло и энергично стоящихъ за законную власть. Монастыри помогаютъ матеріально, или же являются своего рода крѣпостями, съ которыми мятежники долго и упорно борятся. Къ обзору дѣятельности церкви въ лицѣ іерарховъ и монастырей въ это время легкой измѣны законной власти, время перелетовъ, мы и переходимъ.

Изъ всѣхъ іерарховъ церкви въ болѣе близкія отношенія съ вторымъ самозванцемъ за это время пришлось стать митрополиту Ростовскому Филарету, нареченному Тушинскому патріарху. „Въ Тушинскомъ лагерѣ, говоритъ Костомаровъ, знали, что этотъ человѣкъ не былъ изъ числа лицъ, искренно преданныхъ Шуйскому. Филарета нужно было достать. Прежде послали ему увѣщанія. Онъ не принялъ ихъ. Тогда рѣшили достать его силою" [2]). Когда движеніе за 2-го самозванца охватило сосѣдніе города Ростова, жители обратились къ своему архипастырю и умоляли его уйти въ Ярославль. „Онъ же государь великій, аки адамантъ крѣпкій и столбъ непоколебимый, приговоряше людій Божіихъ на то, и и утверждаше, чтобы стояли за вѣру истинную христіянскую и за государство по крестному цѣлованію, чтобы стать противъ тѣхъ злодѣевъ, и многими словесы утверждаше, глаголя: если мы погибны будемъ отъ нихъ,

[1]) Лѣтоп. о мят., стр. 137.

[2]) См. вр. II, 184.

и мы отъ Бога вѣнцы восіемемъ мученическіе“ [1]). Въ виду того, что въ городѣ были лица крайне малодушныя, Филаретъ велѣлъ имъ выйти, отвѣчая на просьбы ихъ уйти вмѣстѣ съ ними „аще будетъ и многія муки претерплю, а дому Пресвятыя Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ не покину“ [2]). Лѣтописецъ сохранилъ намъ величественную картину мужественнаго стоянія Филарета противъ враговъ въ храмѣ, во время осады города. „Митрополитъ же, видя гнѣвъ Божій, пойде въ соборную церковъ Пресвятыя Богородицы и облечеся въ свой святительскій санъ. Многіе же люди пріидоша и сѣдоша съ нимъ во храмѣ. Онъ же, святитель, готовился аки агнецъ къ заколенію, сподобися пречистыхъ и животворящихъ Таинъ и всему міру спасенія, и похотѣ дати отвѣтъ Богу, праведный, по пророческому словеси: се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ, и повелѣ протопопу и священникамъ, кои ни есть въ церквѣ, поновляти и причащати весь народъ, и сподоби всѣхъ Божественныхъ Таинъ. Литва же пріидоша во градъ, начаша люди избивати, кои не успѣли въ церковь уйти и изъ града въ Ярославль убѣжати. Они же идоша къ церкви. Митрополитъ же повелѣ двери утвердити, видя, что прямо къ къ церкви идутъ. Они же начаша къ дверямъ приступати, а изъ церкви къ нимъ біющіеся и не давше имъ приступати. Митрополитъ же, видя изнеможеніе, пріиде къ дверямъ церковнымъ, и нача Преславцамъ говорити отъ Божественнаго писанія, чтобы напомнити свою православную вѣру, отъ Литовскихъ людей отстали и къ государю обратилися. Они же, Преславцы, аки волки свирѣпы, возопиша великимъ гласомъ, и начаша къ цер-

---

[1]) Лѣтоп. о мят., стр. 139.

[2]) Тамъ-же.

кви приступати и выбиша двери церковныя, и начаша людей сѣщи и побиша множество много народа. Митрополита же взяша и святительскія ризы на немъ ободраша и одѣша его въ худыя ризы и даша его за пристава" [1]). Въ такомъ то видѣ святитель Ростовскій, посаженный на возъ съ какою то женкой, отправленъ былъ въ Тушино къ царику. Самозванецъ принялъ его ласково и нарекъ въ санъ патріарха [2]). По сообщенію иностранца Бера, „митрополитъ вынулъ при этомъ изъ своего жезла восточный яхонтъ цѣною въ полъ бочки золота и подарилъ его Димитрію" [3]). Возведенный въ патріаршее достоинство Филаретъ, по словамъ современника-иностранца Маскевича, встрѣтилъ въ Тушинѣ многочисленную пас-

[1]) Лѣтоп. о мят. 139—141; А. Э. II, № 88.

[2]) Это, по словамъ пр. Макарія, было знакомъ того, „что самозванецъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ поляковъ или литовцевъ: ибо только въ литовской митрополіи существовалъ обычай, что святители, назначаемые государемъ на ту или другую кафедру, назывались сперва „нареченными", пока кафедра та была еще занята другимъ іерархомъ, или пока они сами не были посвящены, а въ Руси Московской такого обычая не было никогда". (Исторія русск. церкви, X, 139). Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи о Филаретѣ, говоритъ: „Причиною этого не была ли польская инструкція первому еще самозванцу, въ которой, между прочимъ, были такіе пункты: не нужно много хлопотать о титулѣ императора, и потому, что для принятія его необходимо новое вѣнчаніе, которое патріархъ совершить не можетъ, предложить вопросъ объ отношеніи патріарха Московскаго къ Византійскому, откуда его власть раздавать должности людямъ, приверженнымъ къ уніи. Особенно высшее духовенство должно быть за унію, оно должно руководить народъ къ предположенной цѣли, —а это въ рукахъ его царскаго величества" (Чт. въ О-вѣ люб. духовн. просв. 1873 г., стр. 344, пр. 97-е).

[3]) Сказ. совр. о самозв. т. I, стр. 144. „Невѣроятно, говоритъ Смирновъ въ упомянутомъ нами изслѣдованіи, чтобы такая бросающаяся въ глаза драгоцѣнная вещь могла сохраниться при митрополитѣ. Мы знаемъ что его застали въ полномъ святительскомъ облаченіи и, конечно, съ жезломъ. Какъ же могъ не броситься въ глаза такой дорогой яхонтъ, когда снимали ризы съ святителя? Какъ могъ онъ сохраниться отъ алчности поляковъ, когда они раку святого Леонтія на части разсѣкли" (Лѣт. о мятеж., 141) Цит. соч. 344, прим. 99.

тву,— перелетовъ москвичей здѣсь было отъ 200 до 300 тысячъ [1]) Если Филаретъ былъ возведенъ въ санъ патріарха самозванцемъ, то всѣ области, цѣловавшія крестъ ему, являлись подъ его управленіемъ. Историческимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ Филаретъ относился къ возложенному на него сану, является только одна грамота къ Яну Сапѣгѣ. Послѣдній писалъ Филарету, что въ его патріаршей области въ Киржачскомъ монастырѣ разоренъ храмъ, въ которомъ осквернень престолъ и разграблены сосуды, такъ, что нельзя совершать богослуженіе и миряне умираютъ безъ напутствія Св. Тайнами, и просилъ дать антиминсъ и благословеніе на освященіе храма. Нареченный Тушинскій патріархъ отвѣтилъ на эту просьбу Сапѣги своею грамотою [2]), писанною въ ноябрѣ 1608 года, въ которой писалъ объ исполненіи той просьбы, съ которой къ нему обратился Сапѣга. Въ концѣ ея стоитъ благословеніе, посылаемое отъ имени Московскихъ и Ростовскихъ чудотворцевъ. Это, по мнѣнію Смирнова, показываетъ „несомнительно“, что Филаретъ Никитичъ считалъ (если только не былъ принужденъ считать себя,—на что кажется не было основаній) дѣйствительно нареченнымъ патріархомъ Московскимъ и всея Россіи. Патріархи Московскіе въ окончаніяхъ своихъ грамотъ всегда упоминали о благословеніи и милости чудотворцевъ Московскихъ и всея Россіи и святыхъ того города или области, куда писали [3]). По сло-

[1]) Сказ. совр., т. V, стр. 29.

[2]) А. И. т. II, № 106.

[3]) А. И. II, № 128. Смирновъ. Цит. соч. Чт. въ О-вѣ люб. дух. просв. 1873 г., стр. 346. „Судя по тому, говоритъ Смирновъ, что Филаретъ Никитичъ писалъ грамоты за своею печатью въ Юрьевъ-Подольскій и считалъ въ своемъ патріархатѣ Суздальскій уѣздъ, можно думать, что онъ распоряжался всѣми дѣлами до него, какъ нареченнаго патріарха, относящимися, во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя цѣловали крестъ Тушин-

вамъ Платонова, грамоты, разсылаемыя нареченнымъ Тушинскимъ патріархомъ, скрѣплялись діакономъ Григоріемъ Терпигоревымъ и печатались особою патріаршею печатью [1]). Грамоты эти являются свидѣтельствами только административной дѣятельности Филарета, но для болѣе важнаго вопроса, какъ относился Филаретъ къ самозванцу, онѣ не открываютъ данныхъ. Для рѣшенія указаннаго вопроса могутъ быть приняты во вниманіе слѣдующія историческія свидѣтельства. Оффиціальное жизнеописаніе Филарета, извѣстное подъ именемъ „Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича“ [2]), совершенно не говоритъ о пребываніи Филарета въ Тушинѣ [3]). Въ грамотахъ Гермогена, написанныхъ по случаю низверженія Шуйскаго съ престола, высказывается порицаніе тѣмъ лицамъ, которыя отъѣхали въ Тушино. Но далѣе

скому вору. Данныхъ историческихъ, правда, для такого заключенія нѣтъ, но можно съ вѣроятностью такъ думать. Извѣстно, напримѣръ, что въ 1609 году царикъ прислалъ въ архимандриты въ Суздальскій Ефиміевъ монастырь какого-то старца Іова. Конечно, назначеніе и утвержденіе его не могли произойти безъ участія и содѣйствія высшей духовной власти, каковою въ Тушинѣ былъ Филаретъ. Съ просьбами по дѣламъ и нуждамъ духовнымъ, русскіе часто обращались, какъ видно изъ актовъ, къ Сапѣгѣ, и если такія просьбы, какъ, напримѣръ, о поставленіи въ архимандриты старца Левкія, уважались и исполнялись: все такое не могло пройти безъ участія въ дѣлахъ, касающихся церкви, нареченнаго патріарха. Изъ сохранившейся грамоты, которую мы указали, видно, что Сапѣга стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ нареченному патріарху, давалъ ему знать о нуждахъ церковныхъ, и патріархъ удовлетворялъ требованіямъ. Распоряженія царика о старцѣ Іовѣ и Левкіи предполагаютъ также церковную дѣятельность плѣнника. Все это уполномочиваетъ насъ признать, что вѣдѣнію Филарета Никитича подлежали всѣ области, признавшія Тушинскаго вора настоящимъ царемъ русскимъ“.

[1]) Очерки по ист. см., стр. 419.

[2]) Доп. къ А. И. II, № 76.

[3]) По словамъ Платонова, „все это произведеніе носитъ характеръ оффиціальнаго панегирика Филарету и для біографіи Филарета нѣтъ въ немъ ни одной такой подробности, которой бы не было въ „Новомъ Лѣтописцѣ“ (Древне-русск. сказ. о см. вр., какъ истор. источн., 275).

говорится: „сіе слово не ко всѣмъ пишемъ, но къ тѣмъ, которые..., преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ государю и великому князю Василію Ивановичу и всей Руси..., а которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но нужею.... на таковыхъ мы не порицаемъ“ [1]). Болѣе опредѣленно высказывается о пребываніи Филарета въ Тушинѣ Авраамій Палицынъ, говоря: „сей Филаретъ разуменъ сый и не преклонился ни на десно, ни на лѣво, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ“ [2]). Общій выводъ, какой мы можемъ сдѣлать изъ указанныхъ историческихъ свидѣтельсвъ, таковъ. Современники въ своемъ взглядѣ на пребываніе Филарета въ Тушинѣ раздѣлялись на два лагеря. Одни,

---

[1]) А. Э. II. № 169, стр. 288. „Патріарху, говоритъ Смирновъ въ упомянутомъ нами изслѣдованіи, незачѣмъ было бы защищать правоту плѣнныхъ, если бы всѣ такъ смотрѣли на попавшихъ въ Тушино нуждею, какъ смотрѣлъ самъ онъ; незачѣмъ было бы упоминать, что „таковыхъ мы не порицаемъ“, если бы не было порицающихъ“. (Цит. соч., стр. 349). Платоновъ такъ высказывается объ этомъ свидѣтельствѣ Гермогена: „Вполнѣ довѣряя искренности словъ Гермогена, слушатели и читатели его грамотъ могли однако соображать, что для Московскаго правительства было бы совершенно невозможно отозваться о Филаретѣ иначе, какъ о плѣнникѣ вора. Если бы оно объявило его добровольнымъ приверженцемъ „царя Димитрія“, то этимъ самымъ сильно подняло бы шансы своего Тушинскаго противника. Признаніе вора Романовыми, было бы тяжкимъ ударомъ Шуйскому. Впрочемъ заявленіямъ Гермогена русскіе люди позднѣйшаго времени охотно давали вѣру. Трудно было бы подозрѣвать въ добровольномъ служеніи Вору того іерарха, который при первой возможности отсталъ отъ Вора, желалъ на Московскій престолъ Владислава и, возвратясь въ Москву весною 1610 года изъ Тушина, сталъ затѣмъ въ рядахъ правительства, безусловно враждебнаго Вору“. (Очерки по ист. см., стр. 417).

[2]) Р. И. Б. XIII, 513. „Тонко сплетенная фраза, говоритъ Платоновъ объ этомъ свидѣтельствѣ Палицына о Филаретѣ, способна навести читателя на справедливую, повидимому, догадку, что, попавъ поневолѣ въ Тушино, Филаретъ и въ самомъ дѣлѣ не намѣренъ былъ преклоняться ни передъ Воромъ, ни передъ Шуйскимъ, а терпѣливо ожидалъ“. (Очерки по ист. смуты, стр. 418).

какъ и первосвятитель Гермогенъ, видѣли въ немъ только плѣнника и отношенія къ самозванцу, по ихъ взгляду, были скорѣй пассивныя, вынужденныя, чѣмъ добровольныя, основанныя на признаніи самозванца царемъ. Другіе, какъ и признавшіе самозванца царемъ, видѣли въ Филаретѣ сторонника самозванца. Находились даже и такіе, которые прямо порицали Филарета; какъ намекъ на это можно видѣть въ словахъ Гермогена о Филаретѣ [1]). Обращаясь по данному вопросу къ нашей исторической литературѣ, мы видимъ слѣдующее. Пр. Макарій вовсе не ставитъ вопроса объ отношеніяхъ Филарета ко второму самозванцу, но лишь передаетъ о фактѣ плѣненія Филарета и нареченіи его патріархомъ, замѣчая, впрочемъ, „что, оказавъ Филарету, по наружности, столько почестей, самозванецъ не довѣрялъ ему и окружилъ его стражниками, которые наблюдали за каждымъ его словомъ и мановеніемъ“ [2]). Карамзинъ говоритъ, что самозванецъ „держалъ Филарета въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности царю Василію“ [3]), а въ другомъ мѣстѣ [4]) называетъ его „мужемъ добродѣтельнымъ, плѣнникомъ и безгласнымъ участникомъ думы крамольниковъ, т. е. Тушинцевъ, вступившихъ въ переговоры съ Сигизмундомъ“. Соловьевъ, какъ и пр. Макарій, говоритъ только о плѣнѣ Филарета, называя нареченіе его въ патріархи „унизительною почестью“ [5]). Костомаровъ высказывается за признаніе Филаретомъ самозванца, говоря:

[1]) Приводя эти свидѣтельства, Смирновъ говоритъ: „Есть основаніе думать, что о Филаретѣ Никитичѣ въ народѣ ходила не совсѣмъ благопріятная для него молва въ то время, когда онъ былъ въ Тушинѣ“ (Цит. соч. 348).

[2]) Исторія русск. церкви, т. X, стр. 140.

[3]) Ист. гос. россійск., т. XII, стр. 12.

[4]) Тамъ-же, стр. 187.

[5]) Ист. Россіи, VIII, 246.

„Филаретъ не обличилъ предъ всѣми вора, хоть прежняго Димитрія онъ зналъ лично очень хорошо и никакъ не могъ теперь ошибиться... Но въ Тушинѣ всетаки побаивались Филарета, не довѣряли ему и подстерегали за каждымъ его словомъ и мановеніемъ. Было отчего. Признавши перваго Димитрія, получивши отъ него милости, онъ потомъ служилъ Шуйскому, открывалъ мощи младенца Димитрія, теперь служилъ второму Димитрію, и, конечно, не могъ быть ему столько же преданъ, сколько самъ ему былъ нуженъ. Тѣмъ не менѣе, именемъ новонареченнаго патріарха писались грамоты, и признаніе Филаретомъ Димитрія усиливало довѣріе и расположеніе къ этому новому Димитрію“ [1]). Кромѣ Костомарова, никто болѣе изъ нашихъ историковъ не высказывается объ отношеніяхъ Филарета къ самозванцу въ смыслѣ признанія первымъ послѣдняго. Платоновъ такъ говоритъ объ этомъ: „Филаретъ не пожелалъ купить себѣ свободу отъ Вора цѣною такого риска, какъ Тверской архіепископъ Ѳеоктистъ, который былъ ворами убитъ на пути къ царствующему граду въ бѣгствѣ“. Филаретъ не пытался бѣжать изъ Тушина и жилъ тамъ какъ бы на свободѣ, окруженный почестями, окруженный штатомъ слугъ—„рабовъ“, которыхъ ему такъ даровали, „яко же и прочимъ святителемъ“. Онъ не устранялся отъ оффиціальныхъ сношеній съ воромъ и его правительствомъ [2]). Смирновъ, посвятившій Филарету свое спеціальное изслѣдованіе, высказывается, подобно Платонову, за пассивное отношеніе Филарета къ самозванцу. „За то, что митрополитъ не обличилъ предъ всѣми вора, хотя прежняго Димитрія онъ хорошо зналъ и никакъ не могъ ошибиться, Фила-

[1]) Смутное время. II, 184—5.

[2]) Очерки по ист. русск. смуты, стр. 418—419.

рета Никитича обвиняютъ и говорятъ, что признаніе его Димитріемъ царика усиливало довѣріе и расположеніе народа къ новому самозванцу. Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Намъ ни откуда, во первыхъ, не извѣстно, чтобы Филаретъ Никитичъ признавалъ истиннаго сына Ивана Грознаго въ первомъ ли, или во второмъ самозванцѣ; но всякому было извѣстно, что онъ открывалъ мощи убитаго царевича въ Угличѣ. Да и могъ ли въ мнѣніи народномъ стать митрополитъ выше царя Шуйскаго и патріарха Гермогена съ своимъ признаніемъ. Его голосъ заглушали въ то время грамоты изъ Москвы противъ Тушинскаго вора. Въ митрополитѣ видно скорѣе пассивное отношеніе къ тому, что вокругъ него дѣлалось, и потому напрасно приписывать наплывъ русскихъ къ царику именно Филарету Никитичу. Мы знаемъ, что не всегда и ни во всемъ онъ былъ свободенъ, живя въ Тушинѣ, хотя иногда и дѣйствовалъ въ качествѣ патріарха“ [1]). Таково положеніе вопроса объ отношеніи митрополита Филарета къ Тушинскому вору въ нашей исторической литературѣ. Мы обратили особенно вниманіе на этотъ вопросъ потому, что среди іерарховъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ эту эпоху, Филаретъ болѣе, чѣмъ кто либо, „загадоченъ“ по своей тушинской жизни, по отношенію къ смутамъ государства. Если онъ призналъ самозванца царемъ, то тѣмъ самымъ явился врагомъ Шуйскаго, законнаго царя. Но высказаться такъ опредѣленно о Филаретѣ безусловно нельзя. Его дальнѣйшая дѣятельность, къ которой мы обратимся ниже, показывала въ ней борца за законный порядокъ и благоденствіе Россіи, покупаемыя хотя бы цѣною признанія польскаго царевича Владислава царемъ Московскимъ.

[1]) Цит. соч., стр. 347—348.

Кромѣ Филарета, въ царствованіи Шуйскаго мы, какъ говорили, видимъ многихъ іерарховъ, мужественно боровшихся противъ Тушинскаео вора. „Священныхъ чинъ, говоритъ Палицынъ, потребленъ бысть, и вси іерархи, право учащіе, или въ правдѣ стоящіе, водими яко злодѣи въ узахъ не токмо отъ меньшихъ, но и отъ первопрестольныхъ“ [1]). „Въ духовенствѣ, по словамъ Карамзина, особенно сіяла доблесть“ [2]). Упомянутый нами Тверской архіепископъ Ѳеоктистъ, такъ мужественно отразившій мятежниковъ въ началѣ движенія, въ настоящее время былъ взятъ и перевезенъ въ Тушино. Здѣсь онъ былъ подвергнутъ не только поруганію, но даже мученіямъ. Когда онъ хотѣлъ уйти отсюда въ Москву, на пути былъ убитъ. Брошенное тѣло святителя было найдено потомъ обезображеннымъ [3]). Псковскій Епископъ Геннадій, когда увидѣлъ, что въ Псковъ доходятъ „смутныя грамоты отъ Вора“, сталъ увѣщевать псковитянъ стоять за законнаго царя Шуйскаго. Тѣ граждане, которые внимали слову своего архипастыря и оставались на сторонѣ Шуйскаго, предавались пыткамъ и казни. Святитель Геннадій, болѣя сердцемъ за пострадавшихъ, не могъ вынести этого и умеръ отъ горя [4]). Сильвестръ, епископъ Вологодскій, взятый въ плѣнъ, содержался 4 ночи подъ стражей, много разъ приводился къ жизни и и едва отпущенъ живой [5]). Суздальскій епископъ Галактіонъ при взятіи города сначала съ прочими гражданами сдался мятежникамъ [6]), но потомъ, отказавшись благо-

---

[1]) Палицынъ „Сказаніе“ стр. 50.

[2]) Цит. соч. VII, стр. 128.

[3]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 51; Лѣтопись о мятеж.. стран. 175.

[4]) Карамзинъ, XII, 310; пр. Макарій X, 138.

[5]) Пр. Макарій. Ист. русск. церк. X, 217.

[6]) А. И. II, № 99 и 100.

словить самозванца, былъ сосланъ въ изгнаніе, гдѣ и скончался [1]). Коломенскаго епископа Іосифа, взятаго въ въ плѣнъ, мятежники таскали при своемъ отрядѣ и привязывали къ пушкѣ, чтобы устрашать противниковъ. Воеводы царя Василія Ивановича отбили у нихъ страдальца-святителя и привели въ Москву. Возвращенный отсюда на свою епархію, епископъ Іосифъ продолжалъ ревностно стоять за царя [2]). Новгородскій митрополитъ Исидоръ удержалъ новгородцевъ отъ перехода на сторону Тушинскаго вора [3]). Кромѣ епископовъ и „маліи отъ священнаго чина, говоритъ Авраамій Палицынъ, тѣхъ бѣдъ избѣгоша, память же тѣхъ язвъ многими и до смерти остася“ [4]). Среди сихъ лицъ, „малыхъ отъ священнаго чина“, лѣтописи сохранили намъ имя Зарайскаго протопопа Димитрія. Когда подъ Зарайскъ явился Лисовскій и взялъ городъ, протопопъ Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ святителемъ Коломенскимъ Іосифомъ, бывъ въ отрядѣ мятежниковъ. По освобожденіи вмѣстѣ съ нимъ же изъ плѣна при битвѣ на такъ называемой Медвѣжьемъ бродѣ [5]), онъ возвратился въ свой городъ и продолжалъ мужественно стоять за царя. Когда по взятіи мятежниками Коломны, въ Зарайскъ явились послы съ

---

[1]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 51.

[2]) Тамъ-же; Лѣтоп. о мят., стр. 184; пр. Макарій X, 138; Карамзинъ XII, 128, 224.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 145; Костомаровъ II, 190.

[4]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 51. Какъ бы въ подтвержденіе словамъ Палицына, въ синодикѣ Софійскаго Вологодскаго собора находимъ такую запись: „Помяни Господи, иже во градѣ Вологдѣ избіенныхъ и сожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ“. Затѣмъ поименно исчисляются 68 человѣкъ убитыхъ, среди которыхъ было 3 протоіерея, 34 священника, 6 діаконовъ и 6 иноковъ. (Голетой. Разсказы изъ исторіи русской церкви, стр. 420, прим. 6-е).

[5]) О плѣнѣ протопопа Димитрія. Лѣтопись о мятеж., стр. 132—133

предложеніемъ цѣловать крестъ вору, протопопъ Димитрій, вмѣстѣ съ воеводою, княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, удержалъ городъ отъ измѣны царю [1]). Конечно, тяжесть бѣдствій приводила и къ обратнымъ примѣрамъ—измѣнѣ и со стороны духовенства. „Нѣцыи не стерпѣвши бѣдъ, говоритъ Палицынъ, и ко врагамъ причастницы быша“ [2]). Мы видѣли, что даже епископъ Суздальскій Галактіонъ сначала передался на сторону вора [3]), но потомъ скончался въ изгнаніи и такимъ образомъ искупилъ свою вину. Можно сказать, что подобные примѣры были лишь исключеніями, вызванными силою бѣдствій. Общій же голосъ церкви, во главѣ съ мужественнымъ патріархомъ Гермогеномъ, былъ за законнаго царя. Кромѣ іерарховъ, обезсмертившихъ свое имя въ это время своимъ мужествомъ въ борьбѣ съ мятежниками, мы видимъ такую же энергичную дѣятельность и въ монастыряхъ. Среди послѣднихъ знаменитая Троицкая обитель явилась своего рода крѣпостью, съ которой долгое время (16 мѣсяцевъ) боролись безуспѣшно мятежники.

Переходя къ осадѣ этой знаменитой обители, мы должны предварительно отмѣтить важное ея значеніе въ глазахъ русскаго народа, какъ обители преподобнаго Сергія, столь близкаго сердцу каждаго православно-русскаго человѣка. То же, что Кіево-печерская обитель на югѣ, то въ срединѣ Россіи ея сердцемъ Москвою—былъ Троиц-

---

[1]) Лѣтопись о мятеж., стр. 185. Карамзинъ, XII, 224, примѣчан. 553. Костомаровъ, См. вр., II, 403.

[2]) Сказаніе, стр. 51.

[3]) Лѣтоп. о мят., стр. 188. Иловайскій, говоря объ измѣнѣ Галактіона, замѣчаетъ: „примѣръ тогда довольно частый среди игуменовъ и священниковъ, но очень рѣдкій среди высшаго русскаго духовенства“ (Смутное время, стран. 107).

кій монастырь. Въ разсматриваемый нами моментъ смутной эпохи Троицкая обитель была всецѣло передана Шуйскому. „Велика же тогда польза царствующему граду бысть отъ обители чудотворца Сергія, говоритъ знаменитый борецъ изъ ея стѣнъ Палицынъ, ради святыхъ его молитвъ. Иже бо къ морю на полунощь живущіе людіе на краехъ студенаго моря Окіяна къ царствующему граду всякъ промыселъ извѣщаютъ и способляютъ. Отъ Великаго бо Новгорода и до Вологоды, и по Двинѣ рѣкѣ до Моря и на востокъ вся Сибирская земля, и яже за нею, вси способствоваху къ Москвѣ. Такоже и отъ Нижегородскія земли и отъ Казани вси безъ имено служаще, и изъ тѣхъ всѣхъ прежереченныхъ мѣстъ егда кому некуды минути, то вси ко обители чудотворца притекаху. Тогда же въ той велицѣй Лаврѣ архимандриту Іосафу и келарю старцу Авраамію Палицыну и съ прочтими доброхотствующими къ царствующему граду со всѣмъ усердіемъ велико тщаніе о семъ показующе, и великъ промыселъ бываше отъ обители Чудотворца всѣмъ людѣмъ въ Москвѣ правящимъ во всякихъ нуждахъ, и въ провожденіяхъ, и всякому вѣсть тѣмъ подаваху: себѣ убо соблюдаше, и тѣхъ охраняюще до конца монастырскую казну истощеваху“ [1]). Но кромѣ религіознаго значенія и матеріальной помощи, обитель Сергіева уже въ это время посылала свои грамоты на укрѣпленіе власти Шуйскаго. Объ этомъ свидѣтельствовали сторонники второго самозванца, совѣтуя ему осадить Троицкій монастырь. „Иноки сего монастыря, говорили они, всѣхъ всяко укрѣпляютъ, еже не покорится величеству твоему, и небрещи о твоемъ благородіи, но служити учатъ царю Шуйскому, печатлѣютъ же всяко писаніе съ лестьми, глаголюще: да

[1]) Сказаніе, стр. 65.

сохранятъ убо всѣхъ всегда молитвы чудотворцевъ Сергія и Никона" [1]). Хотя этихъ грамотъ не сохранилось, но что иное разумѣть подъ указываемыми „писаніями", какъ не грамоты, составленіемъ которыхъ потомъ, въ концѣ смуты, принесла великую пользу для отечества Троицкая обитель. Важный въ отношеніи и религіозно-нравственнаго вліянія и матеріальной помощи Троицкій монастырь былъ важенъ и въ стратегическомъ отношеніи. Онъ находился на проѣзжей дорогѣ изъ Москвы въ Заволжье, по которой въ Москву подвозили запасъ. Захватить этотъ путь—это значило отрѣзать доставку продовольствія въ Москву. Все это прекрасно понимали поляки и потому „23 сентября 1608 года Лисовскій и Сапѣга со многими Литовскими и Польскими людьми" [2]) осадили монастырь. Въ немъ въ это время находилось около 300 человѣкъ братіи, небольшая ратная дружина подъ предводительствомъ двухъ воеводъ Голохвастова и Долгорукова и пришедшіе сюда изъ окрестныхъ селеній крестьяне. Невелико было количество осажденныхъ, но они мужественно боролись, воодушевленные твердою надеждою на небесную помощь основателя обители. „Надежда наша, говорили въ обители, и упованіе святая живоначальная Троица, стѣна же наша и заступленіе и покровъ —пренепорочная Владычица наша Богородица и приснодѣва Марія, способницы же намъ и молитвенницы къ Богу о насъ—преподобніи отцы наши велицыи чудотворцы Сергій и Никонъ" [3]). Осаждавшіе, зная это и видя крѣпкія стѣны обители, обратились къ осажденнымъ съ грамотами, приглашая ихъ покориться Тушинскому вору.

---

[1]) Тамъ же, стр. 68—69.

[2]) Палицынъ, Сказаніе, стр. 70—71.

[3]) Палицынъ, Сказаніе, стр. 80.

Грамоты были, какъ на имя воеводъ, такъ и на имя настоятеля обителя, архимандрита Іосафа. По полученіи ихъ, изъ обители учинили отписку. „Да вѣсть ваше темное державство, писали изъ обители полякамъ, вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ христіанъ, Богоборцы, мерзость запустѣнія да вѣсте, яко и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а о нихъ же есте къ намъ писати, мы сія пріемше оплеваxомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тьму паче свѣта, и преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу, како же вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покориться новымъ еретическимъ законамъ отпадшимъ отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ. Или кое пріобрѣтеніе и почесть, еже оставити намъ своего православнаго государя царя, и покоритися ложному врагу, и вамъ Латинѣ иновѣрнымъ, и бити намъ яко жидомъ или горши сихъ. Они бо жидове не познавше Господа своего распяше, намъ же знающимъ своего православнаго государя, подъ ихъ же царскою христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ винограде истиннаго пастыря Христа, како оставити намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою, и тщетною лестію, и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хощете. Но ни всего міра богатства не хощемъ противъ своего крестнаго цѣлованія“ [1]). Мы остановились подробно на содержаніи этой отписки. Она, подобно всѣмъ грамотамъ, исходившимъ отъ представителей церкви въ эту эпоху, проникнута глубокою преданностью колеблемому въ это время престолу царя. Отпасть

[1]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 81 -82.

отъ царя и предаться полякамъ, по смыслу отписки, все равно, что быть подобнымъ евреямъ, отвергшимъ Христа. Не смотря на такое рѣзкое сравненіе, оно показывало ту высокую степень санкціи царской власти, которая проникаетъ всѣ грамоты церкви, посланныя въ царствованіе Шуйскаго. Осада обители продолжалась 16 мѣсяцевъ, но она была безуспѣшна для поляковъ. Много бѣдствій пришлось испытать въ это время осажденнымъ. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и отъ недостатка пищи и хорошей питьевой воды, въ обители развилась цынга, отъ которой ежедневно умирало отъ 20 до 100 человѣкъ. „Овіи убо, говоритъ Палицынъ, надъ умирающими плачущи, овіи же надъ износимыми, иніи же надъ погребенными“ [1]). Священники изнемогали отъ трудовъ напутствія больныхъ и погребая умершихъ. Бѣдственное положеніе привело даже къ тому, что въ монастырѣ стали обвинять въ измѣнѣ казначея Іосафа Дѣвочкина, будто онъ посылалъ письма Тушинскому вору. „Нѣтъ возможности, говоритъ Костомаровъ, добраться до истины, справедливо ли подозрѣвали въ измѣнѣ этихъ лицъ. Раздраженные безпрерывными и долговременными опасностями, среди болѣзней, тѣсноты, духоты, подъ непрестаннымъ страхомъ смерти, люди всегда способны давать волю воображенію и видѣть другъ въ другѣ виновниковъ своихъ бѣдъ“ [2]). Не смотря на всю тяжесть бѣдствій, монастырь не сдавался. „Гробъ каменный“ былъ твердый, незыблемый. Надежда на небесную помощь преподобнаго Сергія не покидала все время осады сидѣвшихъ въ обители. Сказаніе келаря ея, Авраамія Палицына, отмѣчаетъ много видѣній, которыхъ удостоивались осажденные. Преподо-

[1]) Тамъ-же, стр. 151.

[2]) Смутн. вр., II, 212, прим. 1.

бный Сергій часто являлся многимъ во снѣ и подкрѣплялъ въ трудной борьбѣ, предсказывая приступы и нападенія на поляковъ. Онъ говорилъ осажденнымъ, что за обитель молится Господу Пречистая Богородица съ ангелы и святыми [1]). Во время битвъ сражавшіеся видѣли „воина вооруженнаго, помогающаго одолѣвать враговъ [2])., слышали невѣдомое пѣніе въ церквахъ, видѣли здѣсь необычайный свѣтъ". Явленія преподобнаго Сергія, помогающаго осажденнымъ, видѣли даже враги: „многа видѣнія видѣхомъ, яко мнихомъ поспѣшествуетъ сила Божія" [3]). Всѣ эти видѣнія говорятъ о томъ, какъ глубока была у осажденныхъ вѣра въ помощь небеснаго защитника обители. Когда число сражавшихся съ поляками очень уменьшилось и оставшіеся стали изнемогать въ борьбѣ, въ Москву къ Шуйскому была отправлена челобитная о помощи. Въ Москвѣ въ это время находился упомянутый нами келарь Палицынъ. Онъ явился ходатаемъ предъ царемъ за свою обитель. Но Шуйскій въ это время самъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Келарь всюду и всегда просилъ Шуйскаго помочь дому чудотворца. Къ его голосу присоединился и патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, говоря: „аще, царю, взята будетъ обитель преподобнаго, то и весь предѣлъ, Россійскій и по Окіяна моря погибнетъ, конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ" [4]). Царь внялъ ихъ просьбѣ и послалъ въ помощь монастырю 60 человѣкъ да зелія 20 пудовъ. Эту помощь царя предсказываетъ явившійся во снѣ преподобный Сергій старцу Иринарху [5]). 12 января

[1]) Палицынъ, Сказаніе, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 121.

[3]) Тамъ же, стр. 154 и 213.

[4]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 155.

[5]) Тамъ же, стр. 185.

1610 года [1]) кончилась осада обители. Сапѣга ушелъ со своимъ отрядомъ отсюда къ Дмитрову. Каменный, какъ называли поляки Троицкій монастырь, явился непоколебимой крѣпостью. Осада ея, составляя неизгладимыя страницы нашей исторіи, говоритъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣла въ эту эпоху обитель преподобнаго Сергія. Выдержавши осаду при Шуйскомъ, она прислала ему въ помощь 20000 руб. [2]).

Рядомъ съ центромъ нашихъ монастырей на сѣверѣ Россіи—Троицкой обителью, мы видимъ въ смутную эпоху и другія обители, также энергично борющіяся съ врагами, или же помогающія матеріально Московскому царю Шуйскому въ этомъ дѣлѣ. Такъ, Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь—долгое время выдерживалъ осаду отъ враговъ. По мѣрѣ того, какъ были разрушаемы стѣны монастыря осаждавшими, иноки строили новыя болѣе крѣпкія. Монастырь содержалъ на свой счетъ войско, отчего весьма разорился. Твердо выдерживая осаду, эта обитель „и по городомъ окрѣпленіе писала и укрѣпляла многія мѣста стоять за домъ пречистыя Богородицы, за московскихъ чудотворцевъ", т. е. за Москву и за царя Шуйскаго.[3]). Матеріальную помощь московскому правительству

[1]) Тамъ-же, стр. 203. Исторія осады Троице-Сергіева монастыря мы излагаемъ по сказанію Палицына. Объ этомъ сказаніи Кояловичъ говоритъ такъ: самымъ выдающимся произведеніемъ въ дѣлѣ прагматическаго изложенія нужно признать сказаніе Авраамія Палицына объ осадѣ. Здѣсь мы уже видимъ цѣльное изображеніе историческаго движенія русской жизни отъ начала и до конца смутнаго времени, видимъ въ авторѣ ясное народное сознаніе и сознаніе значенія для будущаго времени его труда; наконецъ, видимъ твердые пріемы изложенія, давно вырабатывавшіеся на Руси, особенно въ житіяхъ XVI столѣтія (Исторія русскаго самосознанія, стр. 61).

[2]) Русск. церковь на служеніи государству въ періодъ смути. врем., Труды Кіевской духовной академіи 1861 года, III, 238.

[3]) А. Э. II, № 138.

оказывали многіе въ это время монастыри. Соловецкій монастырь переслалъ громадную по тому времени сумму — около 5500 рублей [1]). Въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ къ монастырскимъ деньгамъ братія сдѣлала еще сборъ со всѣхъ жившихъ въ обители, кто сколько могъ, и собранную сумму отправила къ Скопину [2]). Устюжскій и Архангельскій монастыри нѣсколько разъ посылали въ ополченіе ратныхъ людей на свой счетъ, а также снаряжали и своихъ монастырскихъ людей и помогали деньгами [3]). Симоновъ монастырь упорно боролся съ шайками Болотникова [4]). Конечно, весьма многія обители въ это время были разрушены или разграблены [5]). Иноки монастырей подвергались пыткамъ и даже смертной казни. Такъ, въ Николаевскомъ-Малоярославецкомъ монастырѣ избита была врагами за сопротивленіе вся братія, такъ что монастырь болѣе 10-ти лѣтъ былъ въ запустѣніи [6]).

---

[1]) А. Э. II, № 145; Костомаровъ. См. вр. II, 300.

[2]) А. Э. II, 158.

[3]) Тамъ же.

[4]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1861 года, III, стр. 256. Цит. соч.

[5]) Такъ были разграблены или разорены слѣдующія обители. Шайка Салѣги, взявши послѣ осады Панфутьевъ монастырь, убила игумена и братію, такъ что число всѣхъ побитыхъ вмѣстѣ съ людьми достигало до 12000 (Пов. лѣт. стр. 117). Лисовскій со своимъ отрядомъ взялъ Калязинскій монастырь препод. Макарія. Мощи преподобнаго, почивавшія въ ракѣ, были повергнуты на землю, рака же разсѣчена. Игуменъ съ братіею и людьми перебиты, казна разграблена и самый монастырь сожженъ (Пов. лѣт., стр. 123). При разореніи Толгскаго монастыря въ Ярославлѣ, убиты были всѣ иноки и служки въ числѣ 46 человѣкъ (Пр. Макарій. Ист. русск. церкви X, 217). Кромѣ того были разграблены монастыри: Валаамскій, Волоколамскій, Угличскій, Алексѣевскій, Корельскій, Песоцкій, Свіяжскій—Богородицкій, Муромскій, Кожеозерскій, Костромско-Ипатьевскій, Саввинъ-Сторожевскій, Ярославскій, Галичскій-Симоновскій, Плесскій-Николаевскій, Тихвинскій и многіе другіе. (А. Э. II, № 6, 168; т. III, №№ 15, 41, 47, 69, 75, 86, 96, 103; А. И. т. II, №№ 137 и 343; т. III, №№ 76, 79; Доп. къ Ак. ист. I, №№ 142, 143, 152, 168, 170, 174, 232).

[6]) Толстой, цит. соч., стр. 424, пр. 18. Кромѣ указанныхъ нами обі-

Высокій примѣръ обителей, мужественно стоявшихъ за царя Шуйскаго противъ мятежниковъ, конечно, не оставался безслѣднымъ въ ближайшемъ къ нимъ раіонѣ. Окружавшіе ту или другую обитель города шли по ея стопамъ. Такое значеніе имѣли для Вологды окружавшія ее обители и главнымъ образомъ Троицкая — преподобнаго Димитрія. Вологда сдѣлалась сборнымъ средоточіемъ возстанія противъ мятежниковъ. Преподобный Димитрій Прилуцкій, явившись во снѣ одному духовному старцу, велѣлъ принести въ городъ свой образъ, что и было исполнено въ торжественной процессіи. Явленіе это послужило какъ бы укрѣпленіемъ Вологожанъ „дерзать на государевыхъ враговъ и крѣпко стоять за крестное цѣлованіе царю“ [1]). Примѣромъ глубокаго религіознаго воодушевленія, проявившагося въ борьбѣ со врагами, явился небольшой городокъ на сѣверѣ — Устюжна. Гражданъ этого города сплотила и объединила вѣра въ небесное заступничество Богоматери, и они отразили враговъ. Этотъ городокъ былъ, такъ сказать, прототипомъ объединенія всей русской земли подъ знаменемъ вѣры на борьбу со врагами. Сознаніе всѣми православными крестьянами братства по вѣрѣ вырабатывалось постепенно. Городокъ Устюжна, повторяемъ, показалъ на себѣ животворность этого объединенія. Работа въ этомъ направленіи исходила, конечно, отъ духовенства. Въ Устюжнѣ оно не обращалось къ гражданамъ съ призывомъ къ этому началу потому, что граждане были уже воодушевлены религіозно, но оно ободряло ихъ молитвенно во время самихъ сраженій. Когда къ городу подошелъ непріятель, „былъ пономарю церкви Рождества голосъ:

телей и подвижниковъ пострадали въ это время и другіе. Мы не останавливаемся на подробностяхъ всего этого разоренія, какъ не входящихъ въ нашу основную задачу.

[1]) А. Э. II, № 99, стр. 196.

„не устрашайтеся, православные христіане, не отпадайте, не дамъ дома своего на разореніе иномлеменнымъ". Враги отошли отъ Устюжна и не взяли ее, хотя въ ней почти не было укрѣпленій. Устюжане приписывали это событіе заступничеству Богоматери". Когда непріятель снова подошелъ къ стѣнамъ города „священники вынесли икону Богоматери къ воротамъ, посвященнымъ имени Св. Димитрія (вѣроятно потому, что тамъ стояла икона этого святого), куда направляли приступъ. Разсказывали: когда священники пришли въ церковь за этою иконою – она сама двинулась съ своего мѣста и стала посреди церкви. Когда икона появилась на стѣнѣ, это такъ воодушевило Устюжанъ, что они начали дружно отбивать и воры отступили". Заступничество Богоматери проявилось еще разъ. Когда воры еще разъ подошли къ городу, выступившіе на борьбу съ ними горожане, стоя на колѣнахъ начали ослабѣвать. „Священники вынесли снова образъ Богоматери при колокольномъ звонѣ на стѣну,—набрались Устюжане мужества, отбивали дружно и отняли у враговъ знамя. Враги отступили и уже не нападали на городъ. Устюжане въ память этого событія установили празднество въ честь Богородицы, февраля въ 10-й день" [1]).

Не смотря на всѣ усплія церкви поддержать власть Шуйскаго, какъ законнаго государя, дни его царствованія были уже сочтены. Государство какъ бы раскололось на двѣ половины. Рядомъ съ Москвою была другая столица — Тушино съ своимъ царемъ и нареченнымъ патріархомъ. Мы уже говорили о томъ, что изъ Москвы сюда ѣхали всѣ, кто былъ недоволенъ царемъ. Общественныя бѣдствія дополнилъ распространившійся въ это время въ Москвѣ голодъ. Онъ былъ причиною неоднократныхъ волненій про-

[1]) Костомаровъ. См. вр. II, стр. 237—239.

тивъ Шуйскаго. Противъ него въ это время составлялись заговоры съ цѣлью убійства его [1]). Патріархъ Гермогенъ, стремясь поддержать законнаго царя и помочь голодающимъ, созываетъ въ Храмѣ Успенія Божіей Матери всѣхъ вельможъ и купцовъ, заклиная ихъ быть сострадательными, не повышать цѣны на хлѣбъ. Но слово архипастыря не подѣйствовало. Тогда онъ призвалъ келаря Троицкой обители Авраамія Палицына и просилъ его открыть монастырскія житницы. Небесная помощь преподобнаго Сергія, какъ повѣствуетъ объ этомъ Палицынъ, проявилась и здѣсь. Когда стали сметать въ житницѣ рожь, она посыпалась обильно изъ щели въ стѣнѣ [2]). Затѣмъ въ самой Москвѣ было такое видѣніе. Въ городъ восточными воротами въѣхалъ „старецъ святолѣпенъ, сѣдинами довольно исполнь, за нимъ поѣхали люди съ двѣнадцатью возами, наполненными печенными хлѣбами. На вопросъ откуда они ѣдутъ, старецъ отвѣчалъ: „отъ дому пресвятыя и живоначальныя Троицы всѣ мы“ [3])

Завершеніемъ бѣдственнаго положенія Россіи при Шуйскомъ былъ польскій король Сигизмундъ, появившійся на юго-западѣ. Зная враждебное настроеніе въ Москвѣ многихъ бояръ противъ Шуйскаго и непрочность Тушинскаго вора, онъ рѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами. „До сихъ поръ, говоритъ Костомаровъ, Польша косвенно, чрезъ частныхъ удальцевъ, вредила Московскому государству, теперь самъ король двинулся съ войскомъ и объявилъ себя противъ Шуйскаго [4]). Перейдя границу, онъ послалъ въ Смоленскъ грамоту. Въ ней онъ говорилъ, что, соболѣзнуя бѣдствіямъ русскихъ людей, онъ высту-

[1]) А. И. II, № 212, стр. 249.
[2]) Сказаніе, стр. 218.
[3]) Палицынъ. Сказаніе, стр. 220.
[4]) См. вр. II, 309.

пилъ съ войскомъ не для войны, а чтобы остановить кровопролитіе, ненарушимо утвердить православную вѣру и даровать всѣмъ спокойствіе и тишину. Смольнянамъ онъ предлагалъ отдаться подъ его охрану [1]). Тѣ отказались на его предложеніе и началась осада города. Зная настроеніе умовъ среди Тушинцевъ, Сигизмундъ вступилъ съ ними въ переговоры. Отправлены были въ Тушино послы, которые объявили Филарету Никитичу, Салтыкову и Трубецкому цѣль пришествія Сигизмунда, какъ и въ грамотѣ Смольнянамъ, и предлагали всѣмъ отдаться подъ покровительство короля, который сохранитъ имъ ихъ вѣру и права. Филаретъ Никитичъ и бояре, повѣря такому обѣщанію Сигизмунда, со слезами благодарили Бога за это и просили только одного, чтобы король сохранилъ православную вѣру [2]). Рѣшено было отречься отъ царика и отъ Шуйскаго, передаться Сигизмунду и стараться о подчиненіи ему Московскаго государства". „Стѣснительное положеніе Филарета Никитича,—говоритъ Смирновъ,—могло, конечно, побудить его къ тому, что онъ рѣшился признать Сигизмуда заступникомъ и умирителемъ земли Русской. Дѣйствительно, ему нельзя было не видѣть, что Шуйскій не былъ въ силахъ очистить отъ вора государство. Оставаться въ нерѣшительномъ положеніи было невозможно. Нужно было склониться или на сторону Сигизмунда, или на сторону царика Но на царика не могъ положиться Филаретъ, а Сигизмунду еще можно было довѣрять" [3]). Въ это время и воръ покинулъ Тушино, что произвело здѣсь волненіе. Часть Тушинцевъ хотѣла идти въ Москву, а другая продолжала начатые

[1]) Костомаровъ. II, 316.

[2]) Тамъ-же, II, 330.

[3]) Цит. соч., стр. 350.

переговоры съ Сигизмундомъ. Отправлено было въ Смоленскъ посольство, которое и прибыло къ королю 27 января 1610 г. Принятые съ честью, послы благодарили короля „за то, что, видя великое смятеніе между всѣми людьми московскими, онъ желалъ, чтобы Московское государство было какъ прежде въ тишинѣ и мирѣ". Послы били челомъ, чтобы королевичъ Владиславъ былъ государемъ и ненарушимо сохранилъ „апостольскую ихъ Церковь и греческую вѣру и ихъ давнія права и вольности". Послѣ переговоровъ, не приведшихъ къ окончательнымъ результатамъ, послы возвратились въ Тушино. Король послалъ грамоту на имя Филарета, „нареченнаго патріарха Московскаго, святѣйшихъ архіепископовъ, епископовъ... и всякихъ чиновъ людей..., въ которой говорилъ, что желаніе московскихъ людей будетъ вполнѣ и точно исполнено". Филаретъ отвѣчалъ на это: „за такое желаніе короля, мы, Филаретъ патріархъ и весь освященный соборъ... Господа Бога хвалимъ и челомъ бьемъ"... Но такое рѣшеніе „безъ полномочія отъ Московскаго государства и полады всего освященнаго собора и бояръ думныхъ постановить и утвердить нельзя" [1]). Грамотой короля и отвѣтомъ на нее королю кончились, пока, на время, переговоры относительно избранія Владислава. Такова фактическая сторона дѣла [2]). Мы видѣли, что митрополитъ Филаретъ принялъ въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ дѣятельное участіе. Цѣль переговоровъ—избраніе на престолъ Московскій королевича Владислава. Но въ Москвѣ въ это время былъ еще царемъ Шуйскій, котораго Церковь всѣми мѣрами старалась поддержать на

---

[1]) Бутурлинъ. Ист. смутн. вр. III, прим. 7-е; Смирновъ, цит. соч. стр. 355.

[2]) Р. И. Б. I, стр. 524—533.

престолѣ. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ же смотрѣть въ такомъ случаѣ на дѣятельность Филарета, идущую въ переговорахъ съ Сигизмундомъ въ разрѣзъ съ дѣятельностью Церкви, до послѣдняго момента поддерживавшей Шуйскаго. Филаретъ какъ бы является противникомъ его. Филаретъ могъ предвидѣть исходъ событій—паденіе Шуйскаго. По словамъ Платонова, „между Шуйскимъ и Романовскимъ родомъ отсутствовали солидарность и согласіе и Филарета нельзя заподозрить въ томъ, чтобы онъ когда нибудь желалъ поддержать власть именно Шуйскаго. Во время переговоровъ съ Сигизмундомъ, послѣ бѣгства вора изъ Тушина, Филаретъ обнаружилъ полное отчужденіе отъ вора и рѣшилъ склониться на сторону Владислава, вступивъ вмѣстѣ съ прочими тушинцами въ особые переговоры съ королемъ. Если только можно характеризовать поведеніе Филарета, оно скорѣе всего заслуживаетъ названіе оппортунизма и политики результатовъ. Нареченный патріархъ не связывалъ себя ни съ какою стороною борцовъ и дѣйствительно не склонялся ни на десно, ни на лѣво, хотя далеко не всегда держался прямо“ [1]). Кромѣ Платонова, вопросъ о положеніи Филарета въ переговорахъ съ Сигизмундомъ до низверженія Шуйскаго затрагиваетъ еще Смирновъ Въ упомянутомъ нами изслѣдованіи о Филаретѣ Никитичѣ онъ говоритъ: „Нельзя отрицать участія Филарета во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ лица, занимавшаго первое мѣсто, по крайней мѣрѣ, формально, въ ряду всѣхъ москвитянъ, бывшихъ въ лагерѣ; но нельзя не замѣтить и той осмотрительности и осторожности, съ какою онъ велъ дѣло. Самовольный поступокъ пословъ, требовавшихъ немедленныхъ переговоровъ о Владиславѣ, онъ ослабилъ своею грамотою къ Сигизмунду, въ которой

[1]). Очерки по ист. см., стр. 418—419.

признавалъ высшую надъ собою власть — общій голосъ народа въ дѣлѣ избранія новаго царя. Онъ никакъ не хотѣлъ даже и въ званіи патріарха Московскаго и всея Россіи, безъ совѣта и полномочія отъ всего Московскаго государства и всего освященнаго собора, брать на себя лично великую отвѣтственность. Нужно думать, что его слово и совѣтъ, всегда осмотрительные, въ толпѣ бояръ, бывшихъ въ лагерѣ, не всегда были выслушиваемы, и тѣмъ менѣе принимаемы во вниманіе. Формально предъ лицемъ Сигизмунда и польскихъ сенаторовъ, бояре выставляли Филарета Никитича на видъ какъ патріарха, какъ руководителя дѣломъ, но въ лагерѣ всѣ были равны, или, по крайней мѣрѣ, хотѣли казаться равными; всякій могъ не уважать голоса и правъ другого, хотя бы и высшаго“ [1]). Вотъ два мнѣнія нашей исторической литературы по поставленному нами вопросу. Для современниковъ переговоры съ Сигизмундомъ еще при Шуйскомъ казались преступленіемъ противъ Бога и православной вѣры. Лѣтописецъ о мятежахъ, констатируя этотъ фактъ, говоритъ о лицахъ, посланныхъ къ королю, что они „не помня Бога и православныя христіанскія вѣры, пойдоша въ Смоленскъ и биша челомъ королю о сынѣ его Владиславѣ“ [2]). „Въ Новомъ лѣтописцѣ“ также считается это непокореніемъ къ Шуйскому, преступленіемъ противъ вѣры крестнаго цѣлованія царю [3]). Но участіе въ этомъ дѣлѣ Филарета умолчено. Изъ дальнѣйшей дѣятельности Филарета, въ посольствѣ его подъ Смоленскъ, мы видимъ въ немъ прежде всего непоколебимаго защитника православной вѣры Филаретъ понималъ ненормальность пребыванія Шуйскаго

---

[1]) Смирновъ. Цит. соч., стр. 356.

[2]) Лѣтоп. о мят., стр. 171.

[3]) Нов. лѣтоп. Времен. XVII. III.

на престолѣ и могъ явиться не столько противникомъ его пребыванія на престолѣ, сколько поборникомъ прекращенія бѣдствій государства, чего не могъ сдѣлать Шуйскій [1]).

5-го марта 1610 года поляки разошлись изъ подъ Тушина, зажегши лагерь. Одинъ отрядъ взялъ съ собою митрополита Филарета и повелъ его „съ великою крѣпостію“ [2]). Въ это время Скопинымъ высланъ былъ противъ нихъ отрядъ подъ предводительствомъ Валуева, который и отбилъ Филарета у поляковъ [3]). Отсюда онъ возвратился въ Москву 14 марта. „Царь же Василій радъ прихожденію его, говоритъ по этому поводу рукопись Филарета [4]) и всѣмъ повелѣвая по прежнему житію пребывати безъ опасенія“. Платоновъ, смотря на митрополита Филарета, какъ на представителя рода Романовыхъ, враждебныхъ Шуйскому, придаетъ пріѣзду Филарета въ Москву важное значеніе для Шуйскаго. „Въ лицѣ Филарета, говоритъ онъ, въ Москву явился вліятельный и умный врагъ Шуйскихъ, уже признавшій въ Тушинѣ власть Владислава и располагавшій въ Москвѣ цѣлымъ кругомъ родни и кліентовъ“. Впослѣдствіи бояре говорили о Филаретѣ, что „онъ былъ тогда въ Москвѣ самою большею властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники (были) бояре большіе же“.... „Съ пріѣздомъ Филарета получила руководителя враждебная княжатамъ и Шуйскому сторона некняжескаго боярства.... Съ кончиною Скопина и пріѣздомъ Филарета въ Москву, Шуйскій

[1]) Указанный нами вопросъ ставится, какъ мы видѣли, Платоновымъ и Смирновымъ. Кромѣ нихъ, мы не находимъ его у другихъ историковъ граждан., равно какъ и у знаменитаго историка нашей церкви Макарія.

[2]) Лѣтоп. о мят., стр. 169—170.

[3]) Тамъ же; Р. И. Б. I, 184, 191, 592, здѣсь сказано про Филарета, что „его кажется ранили“.

[4]) См. Мух., 289.

проигрывалъ: уменьшились его шансы на поддержку тѣхъ общественныхъ силъ, которыя шли за Скопинымъ и увеличивались сили враждебной ему боярской стороны“ [1]). Если Филаретъ и соглашался на кандидатуру Владислава, то выдвигалъ на первый планъ ненарушимость православія и здѣсь онъ, повторяемъ, дѣйствовалъ понимая и видя, что Шуйскій неспособенъ успокоить государство. Признавая Филарета враждебнымъ Шуйскому, Платоновъ высказывается и за то, что Филаретъ способствовалъ низверженію Шуйскаго, находясь уже въ Москвѣ. „Во время возмущенія противъ Шуйскаго, Филаретъ Никитичъ, по мнѣнію Платонова, умѣлъ вести закрытую игру и держался въ сторонѣ отъ площадной суеты, сохранялъ видъ спокойнаго наблюдателя имъ самимъ вызванныхъ событій“ [2]). Явившись въ Москву, Филаретъ могъ видѣть, какъ защищалъ Шуйскаго патріархъ Гермогенъ. Прямыхъ историческихъ данныхъ, подтверждающихъ враждебное отношеніе Филарета къ Шуйскому при низверженіи послѣдняго, нѣтъ. Напротивъ, есть данныя, говорящія о намѣреніи Филарета поддержать Шуйскаго при попыткахъ толпы свергнуть послѣдняго съ престола. Филаретъ въ это время выѣзжалъ на Лобное мѣсто и говорилъ: „Не прельщайтеся злымъ прелестнымъ королевскимъ листомъ, никако то истина быти не можетъ, то мнѣ самому подлинно вѣдомо, что королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ, хотя Московскимъ государствомъ съ сыномъ къ Польшѣ и къ Литвѣ завладѣти, и нашу истинную непорочную христіанскую вѣру разорити, а свою латинскую вѣру во всемъ Московскомъ государствѣ утвердити“. „Московскаго жъ государства бояре и

[1]) Очерки по исторіи смуты, стр. 440—441.

[2]) Очерки по ист. см., стр. 447.

воеводы, и дворяне, и всякихъ чиновъ люди не послушали преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, укрѣпленія“ [1]). Конечно, соглашеніе его на кандидатуру Владислава говоритъ, что Филаретъ былъ противъ Шуйскаго. Но мотивомъ на это было скорѣе желаніе успокоенія государства, чѣмъ вражда лица, облеченнаго при томъ въ санъ митрополита. Мы остановились на данномъ вопросѣ потому, что фактъ враждебнаго отношенія Филарета къ Шуйскому, какъ царю, является противорѣчіемъ отношеніямъ къ нему Гермогена и, такимъ образомъ, набрасываетъ тѣнь на Филарета, какъ на церковнаго іерарха, принимающаго участіе въ боярскихъ смутахъ предъ сверженіемъ Шуйскаго. Если бы это и было вѣрно исторически, то имъ не подрывался бы фактъ, что церковь стояла въ сторонѣ отъ политическихъ смутъ и партійной борьбы данной эпохи. За это говоритъ своею дѣятельностью въ пользу Шуйскаго патріархъ Гермогенъ, особенно настойчиво поддерживавшій его при сверженіи.

Первая попытка къ сверженію Шуйскаго со стороны враждебной ему партіи была 25 февраля 1609 года въ сырную субботу [2]). Мятежники вошли толпою въ Кремль и стали говорить боярамъ, „чтобы царя Василія перемѣнити“ [3]). Бояре отказали имъ въ этомъ. Тогда они пошли къ патріарху, взяли его изъ соборной церкви и повели его на лобное мѣсто, „и ведуще ругахуся ему всячески, біяще созади, иніи песокъ и соръ и смрадъ въ лицо и на

[1]) С. г. гр. и д. I, № 163, стр. 607.

[2]) Что именно въ это число была попытка къ сверженію Шуйскаго, это доказываетъ Платоновъ въ „Очеркахъ по исторіи смуты“ (Стр. 624 прим. 172). У нашихъ историковъ ошибочно повторяется дата 17 февраля (Макар. Ист. Рус. Церк. X. 14[2]; Соловьевъ, VIII. 265; Костомаровъ II. 262; Иловайскій, цит. соч. 126).

[3]) Лѣтоп. о мят., стр, 150.

главу ему метуще; а иніи за перси емлюще, трясаху злѣ его“ [1]). Съ патріархомъ явился на площадь Діонисій,— архимандритъ Старицкій—впослѣдствіе Троицкій, знаменитый составитель грамотъ. „Онъ вмѣстѣ съ нимъ перенесъ и побои и поруганія и пи мало въ таковыхъ бѣдахъ не отступи отъ патріарха, но умолялъ народъ отъ Божественныхъ книгъ, оставить безчинства“ [2]). Патріархъ „аки крѣпкій адамантъ, ихъ укрѣпляше и заклинаше, не велѣ на такую діавольскую прелесть прельститися“ [3]). Онъ говорилъ имъ: „Ни чада, не начинайте такого беззаконія; писано бо есть: да повинуются раби господемъ своимъ и точію благимъ, но и строптивымъ; сей же царь нашъ благъ и кротокъ и милостивъ; и никто же не можетъ собою чести получити, аще Богъ не возвыситъ, яко жъ глаголетъ апостолъ: никто же пріемлетъ честь токмо званный отъ Бога. А еже вы глаголете, яко его ради несчастія все зло чинится, и сіе зло не его ради творится, но вашего ради народнаго нестроенія и междуусобія и аще между вами не будетъ междуусобныя вражды, тогда и Богъ поможетъ намъ и вся благая подастъ намъ, аже ли-жъ не послушаете мене и не престанете отъ начинанія своего, азъ чистъ отъ сего, но вы узрите, и клятву за сіе отъ насъ имате носити“ [4]). Не смотря на увѣщанія патріарха, который удалился, толпа мятежниковъ съ криками двинулась къ палатамъ царя. Шуйскій неустрашимо вышелъ къ нимъ и говорилъ, что если они пришли убить его, онъ готовъ на смерть, если же свергнуть съ престола, то таковое дѣло можетъ быть учинено только по об-

---

[1]) „Житіе преп. Діонисія“, стр. II, заимств. у Платонова „Очерки“, 436.

[2]) Скворцовъ. Преп. Діонисій Зобниновскій, стр. 58.

[3]) Лѣтоп. о мят., стр. 150.

[4]) Пов. лѣтоп., Времен. XVII, стр. 101.

щему совѣту „большихъ бояръ и всѣхъ чиновъ людей“ [1]). Мятежники были парализованы такимъ отвѣтомъ царя и тотчасъ же изъ нихъ „человѣкъ 300“ [2]) уѣхали въ Тушино къ Вору. Патріархъ Гермогенъ, въ виду этого мятежа и отъѣзда многихъ лицъ въ Тушино, обратился къ нимъ съ воззваніемъ [3]). „Азъ смиренный Гермогенъ, такъ говоритъ онъ послѣ обычнаго приступа, воспоминаю вамъ прежде бывшимъ господіемъ и братіемъ и всему священническому и иноческому чину [4]), и бояромъ, и окольничимъ, и дворяномъ..., бывшимъ православнымъ христіаномъ всякого чина и возраста же и сана, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивно обрѣтеся, не вѣдаемъ какъ васъ и называти,—оставивши бо свѣтъ во тьму отойдосте, отступивше отъ Бога къ сатанѣ приленистеся, возненавидѣвше правду, лжу возлюбисте, отпадши отъ соборныя и апостольскія церкви, Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, крестьянскія непогрѣшимыя надежи, и великихъ чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и прочихъ святыхъ просіявшихъ въ Россіи, и чуждившихся православныхъ догматъ я святыхъ вселенскихъ седми соборовъ, и новосхотѣвшимъ святительскихъ настольникъ и нашего смиренія благословенія, и отступившихъ отъ Богомъ вѣнчаннаго и святымъ елеомъ мазаннаго и ото всего мира и отъ васъ самѣхъ избраннаго царя и великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, туне или незнаючи, яко Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ и ему же хощетъ

---

[1]) Изб. П., стр. 198.

[2]) Нов. лѣтоп., Времен. XVII, 102; Лѣтоп. о мят., стр. 151.

[3]) А. Э. II, № 169, стр. 286—291.

[4]) Эти слова патріарха даютъ основаніе думать, что изъ духовенства въ это время нашлись такіе, которые были на сторонѣ Тушинскаго орав. но это были лица только священническаго и иноческаго чина изъ низшаго духовенства.

и даетъ; вы же забывъ обѣщанія православныя — крестьянскій нашея вѣры, въ немъ же родихомся, въ немъ же крестихомся и воспитахомся и возрастохомъ, и бывши во свободѣ и волею иноязычнымъ поработившимся, преступивши крестное цѣлованіе и клятву, еже стояти было за домъ Пречистыя Богородицы и за Московское государство до крови и до смерти, сего не воспомянувше и преступившие клятву ко врагомъ креста Христова и къ ложномнимому вашему отъ полякъ именуемому царику пристали“ [1]). Такъ патріархъ приравниваетъ измѣну царю отпаденію отъ православной вѣры и церкви. Здѣсь видно стремленіе поставить на высоту царскую власть Шуйскаго, что проходило красной нитью чрезъ всю дѣятельность Гермогена по отношенію къ Шуйскому, какъ къ царю. „И что, продолжаетъ Гермогенъ, много глаголю? Не достаетъ ли слово, болѣзнуетъ ли душа, болѣзнуетъ сердце и вся внутренняя утерзается и вся состави мои содрагаютъ и плачуся, глаголю и рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте братія и чада единородныя, своя душа и своя родителя отошедшая и живыя, отецъ своихъ и матерей, и жены своя и чада, и сродники, други, возникните и вразумѣйте и возвратитеся! Видите бо отечество свое чуждими расхищаемо и разоряемо, и святыя иконы и церкви обругаемы, и неповинныхъ кровь проливаема, еже вопіетъ къ Богу, яко праведнаго Авеля, прося отмщенія; вспомните на кого воздвизаете оружіе и не на Бога ли сотворившаго насъ, не жребія ли Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ? не на своихъ ли единоплеменныхъ братію? не свое ли отечество разоряете, ему же инoплеменныхъ многія орды чудишася, нынѣ же вами обругае-

[1]) А. Э. II, стр. 286, № 169.

мо и попираемо?“ [1]). Здѣсь Гермогенъ съ отечески-пастырскою любовью увѣщеваетъ измѣнниковъ подумать, на что они собственно возстали,—на свое отечество, расхищаемое и раздираемое. Желая пробудить въ нихъ чувство любви къ родной землѣ, онъ говоритъ, что они возстали на жребій Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ, т. е. на Москву, сердце Руси православной. Идея отечества, какъ единаго цѣлаго по вѣрѣ всѣхъ, развитая въ позднѣйшихъ грамотахъ Гермогена и Троицкихъ иноковъ, появляется уже здѣсь. Сравнивъ преступленіе отъѣхавшихъ въ Тушино съ примѣромъ іудейской исторіи, патріархъ призываетъ ихъ „отстати отъ таковаго начинанія“. „Мы, по благодати Св. Духа, данной намъ, обращающихся и кающихся воспріймемъ и спросимъ о томъ же у государя, который милостивъ и незлопамятливъ, и проститъ вину“. Въ другой своей грамотѣ, проводя тѣ же мысли, патріархъ говорилъ: „сіе же слово не ко всѣмъ пишемъ, но къ тѣмъ, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ царю государю и великому князю Василію Ивановичу всея Русіи, и всей землѣ, и своимъ родителямъ, и женамъ своимъ, и дѣтемъ, и всѣмъ своимъ ближнимъ, паче же и Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіи, не своею волею, но нужею, и на христіянской законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на таковыхъ мы не порицаемъ“.... Пострадавшій въ плѣну удостоится чести мученической. Призывая обратиться къ исправленію вины, Гермогенъ вспоминаетъ о попыткѣ къ сверженію Шуйскаго въ сырную недѣлю. При этомъ до-

[1]) А. Э. II, стр. 287, столб. 2.

казываетъ, съ своей стороны, величіе царской власти, съ другой—законность избранія Шуйскаго на престолъ Москвою, которой доселѣ не указывалъ ни одинъ городъ, а указывала она имъ. Поэтому, сведеніе Шуйскаго съ престола есть беззаконіе, ведущее къ гибели государства. Заканчивая грамоту, Гермогенъ напоминаетъ, что предки отъѣхавшихъ не только не допускали враговъ къ Москвѣ, но сами какъ орлы, „вся покоряху“ московскому царю и увѣщеваетъ подражать имъ, не отметаться отъ вѣры, въ которой они крестились, и возвратиться къ царю. Таково содержаніе этихъ грамотъ—памятниковъ дѣятельности патріарха Гермогена, направленной на спасеніе погибавшаго отечества и на поддержку законнаго царя. Проникнутыя отъ начала до конца горячею пастырскою любовью къ бѣдствующему отечеству, они, можно сказать, вылились прямо отъ сердца Гермогена, глубоко болѣвшаго за все происшедшее... „Сильно и убѣдительно въ нихъ слово архипастыря, говоритъ одинъ изслѣдователь о патріархѣ Гермогенѣ, говорящаго отъ сердца и къ сердцу, трогательны чувствованія его, которыя высказываетъ онъ здѣсь, пораженный скорбію о бѣдствіяхъ отчизны, хочетъ изобразить всю бездну зла, въ которую отклонились отставшіе отъ Шуйскаго“ [1]).

Не смотря на этотъ голосъ церкви, раздававшійся въ этихъ воззваніяхъ, противъ Шуйскаго продолжались вестись заговоры, имѣвшіе цѣлью даже убить его, что было во время голода въ Москвѣ [2]). Церковь, какъ мы видѣли, явилась и здѣсь на помощь, открывъ житницы Троицкой обители. Наконецъ, 17-го іюня 1610 года послѣдова-

---

[1]) Странникъ. 1864 г., II, 121.

[2]) А. И. II, № 212.

ло низверженіе Шуйскаго и постриженіе его въ иноки. Къ этому времени бѣдственное состояніе Россіи достигло крайнихъ предѣловъ, что сказалось въ кандидатурѣ на Московскій престолъ польскаго королевича Владислава при находившемся на престолѣ Шуйскомъ. Успѣшно борясь съ царскими войсками и покоряя одинъ городъ за другимъ [1]), Тушинскій воръ 11 іюня 1610 года сталъ своимъ отрядомъ подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ [2]). Москва встревожилась. Ей памятно было ея положеніе, когда подъ тѣмъ же знаменемъ полчище стояло въ Тушинѣ [3]). Кромѣ вора, на югѣ былъ Сигизмундъ. Чтобы избавиться отъ вора, враждебные Шуйскому Ляпуновы рѣшили свести его съ престола, войдя въ соглашеніе съ русскими, служившими вору, которые и требовали сверженія Шуйскаго, обѣщая связать вора и привесть въ Москву [4]). 17-го іюня 1610 года толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ подняла народное движеніе. Около Лобнаго мѣста собралось множество народа,— отсюда всѣ двинулись за Серпуховскіе ворота; всѣ кричали о сведеніи Шуйскаго съ престола. Патріархъ Гермогенъ былъ взятъ насильно и приведенъ сюда [5]). Со слезами на глазахъ, онъ умолялъ ихъ оставить „таковыя начинанія“, угрожая большими бѣдствіями, какъ наказаніемъ Божіимъ за сведеніе законнаго царя. Среди бояръ нашлись многіе, которые стояли съ патріархомъ за царя Василія, но, видя безуспѣшность этого, присоединились къ общему движе-

---

[1]) Лѣтоп. о мят., 184—185; Нов. лѣт. 115—118.

[2]) Иное Сказаніе Врем. XVII, II.

[3]) Костомаровъ, цит. соч. II, 404.

[4]) Лѣтоп. о мят., стр. 186; Нов. лѣт., 119.

[5]) Лѣтоп. о мят., стр. 186; Нов. лѣт., 119.

нію „и все единогласно возопиша, да сведенъ будетъ съ царства царь Василій“ [1]). Патріархъ удалился со слезами [2]). Послѣ этого явились къ Шуйскому князь Воротынскій съ Ляпуновымъ и „иными заводчики“ [3]) и объявили ему о рѣшеніи всѣхъ. Шуйскій удалился въ свой старый домъ. Когда приверженцы вора нагло обманули москвичей въ своемъ обѣщаніи привесть его въ Москву, патріархъ Гермогенъ сталъ молить весь народъ, чтобы снова возвести Шуйскаго на престолъ [4]). Но такого предложенія патріарха никто не послушалъ. 19-го іюля, два дня спустя по низверженіи съ престола, Шуйскій былъ насильно постриженъ и отправленъ въ Чудовъ монастырь. Обѣты за него произносилъ князь Василій Тюфякинъ [5]). Патріархъ Гермогенъ весьма скорбѣлъ объ этомъ и не призналъ этого постриженія законнымъ. Онъ считалъ и называлъ Шуйскаго царемъ съ мірскимъ именемъ, а Тюфякина проклиналъ и называлъ его инокомъ [6]). Когда, впослѣдствіи, при взятіи поляками Москвы, началось народное волненіе, виновникомъ котораго признавали Шуйскаго, бояре хотѣли перебить весь родъ ихъ, но Гермогенъ предлагалъ сослать его въ Соловки. Онъ надѣялся снова возстановить его на престолѣ, но Шуйскій былъ сосланъ въ Іосифовъ монастырь [7]).

Мы видѣли, что патріархъ Гермогенъ все время поддерживалъ Шуйскаго, какъ законнаго царя, и даже, мож-

---

[1]) Нов. лѣтоп., 120.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Палицынъ. Сказаніе, 234—235.

[5]) Лѣт. о мят., 183; Пов. лѣт., 120. У Палицына (Сказ. 235) вмѣсто Тюфякина стоитъ Василій Туренинъ.

[6]) Лѣтоп. о мят., стр. 188.

[7]) Лѣтоп. о мят., стр. 196.

но сказать, былъ въ Москвѣ одинокимъ отъ лица церкви непоколебимымъ защитникомъ его. Это является характерною чертою въ положеніи церкви при Шуйскомъ, хотя, какъ мы видѣли, были изъ духовенства лица, измѣнившія Шуйскому [1]).

---

[1]) А. Э. II, № 169. Не смотря на такую яркую очевидность стоянія Гермогена за Шуйскаго, мы находимъ свидѣтельства, что онъ и весь освященный соборъ просили Шуйскаго оставить престолъ (А. З. Р., т. IV, № 183. ДХСІ.) Такое свидѣтельство, исходившее отъ Сигизмунда, можно считать не только невѣроятнымъ, но умышленной клеветой на личность того, кто, защищая Шуйскаго, подвергался не разъ оскорбленіямъ.

ЧАСТЬ II-я.

Церковь въ періодъ междуцаретвія съ низверженія съ престола Шуйскаго до воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова (1610—1613 г.)

Общая характеристика разсматриваемаго періода.

Эпоха междуцарствія, наступившая съ низверженіемъ съ престола Шуйскаго, выдвинула на первый планъ представителей церкви и особенно патріарха Гермогена, какъ главу церкви. Государство какъ-бы перестало существовать, потому что не было царя, въ лицѣ котораго народъ сознавалъ себя единымъ цѣлымъ. Сознаніе государственнаго единства подъ напоромъ расходившихся политическихъ страстей, несдерживаемыхъ единою сильною властью, исчезло, государственный организмъ не имѣлъ основного начала-объединенія отдѣльныхъ личностей во имя общей полической цѣлостности. Эгоизмъ отдѣльныхъ частей государственнаго организма разложилъ его. Очевидно, нужно было пробудить въ народѣ сознаніе иного объединяющаго начала, предъ которымъ эгоизмъ личности погасъ-бы, какъ разлагающее начало. Такое объединяющее начало, предъ которымъ эгоизмъ личности уступаетъ и даже охотно покоряется обществу, заключается, какъ извѣстно, въ церкви—свободномъ единствѣ всѣхъ по вѣрѣ и вытекающей отсюда любви другъ ко другу, какъ брату во Христѣ. Это начало—основной законъ

жизни церкви—и было пробуждено въ народѣ представителями церкви и сплотило его въ единую силу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ здѣсь патріархъ Гермогенъ. Когда государство осталось безъ царя взоры всѣхъ обратились на него и патріарха называли „начальнымъ человѣкомъ“ въ государствѣ. Онъ всецѣло оправдываетъ своей дѣятельностью возлагаемыя на него надежды. Онъ обращается постоянно со словомъ увѣщанія стоять за православную вѣру и отечество, пишетъ грамоты и посланія, призывая всѣхъ стоять за спасеніе родной земли. Враги государства, прекрасно понявъ роль патріарха, заключили его въ темницу, гдѣ онъ умеръ съ голода. Смертъ святителя Гермогена была заключительной жертвой на спасеніе отечества. Его высокій примѣръ побуждалъ и все остальное духовенство подражать ему. Троицкіе иноки были прямыми его продолжателями въ начатомъ имъ дѣлѣ подъема народа подъ знаменемъ вѣры православной на спасеніе отечества. Рознь и вражда всѣхъ уступили мѣсто единенію во имя вѣры Христовой —вотъ внутренній смыслъ событій, завершихся единодушнымъ избраніемъ на престолъ М. Ѳ. Романова.

ГЛАВА IV-я.

Церковь спасаетъ православіе въ кандидатурѣ на престолъ королевича Владислава и поднимаетъ городовое ополченіе, организованное Ляпуновымъ.

Послѣ низверженія съ престола Шуйскаго во главѣ Московскаго государства стала боярская дума. О всемъ случившемся за послѣдніе дни въ Москвѣ, именно о сведеніи съ престола Шуйскаго и о причинахъ, вызвавшихъ это, тотчасъ-же были разосланы грамоты отъ имени бояръ, окольничьихъ, приказныхъ людей и т. д. [1]). Грамоты эти вовсе не упоминали о кандидатурѣ на престолъ польскаго королевича Владислава, а призывали всѣхъ „быти въ соединеніи, чтобы православная крестьянская вѣра не разорилась отъ вѣры латинской, на Московское государство выбрать государя всей землею, кого Богъ дастъ". Призывъ избрать государя всею землею, а не Владислава, о которомъ вовсе не упоминалось, показывалъ, что грамоты эти были отъ той партіи, которая хотѣла видѣть на престолѣ кого-либо изъ своихъ русскихъ людей.

Этой стороны, говоритъ Соловьевъ, держался патріархъ и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его-то вліяніемъ преимущественно писаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двоихъ кандидатовъ на престолъ—князя Василія Василь-

[1]) Пр. 1-е С. г. г. и д. II. 197.

евича Голицына и 14-лѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына Филарета Никитича Романова. Но эта сторона по обстоятельствамъ времени скоро должна была уступить другой [1]). Какъ мы видѣли, тушинцы жестоко насмѣялись надъ Москвичами. Москва такимъ образомъ была окружена двумя врагами – Поляками, которые подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго приближались къ Москвѣ, требуя признанія царемъ Владислава,—и Тушинцами, стоявшими лагеремъ въ Коломнѣ. Выходъ изъ такого критическаго положенія былъ въ избраніи королевича Владислава на Московскій престолъ боярами и всѣми Московскими людьми [2]). Партія Голицына и М. Ѳ. Романова такимъ образомъ должна была уступить. Когда объ этомъ избраніи доложили патріарху, онъ сильно противился, напоминая о томъ злѣ, какое причиняли Поляки, приходившіе въ Москву еще съ 1-мъ самозванцемъ. „А нынѣ, говорилъ Гермогенъ, чего еще чаете, токмо конечнаго разоренія царству и христіанству и вѣрѣ? или невозможно вамъ избрати на царство изъ князей русскихъ?“ [3]). Онъ предложилъ или Голицына или М. Ѳ. Романова. „Такъ Гермогенъ безсмертный, говоритъ Карамзинъ по поводу этого указанія, предвозвѣстилъ Россіи волю небесъ“ [4]). Не смотря на это, бояре настояли на своемъ. Тогда патріархъ выступилъ ревностнымъ защитникотъ православной вѣры. Въ вопросѣ о Владиславѣ сердце его долго не могло помириться съ мыслью о государѣ иноземномъ и иновѣрномъ [5]). Онъ говорилъ боярамъ: „если Владиславъ будетъ креститься въ православную вѣру, то я васъ благосло-

[1]) Сол. ист. р. VIII, 339.

[2]) Лѣтопись о мятеж., 189.

[3]) Карамзинъ, XII, Прим. 582.

[4]) Тамъ-же, стр. 235.

[5]) Странникъ, 1864 г. II, стр. 133.

вляю, а если не будетъ креститься, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной вѣры и да не будетъ на васъ наше благословеніе“ [1]) Боярами былъ заключенъ договоръ съ Жолкѣвскимъ. Въ немъ въ общемъ повторены были тѣ условія, какія принимались Тушинскими послами предъ Сигизмундомъ [2]). Главное требованіе этого договора—ненарушимость православной вѣры съ обязательнымъ переходомъ въ нее Владислава и съ вѣнчаніемъ отъ патріарха по древнему чину царей русскихъ, при точныхъ границахъ власти будущаго монарха, въ обоихъ договорахъ, т. е. Тушинскихъ пословъ и настоящемъ, исходило, по словамъ Платонова, изъ національно-охранительной тенденціи. Ограниченія эти диктовала не политическая теорія, а національное чувство [3]). Въ виду этого мы находимъ въ договорѣ такое требованіе: „не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ; ни склонять никого въ Римскую, ни въ другія вѣры, чтобы святая православная вѣра имѣла свою красоту и цѣлость по прежнему; жидамъ ни въѣзжать въ Москву для торговли“. Земская и боярская дума стоитъ рядомъ съ государемъ въ новыхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ и въ дѣлѣ гражданскаго правосудія. Заключенный договоръ былъ отправленъ къ патріарху на благословеніе. Въ это-же время явились къ нему бояре, подавшіе мысль первыми объ избраніи Владислава,—Салтыковъ, Мосальскій и др. Благословивъ ихъ, патріархъ сказалъ: „буде вы пришли въ соборную и апостольскую церковь съ правдою, а не съ лестію, и буде въ вашемъ

[1]) Лѣтоп. о мят., стр. 189.

[2]) Договоръ этотъ помѣщенъ въ С. г. г. и д. II, 189.

[3]) Платоновъ, очерки по ист. смут. врем., стр. 463.

умыслѣ не будетъ нарушенія православной христіанской вѣры, то буди на васъ благословеніе отъ всего великаго собора, и мое грѣшное благословеніе, а буде вы пришли съ лестію и нарушеніе будетъ въ вашемъ умыслѣ православной христіанской вѣры, то не буди на васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы, и будьте прокляты отъ всего вселенскаго собора". Салтыковъ со слезами сталъ увѣрять, что Владиславъ будетъ „прямой истинный православный государь и вѣрѣ православной не будетъ нарушенія". Когда-же къ святителю Гермогену подошелъ за благословеніемъ Молчановъ, убійца Ѳеодора Борисовича Годунова и бывшій нѣкоторое время въ роли 2-го самозванца, онъ воскликнулъ: „окаянный еретикъ! не подобаетъ быти тебѣ въ соборной церкви",—и велѣлъ удалить Молчанова [1]). Послѣ этого на Дѣвичьемъ полѣ двумя епископами въ теченіе нѣсколькихъ дней народъ приводился къ присягѣ новоизбранному государю. По городамъ были разосланы грамоты. Въ нихъ извѣщали народъ, что бояре, по совѣту съ патріархомъ и освященнымъ соборомъ, цѣловали крестъ королевичу Владиславу на томъ, что быть ему Московскимъ государемъ въ православной христіанской вѣрѣ греческаго закона [2]). Вездѣ присягалъ, говоритъ Костомаровъ, обманутый такимъ образомъ народъ, и присягалъ въ увѣренности, что Владиславъ приметъ православную вѣру. Присягать на вѣрность царю католическаго вѣроисповѣданія никто не былъ расположенъ на Руси, кромѣ такихъ, для которыхъ важнѣе всего были ихъ личныя выгоды. Но какъ ни много было тогда склонныхъ ко всякаго рода обманамъ, вынуждаемыхъ страхомъ или личными выгодами, вѣра и для нихъ была та-

[1]) Лѣтоп. о мятеж., стр. 190—191.

[2]) С. г. г. и д. II, 202.

кая святыня, за которую и они преображались въ доблестныхъ героевъ [1]).

Для переговоровъ съ королемъ Сигизмундомъ о состоявшемся въ Москвѣ рѣшеніи избрать сына его царемъ, въ Смоленскъ было снаряжено посольство. Въ составъ его вошли: отъ духовенства—митрополитъ Ростовскій Филаретъ, Новоспасскій архимандритъ Евѳимій, келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій, Угрѣшскій игуменъ Іона, Вознесенскій протопопъ Кириллъ и свита при митрополитѣ [2]), отъ бояръ князь Василій Голицынъ, отъ окольничьихъ Мезецкій и т. д. Выборъ въ число пословъ митрополита Филарета имѣлъ, по мнѣнію Костомарова, своей причиной опасеніе Жолкѣвскаго, чтобы Филаретъ Никитичъ, какъ отецъ М. Ѳ. Романова, претендента на престолъ, не могъ противодѣйствовать избранію Владислава. Жолкѣвскому, говоритъ Костомаровъ, хотѣлось удалить изъ Москвы этого опаснаго человѣка и имѣть въ своихъ рукахъ. Гетманъ слышалъ какъ тогда-же поговаривали, не выбрать-ли въ цари Филаретова сына, Михаила [3]). Въ руководство посламъ былъ данъ особый наказъ [4]). Въ немъ послѣ наставленія о томъ, что долженъ говорить каждый посолъ, идутъ статьи договора съ королемъ. Согласно имъ, отпущенный на Московское государство Владиславъ долженъ быть крещенъ еще въ Смоленскѣ, въ Москву придти уже православнымъ и жениться на дѣвицѣ греческаго закона. Находясь на Московскомъ престолѣ, Владиславъ не долженъ отъ папы Римскаго ихъ закону о вѣрѣ про-

[1]) Костомаровъ, Смут. врем. т. III, стр. 27—28.

[2]) Ркп. Филарета въ сборникѣ Муханова, стр. 297.

[3]) Костомаровъ, См. вр. III, 37. Такое-же мнѣніе высказываетъ А. Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи о Филаретѣ Никитичѣ. Чтеніе въ О-вѣ люб. дух. просвѣщ. 1873 г., VI, стр. 784, Примѣч. 128.

[4]) С. г. г. и д. II, 201.

сить, благословенія не принимать и вообще съ папой не сноситься (Статья 2-я). Если какихъ ради либо выгодъ кто захочетъ отступить отъ греческой вѣры къ римской, король долженъ разрѣшить смертную казнь такимъ вѣроотступникамъ (Ст. 3-я). Ревностно оберегая такимъ образомъ православіе, наказъ требовалъ далѣе, чтобы Сигизмундъ, очистивъ отъ поляковъ занятые ими города, также очистилъ ихъ и отъ мятежниковъ Тушинскаго вора, вышелъ изъ Смоленска со своимъ войскомъ, не причиняя никакого вреда городу (Ст. 10). Патріархъ Гермогенъ вручилъ митрополиту Филарету „особое писаніе, избравъ отъ правилъ св. апостолъ, св. отецъ на укрѣпленіе противъ еретиковъ различныхъ многихъ еретическихъ вѣръ отвѣтъ, чесо ради крестити ихъ“[1]). Кромѣ того, патріархъ самому митрополиту поручилъ дополнить данныя правила собственными изысканіями, чтобы съ помощью ихъ доказать Владиславу необходимость крещенія и еретичество исповѣдуемаго имъ католицизма, что Филаретъ и исполнилъ [2]). Гермогенъ со слезами увѣщевалъ Филарета и пословъ словами Св. писанія—за вѣру крѣпко стоять и непоколебимо даже до смерти и не щадить живота своего. Митрополитъ также со слезами говорилъ на это: „сіе твое наказаніе, о, честнѣйшій господинѣ святителю, съ радостію въ сердцѣ своемъ пріемлемъ и готови есми за домъ Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, до смерти пострадати и за вѣру крѣпко и непоколебимо стояти“ [3]). Отъ лица всего православнаго крестьянства были посланы Сигизмунду и Владиславу грамоты, въ которыхъ просили—перваго отпустить своего сына въ православную

[1]) Мак. ист. р. ц., X, ст. 149 и пр. 104.

[2]) Смирновъ, цит. соч., ст. 484.

[3]) Ркп. Фил., ст. 298.

греческую вѣру, а второго принять крещеніе въ три погруженія [1]). Предъ самымъ отправленіемъ пословъ въ Успенскомъ соборѣ патріархомъ совершено было торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о помощи въ такомъ важномъ дѣлѣ [2]). Напутствуя благословеніемъ, Гермогенъ сказалъ посламъ: „идите, Богъ съ вами Пречистая Богородица и великіе чудотворцы, иже въ Россіи просіявшихъ, наши-жъ заступники и хранители: Петръ, Алексій и Іона и Сергій чудотворцы и сб. новострадальный благовѣрный царевичъ Димитрій“ [3]).

Отправляя посольство къ Сигизмунду, патріархъ Гермогенъ, какъ мы видимъ, оберегалъ прежде всего цѣлость православія. Нельзя было не опасаться, что за Сигизмундомъ стоитъ католицизмъ, зорко слѣдившій за всѣмъ, происходившимъ въ Москвѣ. Гарантіей безопасности могло быть только принятіе Владиславомъ православія. И патріархъ, какъ мы видѣли, настойчиво требовалъ этого и увѣщалъ пословъ быть непреклонными въ этомъ дѣлѣ. Не такъ смотрѣлъ на все это Сигизмундъ. Онъ рѣшилъ самъ воспользоваться настоящимъ случаемъ. По присоединеніи Москвы къ Польшѣ, онъ намѣревался лично сѣсть на престолъ Московскій. Чрезъ это онъ, по мнѣнію Костомарова, хотѣлъ рѣшить вѣковой споръ между двумя соперничающими державами и отвратить отъ Рѣчи Посполитой опасность въ будущемъ, которую тогда уже многіе зрѣлые умы, подобно Сигизмунду, предвидѣли, понимая, что исторія такъ поставила отношенія между Польшею и Московскимъ государствомъ, что если первая не уничтожитъ послѣднее, такъ послѣднее уничтожитъ первую [4]).

[1]) С. г. г. и д. II, 205—207.
[2]) Смирновъ, цит. соч., стр. 784. Карамзинъ, Ист. г. р., XII, стр. 249.
[3]) Ркп. Фил., стр. 298.
[4]) См. вр. III, стр. 43.

Такимъ образомъ выдвигался вопросъ о политическомъ бытіи Россіи. Но планы Сигизмунда, какъ увидимъ далѣе, разбились какъ о скалу—о церковь православную. Спасши православіе, Церковь спасла и государство.

Въ духѣ своихъ намѣреній Сигизмундъ началъ хитро дѣйствовать не только подъ Смоленскомъ, но и въ Москвѣ. Еще до отправленія пословъ, онъ отправилъ въ Москву Андронова съ письмомъ къ Жолкѣвскому, гдѣ высказывалъ свой взглядъ на избраніе Владислава и личное намѣреніе сѣсть царемъ въ Москвѣ. О томъ-же онъ просилъ гетмана переговорить и съ Салтыковымъ [1]). Послѣдній, равно какъ и Андроновъ и мн. др., принадлежалъ къ тому кружку тушинскихъ бояръ и дьяковъ, который прежде другихъ русскихъ людей перебѣжалъ къ Сигизмунду изъ Тушина и сталъ ему служить [2]). У Сигизмунда въ Москвѣ такимъ образомъ была своя партія изъ русскихъ измѣнниковъ. Они были сторонниками Польши, вкусившей плодовъ европейской культуры. Чрезъ союзъ съ ней, или даже подчиненіемъ Польшѣ, эта партія искала выхода въ Европу изъ всего уклада древне-русской жизни. „Борьба 1612 года, говоритъ Хомяковъ, была не только государственной и политической, но борьбою духовной. Европеизмъ съ его добромъ и зломъ, съ его соблазнами и истиною являлся въ Россіи въ образѣ польской партіи. Салтыковъ и его товарищи были представителями западной мысли“ [3]). Но какою дорогою цѣною покупалась въ этомъ случаѣ западная культура. За польшей стоялъ католицизмъ, готовый стереть ненавистную схизму. Въ перспективѣ у Россіи былъ-бы въ случаѣ успѣха Сигизмунда

[1]) Костомаровъ, тамъ-же, стр. 43. Платоновъ, тамъ-же, стр. 468.

[2]) Платоновъ, тамъ-же, стр. 467.

[3]) В. З. Завитневичъ—А. С. Хомяковъ, т. I, стр. 721.

не союзъ съ Польшей, а полное подчиненіе Польшѣ съ потерей православія и національной самобытности. Затѣмъ мы знаемъ и судъ исторіи надъ Польшей, дошедшей до саморазложенія и гибели.

Заключая договоръ съ патріархомъ, боярами и народомъ объ избраніи Владислава, Жолкѣвскій изъ письма Сигизмунда зналъ его планы, но дѣйствовалъ въ пользу его скрыто. Съ этою цѣлью тотчасъ по удаленіи пословъ подъ Смоленскъ онъ сталъ требовать введенія польскаго гарнизона въ Москву. Основаніемъ для такого требованія онъ выставлялъ возможность появленія въ Москвѣ Вора, который хотя и удалился изъ подъ Москвы въ Калугу, но былъ еще врагомъ Москвы, знаменемъ для многихъ недовольныхъ [1]). Ревностнымъ противникомъ введенія поляковъ въ Москву явился патріархъ Гермогенъ. Предъ введеніемъ польскаго войска онъ созвалъ къ себѣ большую толпу служилаго люда и обсуждалъ съ нею общее положеніе дѣлъ и главнымъ образомъ вопросъ о занятіи Москвы поляками и литвою [2]). Съ этою-же цѣлью онъ дважды посылалъ за боярами, обѣщаясь, что если они не придутъ къ нему, то онъ самъ придетъ къ нимъ со всѣмъ духовенствомъ [3]). Когда они, наконецъ, пришли, святитель Гермогенъ со слезами и великимъ запрещеніемъ говорилъ имъ, чтобы не пускали Литвы въ городъ [4]). На это кто-то изъ бояръ замѣтилъ ему: дѣло твое, святѣйшій патріархъ, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія не слѣдуетъ вмѣшиваться. Изстари такъ ведется, что попы не управляютъ государствомъ [5]). Польское войско было

[1]) Костомаровъ, см. вр., т. III, стр. 45.

[2]) Платоновъ, Очерки, стр. 479.

[3]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 52.

[4]) Лѣт. о мят., стр. 193.

[5]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 52.

введено въ Москву. Въ ней, говоритъ Платоновъ, водворилась военная диктатура польскихъ вождей, подъ тисками которой бояре, по ихъ словамъ, въ это время живы всѣ не были. Это былъ естественный исходъ изъ того политическаго хаоса, въ которомъ находилась тогда Москва. Хотя и небольшая численно, но организованная сила польско-литовскаго войска до времени сознавала себя единственною, дѣйствительною силою въ Москвѣ и служила, конечно, не московскимъ боярамъ, а своей родинѣ и собственнымъ интересамъ [1]). Потому то Гермогенъ такъ упорно противился этому. Нагло обманывая москвичей, Жолкѣвскій всячески старался войти въ расположеніе предъ Гермогеномъ. Но введеніемъ войскъ онъ поступалъ какъ разъ наоборотъ. Не рѣшаясь навѣстить его, онъ посылалъ къ патріарху очень вѣжливыя и почтительныя письма, обѣщая въ нихъ справедливость и, главное, уваженіе къ греческой вѣрѣ, а потомъ отправился къ нему лично и затѣмъ нѣсколько разъ бывалъ у него [2]). Едва ли Жолкѣвскій въ душѣ своей искренне былъ расположенъ къ Гермогену, ярому противнику латинниковъ. Скорѣй сказалась здѣсь польско-іезуитская готовность пойти на все, лишь бы затуманить глаза Москвичамъ, что и патріархъ Гермогенъ на сторонѣ поляковъ. Успокоивъ такимъ образомъ Москву, Жолкѣвскій самъ поспѣшилъ убраться изъ нея и оставилъ для охраны польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Оставшіеся поляки показали себя далеко не хорошими охранителями. Грубыя кощунственныя выходки съ ихъ стороны въ это время были нерѣдки. Мы нагрѣшимъ, да исповѣдуемся, говорили они, а у отцевъ францисканцевъ такое есть изъ Рима

[1]) Платоновъ, Очерки, стр. 465.

[2]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 57.

отпущеніе, что хотя бы кто черта съѣлъ, такъ и тому грѣхъ простится [1]). Пользуясь такимъ принципомъ, они щеголяли своими оскорбительными для русской святыни выходками, стрѣляя для забавы то въ иконы на воротахъ, то въ церковные купола [2]). Безъ сомнѣнія, такія дикія выходки глубоко оскорбляли набожныхъ москвичей и въ то же время побуждали чувство ненависти къ полякамъ вообще, какъ врагамъ православной вѣры. Здѣсь затрагивалась, можно сказать, самая народная душа, которая реагировала сознаніемъ необходимости встать на защиту православной вѣры.

Заручившись своей партіей въ Москвѣ и явившись здѣсь военнымъ диктаторомъ, Сигизмундъ въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и въ переговорахъ съ послами. Принятые въ станъ короля, они скоро увидѣли, что далеко не честно поступаетъ Сигизмундъ. Во время переговоровъ на просьбу послать Владислава въ Москву имъ отвѣчали требованіемъ сдачи Смоленска, хитро умалчивая о Владиславѣ [3]). Когда послы настоятельно потребовали крещенія Владислава, имъ давали уклончивый отвѣтъ, что въ „этомъ дѣлѣ воленъ Богъ да королевичъ“. Тогда митрополитъ Филаретъ рѣшительно приступилъ къ Сапѣгѣ съ этимъ вопросомъ [4]). Сапѣга говорилъ, что королевичъ получилъ крещеніе во имя Св. Троицы и не имѣетъ нужды креститься вторично, крещеніе не повторяется. Филаретъ напротивъ доказывалъ, что римская церковь нарушила догматъ древней православной вѣры объ исхожденіи Св. Духа, потому крещеніе ея не крещеніе, оно необходимо требуется

[1]) Тамъ же, стр. 64.

[2]) Ркп. Фил., стр. 302; Костомаровъ, тамъ же.

[3]) Нов. Лѣтописецъ—Временникъ, VII, 124.

[4]) Костомаровъ, тамъ-же, стр. 75.

отъ королевича. Споръ перешелъ на догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Сапѣга текстами доказывалъ законность прибавленія и отъ Сына, Филаретъ Никитичъ также текстами Писанія и словами Дамаскина доказывалъ противное. Замѣчательно одно изъ его доказательствъ. „Апостолъ Іаковъ говоритъ, доказывалъ Филаретъ, —всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца свѣтомъ, сирѣчь Христомъ, и потому есть разумно, что Духъ Святый отъ Отца только чрезъ Сына. И иныя многія свидѣтельства отъ Богоносныхъ отецъ вѣдаемъ подлинно, что они учили объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца, но нынѣ малымъ временемъ некогда всего подробно сказать. О семъ Христовымъ словомъ затвердимъ: горе хулящимъ на Духа Святаго". Но Сапѣга не убѣдился такими доводами: о томъ поговоримъ промежъ себя инымъ часомъ.... и я къ тебѣ пріѣду нарочно поговорить. А королевичъ крещенъ и иного крещенія нигдѣ не написано. Неизвѣстно, были-ли еще между ними богословскіе споры [1]). Когда въ станъ короля изъ Москвы пріѣхалъ Жолкѣвскій, послы обратились къ нему, какъ къ заключавшему договоръ. Онъ также давалъ крайне уклончивые отвѣты, ставя условіемъ исполненія договора сдачу королю Смоленска. Когда зашла рѣчь о Шуйскомъ, котораго изъ Москвы привезъ съ собою Жолкѣвскій, то митрополитъ Филаретъ крайне негодовалъ на Жолкѣвскаго, что онъ привезъ Шуйскаго въ свѣтломъ, а не иноческомъ платьѣ. Онъ сказалъ Жолкѣвскому: „въ записи утверждено, чтобъ ни единаго человѣка изъ русскихъ людей не вывозить въ Польшу и Литву. Ты на томъ крестъ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договору: надобно бояться Бога, а разстригать Василія и жены его не при-

[1]) А. Смирновъ—цит. соч., стр. 787—788.

гоже, чтобы нашей православной вѣрѣ порухи не было“ [1]). Гетманъ отвѣчалъ, что на то была воля патріарха и народа. Продолжая вести себя въ переговорахъ крайне уклончиво отъ главнаго дѣла — отправленія и крещенія Владислава, поляки говорили только о сдачѣ Смоленска королю. Послы требовали послать гонца въ Москву, такъ какъ безъ совѣта съ патріархомъ, боярами и всѣми людьми нельзя впускать кого-бы то ни было въ Смоленскъ. Стараясь лишь продлить время, поляки угрожали взять Смоленскъ, который въ то время крѣпко стоялъ, благодаря архіепископу Сергію и воеводѣ Шеину. Но среди пословъ въ это время произошелъ расколъ. Обѣщаніемъ различныхъ льготъ и дарованіемъ грамотъ на помѣстья королю удалось достичь того, что часть пословъ отдѣлилась и отъѣхала въ Москву. Среди отъѣхавшихъ были: Спасскій архимандритъ Евфимій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, Протопопъ Кириллъ и съ нимъ священники и дьяконы [2]). Митрополитъ Филаретъ увѣщевалъ ихъ не ѣздить, говоря: „мы отпущенные люди изъ соборной церкви Богородицы отъ чудотворнаго ея образа, благословили насъ патріархъ и весь освященный соборъ и посылали насъ бояре и всѣ люди московскаго государства. Попомните это: побойтесь Бога и Его праведнаго суда, не метайте государскаго и земскаго дѣла; видите, каково дѣло настоитъ: такого въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало; Московское государство разоряется, кровь христіанская льется безпрестанно и невѣдомо, когда и какъ ей уняться, а вы то видя, кидаете такое великое дѣло и ѣдете въ Москву, а у насъ дѣло не токмо не вершится, а еще

---

[1]) Костомаровъ, тамъ-же, стр. 82.

[2]) Нов. Лѣт., 125—126; Лѣт. о мят., стр. 199.

не почалось" [1]). Но они не послушались и уѣхали [2]). Митрополита Филарета и оставшихся пословъ послѣ этого стали еще сильнѣе тѣснить, но они мужественно стояли на своемъ, требуя посольства въ Москву Владислава и крещенія его [3]). Въ это время и изъ самой Москвы бояре и всякіе люди поѣхали къ королю, прося у него чести, вотчинъ и жалованья [4]). Вмѣстѣ съ извѣстными уже московскими измѣнниками всѣ эти лица, сторонники Польши, замѣнили собою московское правительство—боярскую думу. Въ виду этого была составлена даже роспись бояръ и дьяковъ, съ назначеніемъ имъ въ управленіе московскихъ приказовъ и другихъ судебныхъ дѣлъ [5]). Сигизмундъ грамотой своей утверждалъ эту роспись [6]) и такимъ образомъ Московское правительство было уже въ его рукахъ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, было раздвоено посольство и подъ Смоленскомъ. Если среди этого посольства мужественно стоялъ противъ замысловъ короля митрополитъ Филаретъ, то въ Москвѣ противъ польской партіи высту-

---

[1]) Костомаровъ, См. вр. III, 94.

[2]) Относительно вопроса, какъ смотрѣть на этотъ отъѣздъ, видѣть-ли въ немъ дѣйствительную измѣну или только пронцательность въ безполезность посольства, существуютъ различные взгляды. Одни изъ историковъ видятъ здѣсь измѣну: Соловьевъ, (Ист. Рос. т. VIII, стр. 380),—Забѣлинъ, (Мининъ и Пожарскій, стр. 236—240).—Платоновъ (Очерки по исторіи смуты врем., стр. 475). Противоположный взглядъ высказываютъ Карамзинъ (Ист. госуд. Рос. т. XII, стр. 274). Костомаровъ (Смут. время, т. III, 95). Лѣтописецъ смутнаго времени, Палицынъ, уѣхавшій самъ изъ подъ Смоленска, выражается глухо объ этомъ отъѣздѣ: „нѣцыи отъ пословъ къ царствующему граду возвратишася; вообще-же объ этомъ посольствѣ Палицынъ говоритъ, называя его „б е з д ѣ л ь н ы м ъ". (Сказаніе о смут. врем., стр. 240).

[3]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 199—200; Новый лѣтописецъ, стр. 126.

[4]) Собраніе государст. грамотъ и договоровъ, II, №№ 208, 212, 216, 220. Нов. лѣт., тамъ-же; Лѣтоп. о мят., тамъ-же.

[5]) Акты ист. II, № 314.

[6]) С. г. г. и д. II, № 219.

пилъ патріархъ Гермогенъ. Если пало боярское правительство, говоритъ Платоновъ, если земскій совѣтъ, бывшій при боярахъ, былъ разогнанъ измѣнниками или милостиво распущенъ Сигизмундомъ изъ его королевскаго стана, то еще было цѣло правительство церковное и не былъ поколебленъ патріаршій авторитетъ [1]). Противъ Сигизмунда и поляковъ встала вся русская церковь. Глава ея—патріархъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ поняли, что оплотомъ въ настоящей борьбѣ можетъ быть сознаніе своего единства по вѣрѣ и какъ результатъ этого сознанія—побѣда эгоизма отдѣльныхъ партій въ разлагающемся государствѣ любовью другъ ко другу, какъ брату о Христѣ.

Современники понимали положеніе патріарха Гермогена въ этой борьбѣ среди бояръ—измѣнниковъ въ Москвѣ. Они называютъ его столпомъ великимъ, который „единъ уединенъ стоитъ и всѣхъ держитъ и врагомъ сурово претъ и иному некому пособити ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ“ [2]). Если въ самой Москвѣ все было закуплено и прельщено королемъ и такимъ образомъ бороться съ поляками было здѣсь трудно, то въ городахъ скоро нашлись люди, которые встали за одно съ патріархомъ. Помощь Гермогену, говоритъ Платоновъ, могла идти только изъ—за московскихъ стѣнъ, оттуда, гдѣ еще было цѣло и могло дѣйствовать привычное земское устройство, незадавленное польскою властью. Служилые люди, державшіеся вокругъ городскихъ воеводъ, поставленныхъ еще при Шуйскомъ, да тяглый городской людъ съ своими выборными старостами,—вотъ тѣ общественныя силы, на которыя могъ разсчитывать Гермогенъ, задумывая борьбу съ врагами. Необходимо было сплотить эти силы, сорганизовать ихъ въ

[1]) Очерки, стр. 475.

[2]) Р. Ист. Библіотека, т. 13, стр. 196—208.

видахъ борьбы за народную независимость и съ помощью ихъ рѣшить неразрѣшенный боярствомъ вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка [1]). И вотъ первосвятитель взялся за это дѣло объединенія народа на защиту отечества во имя вѣры православной. Обстоятельствами, способствовавшими началу этого великаго дѣла, были слѣдующія событія.

Польскій гарнизонъ, стоявшій въ Москвѣ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, сталъ крайне тѣснить москвичей [2]). Въ это-же время дошли до нихъ вѣсти и изъ Смоленска о приступѣ на него со стороны короля Сигизмунда. Объ этомъ доносили послы въ Москву изъ стана короля [3]). Они просили бояръ посовѣтоваться съ патріархомъ и всѣми людьми и прислать имъ грамоты за патріаршею и прочими печатями въ указаніе, что они должны дѣлать въ виду приступа короля къ Смоленску. Все это производило, конечно, въ Москвѣ возбужденіе умовъ противъ Сигизмунда, планы котораго стали ясны. „Чаю, говоритъ авторъ новой повѣсти, яко и малымъ отрочатемъ, слышавше, разумѣти мощно, не токмо сверстнымъ и въ разумѣ совершеннымъ человѣкомъ: коли отецъ лиха хощетъ сыну,—и намъ сына дати, а самому, аки злому волку, подъ городомъ Смоленскомъ стояти, и тѣмъ врагомъ волю дати землю нашу разоряти.... и тамо посланныхъ нашихъ на смерть морити, и у насъ здѣсь въ великомъ градѣ великое утѣсненіе чинити.... онъ, окаянный, тѣмъ дѣломъ не токмо сыну прочитъ, но и самъ здѣ жити хочетъ, токмо-бы ему свою волю сотворити“ [4]). Поляки и русскіе измѣнники—Михайло Салтыковъ съ товарищами, видя движеніе среди москвичей,

[1]) Платоновъ, Очерки, 482, 483.
[2]) С. г. г. и д. II, стр. 497; Акты экспед. II, стр. 292.
[3]) С. г. г. и д. II, стр. 417.
[4]) Р. Ист. Б. XIII, 202—203.

стали говорить боярамъ о передачѣ на волю самого Сигизмунда и извѣщеніи о томъ-же и пословъ [1]). Составлены были для этого грамоты безъ участія патріарха. Поэтому къ нему сначала явился Салтыковъ и сталъ требовать, чтобы Гермогенъ повелѣлъ цѣловать крестъ самому королю. Патріахъ рѣшительно отказался отъ этого. Салтыковъ началъ его, „аки безумный песъ лаяти и нелѣпыми словами, аки сущій буй каменіемъ на лицо святителю метати и великоименитое святительство безчестити“ [2]). Поносимый патріархъ „никако тому реченію внять и того буесловія не убоялся.... ему изрекъ: да будеши проклятъ со всѣмъ своимъ сонмомъ и съ тѣмъ его-же желаеши и всего міра ему усты касатися немаеши.... И еще прирекъ: не токмо намъ онъ годѣ, но и тако его отрасль аще не пріидетъ въ наше хотѣніе“ [3]), т. е. и Владиславъ, если онъ не крестится. На другой день къ патріарху пришли и другіе бояре съ Мстиславскимъ во главѣ [4]). Они также просили передаться на волю короля и подписать грамоту. Святитель Гермогенъ сказалъ имъ: „стану писати къ королю грамоты, на томъ и рукою своею приложу и властямъ велю руки приложити, и васъ благословлю писать, буде король дастъ сына своего на московское государство, и крестится въ православную христіанскую вѣру, и литовскихъ людей выведетъ изъ Москвы, и васъ благослов-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 204.

[2]) Р. Ист. Б. XIII, 204.

[3]) Тамъ-же. Такъ повѣствуетъ объ этомъ разговорѣ патріарха съ Салтыковымъ авторъ такъ называемой Новой Повѣсти.--Онъ не называетъ Салтыкова по имени, а лишь упоминаетъ о немъ съ презрительными эпитетами, какъ начальный губитель, злой человѣкоядный волкъ—. Если не предполагать, говоритъ Платоновъ, въ начальномъ губителѣ Салтыкова, то трудно указать другое лицо изъ московскаго боярства, всѣмъ извѣстное и стоявшее во главѣ сторонниковъ Сигизмунда (Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 90, прим. 1-е).

[4]) Платоновъ, Очерки по ист. см. вр., стр. 484.

ляю писать такія грамоты, что во всемъ положиться на королевскую волю, и послати о томъ королю бить челомъ и класться на его волю: и то вѣдомое стало дѣло, что намъ цѣловати крестъ королю, а не королевичу: и я такихъ грамотъ не токмо, что мнѣ рукой приложить не благословляю, и вамъ писати не повелѣваю, но проклинаю, кто такія грамоты учнетъ писати" [1]). Раздраженный такимъ отвѣтомъ и безчестившій наканунѣ патріарха, Салтыковъ опять сталъ „позорити и лаяти" святителя Гермогена. Вынувши ножъ, Салтыковъ сталъ угрожать имъ. Неустрашимый святитель осѣнилъ его крестнымъ знаменемъ и сказалъ ему громко: „крестное знамя да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа; да буди проклятъ ты въ семъ вѣцѣ и будущемъ". Обратившись къ боярину Мстиславскому, патріархъ тихо говорилъ ему: „твое есть начало, тебѣ за то добро есть пострадать за православную христіанскую вѣру, — аще-же прельстишися на таковую діавольскую прелесть, преселитъ Богъ твой корень отъ земли живыхъ, да и самъ такою смертію умреши" [2]). Бояре не послушали его и послали свои грамоты королю и посламъ безъ подписи патріарха. Когда послы получили эти грамоты, то отказались повиноваться имъ, такъ какъ на грамотахъ не было подписи патріарха. Поляки на это говорили, что духовенству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, а потому послы должны повиноваться грамотамъ и безъ патріаршей подписи. Послы на это отвѣчали: „изъ начала у насъ въ русскомъ государствѣ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и съ ними совѣтова-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 205; Нов. лѣтоп., стр. 127.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 206; Пов. лѣт., стр. 129; С. г. г. и д. II, № 224; А. Э, II, № 170.

лись, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честью: теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ патріарха теперь совѣтовать о такомъ великомъ дѣлѣ непригоже. Когда мы въ Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома бояре никакого дѣла не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, да и въ вѣрющихъ грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писанъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь безъ патріарховыхъ грамотъ по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать" [1]).

Послѣ разговора съ боярами патріархъ послалъ по сотнямъ къ гостямъ и торговымъ людямъ, чтобы они явились въ соборную церковь. Когда они собрались, Гермогенъ сказалъ имъ о замыслахъ короля и бояръ. Всѣ отказались цѣловать крестъ королю и объявили о томъ полякамъ, подъѣхавшимъ въ это время къ храму [2]). Такимъ образомъ, бояре, сторонники Сигизмунда, съ Мстиславскимъ и Салтыковымъ и патріархъ Гермогенъ съ гостями и торговыми людьми составляли два лагеря, противоположныхъ между собою по своимъ цѣлямъ. Если первыхъ объединяло стремленіе вкусить плодовъ западной культуры, то вторыхъ—забота о спасеніи отечества, которому грозили Польша и стоявшій за ней католицизмъ.

Въ это время былъ убитъ въ Калугѣ Тушинскій воръ [3]). Это обстоятельство было поводомъ къ движенію городовъ противъ поляковъ. Патріархъ Гермогенъ сталъ разсылать грамоты, призывая къ возстанію на спасеніе

[1]) Пр. Мак., ист. р. ц., т. X. стр. 151—152; Лѣтоп. о мят., стр. 206 207; Нов. лѣтоп., стр. 129—130.

[2]) С. г. г. и д. II, стр. 491.

[3]) Акт. ист. II, № 307.

отечества [1]). Первымъ поднялъ движеніе Рязанскій воевода Ляпуновъ. Ему патріахъ писалъ, чтобы онъ не далъ въ въ расхищеніе и въ вѣчное паденіе царствующаго града Москвы [2]). Ляпуновъ началъ ссылаться со всѣми городскими людьми московскаго государства, чтобы имъ стать за одно [3]). По городамъ собрались воеводы — въ Калугѣ Трубецкой и Заруцкій, въ Рязанѣ Ляпуновъ, во Владимірѣ Мосальскій и т. д. Всѣ они соединились въ мысли, чтобъ всѣмъ помереть за православную христіанскую вѣру [4]). Между городами начинается оживленная переписка, призывающая къ возстанію. Осажденные Смоленцы писали [5]) въ Москву о своихъ бѣдствіяхъ, говоря: „братія есми и сродницы, понеже отъ святыя купели и крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровать во святую и единосущную Троицу, Богу живу и истину". Здѣсь мы видимъ уже сознаніе братства во Христѣ и призывъ проявлять это братство любовью, единеніемъ. Какъ главное бѣдствіе Смоленцы отмѣчаютъ поруганіе христіанской вѣры, разореніе Божіихъ церквей. Описывая козни короля, они призываютъ встать на спасеніе отечества во имя вѣры православной: „если которые еще хотятъ въ православной вѣрѣ скончатись, начните таковому дѣлу душами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ крестьянамъ обще всѣмъ въ соединеніи. Для Бога положите о томъ крѣпкій совѣтъ межъ себя: пошлите въ Новгородъ, Вологду и въ Нижній нашу грамоту списавъ и свой отвѣтъ къ нимъ отпишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо всею землею обще стати за правос-

[1]) Ркп. Фил., стр. 304—305; Р. И. Б. XIII, 606.

[2]) Р. И. Б. XIII, стр. 606; Изб. Поп., стр. 306; С. г. и д. II, № 229; А. э. II, №№ 176, 179; Платоновъ, Др. рус. сказ., стр. 92, пр. 5.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 202.

[4]) Тамъ-же, стр. 203.

[5]) С. г. г. и д. II, № 226.

лавную крестьянскую вѣру". По полученіи этой грамоты въ Москвѣ отсюда по городамъ была разослана окружная грамота [1]) съ той-же идеей вспомнить братство во Христѣ. Грамота эта зоветъ къ Москвѣ, какъ къ центру святынь, оскорбляемыхъ въ то время поляками. Голосъ народа, говоритъ К. Аксаковъ, голосъ Божій, назвалъ Москву матерью русскихъ городовъ, корнемъ русскаго государства, призналъ ее своею столицею и возвѣстилъ къ ней народную любовь [2]). Конечно, Москва отмѣчалась въ данный моментъ центромъ и государственной жизни, но въ основѣ этого самознанія лежало религіозное чувство благоговѣнія предъ московскими святынями, такъ дорогими сердцу каждаго человѣка—православнаго крестьянина. Поэтому мы и говоримъ о Москвѣ, какъ о религіозномъ центрѣ земли русской. Православные крестьяне этого времени съ глубокимъ сокрушеніемъ вспоминали о разореніи Москвы врагами, подобно тому, какъ евреи плакали въ плѣну вавилонскомъ о разоренномъ Сіонѣ, центрѣ ихъ религіозно-политической жизни [3]).

---

[1]) Тамъ-же, № 227.

[2]) Сочиненія, т. 1, стр. 599.

[3]) Для иллюстраціи сознанія народомъ Москвы, какъ центра религіозной святыни земли русской, можно указать на слѣдующій обычай, практиковавшійся до Петра I въ Москвѣ. До Петра Великаго, говоритъ К. Аксаковъ, существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія. Близъ Успенскаго собора часовой стражъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ-бы на распѣвъ, возглашать: Пресвятая Богородица, спаси насъ; за нимъ 2-й, въ ближнемъ притинѣ, возглашаетъ: святые Московскіе Чудотворцы, молите Бога о насъ; потомъ 3-й—святый Николай чудотворецъ, моли Бога о насъ; потомъ 4-й—всѣ святые, молите Бога о насъ; 5-й—славенъ городъ Москва; 6-й—славенъ городъ Кіевъ; 7-й- славенъ городъ Владиміръ; 8-й славенъ городъ Суздаль—и такъ поименуютъ: Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль и пр. многозначительное свидѣтельство. Въ этой перекличкѣ раздастся голосъ русской земли: слышишь какъ она сама себя чувствуетъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ

Обратимся къ обзору содержанія окружной грамоты, ходившей по городамъ. „Для Бога, Судіи живыхъ и мертвыхъ, не презрити бѣднаго и слезнаго нашего рыданія — взываютъ москвичи: будьте съ нами обще, за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ, помните одно: только коренье, основанье крѣпко, то и древо неподвижно: только коренье не будетъ, къ чему прилѣпиться. Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя Заступницы крестьянскія, Богородицы, ея-же евангелистъ Лука написалъ, и великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы: или вамъ православнымъ крестьянамъ то не во чтожъ поставить". Описывая бѣдствія, постигшія землю отъ враговъ, и главнымъ образомъ поруганіе храмовъ и святынь, грамота зоветъ: „душами и головами станьте съ нами обще противъ врага креста Христова.... послати вамъ грамоту тое, что написано къ вамъ отъ братьи нашей изъ-подъ Смоленска и сю нашу грамоту и свой совѣтъ отпишите во всѣ города, чтобъ была вѣдома смертная наша погибель конечная". Далѣе противопоставляются враги государства всѣмъ тѣмъ, кто ратуетъ за спасеніе отечества, — „враги привлекаютъ къ себѣ немногихъ. У насъ же, православныхъ крестьянъ, вначалѣ Божія Мати и Пречистая Богородица и московскіе чудотворцы, да первопрестольникъ апостольскія церкви святѣйшій Гермогенъ патріархъ, прямо яко самъ пастырь душу свою за вѣру крестьянскую полагаетъ несомнѣнно: а ему всѣ крестьяне православные послѣдуютъ". Въ заключеніе грамота призываетъ „не презрѣти презрѣніемъ, ни восхотѣти видѣти поруганъ образъ Пречистыя Богородицы, иконы Вла-

чувствѣ себя самой единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ не придуманомъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города русскіе, всю русскую землю (Константинъ Аксаковъ, сочиненія, т. 1-й, стр. 603—604).

димірскія и великихъ московскихъ чудотворцевъ и братій своихъ, православныхъ крестьянъ, не видѣти быти посѣченными и въ плѣнъ разведеннымъ въ Латынство".

Окружная грамота пришла, между прочимъ, въ Нижній-Новгородъ. По прочтеніи ея нижегородцы дружно встали идти къ Москвѣ и въ то же время отъ себя послали грамоту въ Вологду [1]). Въ ней они извѣщали о движеніи Ляпунова къ Москвѣ по благословенію патріарха и о посылкѣ полученныхъ ими грамотъ отъ московскихъ людей и смольнянъ въ Вологду. Далѣе грамота говоритъ: приказывалъ намъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ, чтобъ намъ, собрався съ окольными и Повольскими городы, однолично идти на польскихъ и литовскихъ людей вскорѣ. Сказавши, что воля патріарха исполнена, Нижегородцы зовутъ Волжанъ къ тому же, чтобъ „всѣ за перво за православную крестьянскую вѣру и за свои души стати за одинъ". Въ то же время въ Вологду пишутъ Ярославцы, призывая къ движенію противъ поляковъ [2]). Вологда съ своей стороны разсылала гонцовъ въ окружные города и пригороды. Словомъ, весь сѣверъ поднялся противъ поляковъ по благословенію патріарха [3]). Вслѣдъ за Великимъ Новгородомъ, поднявшимся по благословенію митрополита Исидора, присоединился къ движенію Псковъ, Иванъ-городъ и т. д. [4]). Костомаровъ такъ описываетъ это движеніе: повсюду бѣгали изъ города въ городъ гонцы, иногда по два и по три, иногда по нѣсколько человѣкъ. То были дѣти боярскія и посадскія: они возили грамоты, чрезъ ихъ городъ извѣщалъ другой, что онъ съ

[1]) С. г. г. и д., II, 229.
[2]) А. Э. II, № 179.
[3]) Тамъ-же, №№ 174—180.
[4]) Тамъ-же, № 183.

своею землею стоитъ за православную вѣру и идетъ на польскихъ людей за московское государство. Изъ городовъ бѣгали посыльщики по селамъ, сзывали помѣщиковъ, собирали сдаточныхъ людей съ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ: вездѣ по приходѣ такихъ посыльщиковъ, звонили въ колокола, собирались люди на сходки, дѣлали приговоръ, вооружались чѣмъ ни попало, и спѣшили въ свой городъ кто пѣшкомъ, кто верхомъ, а въ городъ везли порохъ, свинецъ, сухари, толокно, разныя снасти. Предъ соборнымъ духовенствомъ происходило крестное цѣлованіе всего уѣзда. Тутъ русскій человѣкъ присягалъ и обѣщался предъ Богомъ стоять за православную вѣру и московское государство [1]). Духовенство всѣхъ городовъ, куда достигали грамоты, безъ сомнѣнія, принимало близкое участіе въ движеніи городовъ. Но это указываетъ стоящія во всѣхъ грамотахъ обращенія: архимандритамъ, игуменамъ и всему священному собору.... такого-то города архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный соборъ. Что-же соединило въ одну крѣпкую силу всѣхъ русскихъ людей, погасила враждовавшія страсти. Мимо политическихъ правъ, говоритъ Костомаровъ, которыми Польша такъ гордилась и которыхъ Русь не знала, была на Руси сила животворная, способная привести въ движеніе неповоротливую громаду—это вѣра православная. Она-то соединила русскій народъ, она для него творила и государственную связь, и замѣнила политическія права. Знаменіемъ возстанія тогда была единственно вѣра: во всѣхъ грамотахъ выставлялось на первомъ планѣ побужденіе религіозное, необходимость защищать церкви, образа, мощи, которымъ творили поруганіе польскіе и литовскіе люди. Эти-то драгоцѣнные для сердца и вообра-

[1]) Костомаровъ, Смут. врем., III, 127.

женія предметы подняли тогда русскихъ всѣхъ земель. Они-то, между прочимъ, привязывали области къ Москвѣ, гдѣ было много церквей и мощей [1]).

Прекрасно понимая роль патріарха въ движеніи городовъ, поляки и партія ихъ, измѣнниковъ-бояръ, всячески старались стѣснить его, пока, заключивъ подъ стражу, не уморили голодомъ. Еще въ то время, когда Гермогенъ, послѣ бурнаго объясненія съ боярами и особенно съ Салтыковымъ, собралъ народъ въ Успенскій соборъ и разрѣшилъ его отъ клятвы Владиславу, поляки окружили его стражею и не допускали къ нему дворовыхъ людей. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы патріархъ не посылалъ въ города воззваній и не сообщалъ, что дѣлается въ Москвѣ, что затѣваютъ бояре съ Гонсѣвскимъ [2]). Не смотря на это, о дѣйствіяхъ Гермогена всюду разносились вѣсти. Такъ Ярославцы писали въ Казань о противодѣйствіи патріарха боярамъ и собраніи народа, который былъ укрѣпленъ Гермогеномъ въ стояніи за православную вѣру [3]). Донеслась вѣсть объ утѣсненіи патріарху отъ поляковъ до Рязанскаго воеводы Ляпунова. Онъ написалъ по этому случаю отъ себя грамоту боярамъ московскимъ. Въ ней онъ высказывалъ имъ порицаніе, что они, „прельстясь на славу вѣка сего, отступили отъ Бога и приложились къ западнымъ и жестокосерднымъ, на своя овцы обратились", и грозилъ имъ походомъ на Москву въ соединеніи многихъ городовъ [4]). Въ то же время онъ пишетъ Нижегородцамъ: „и мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ Святѣйшему Гермогену патріарху.... и всему освященному собору и Христоименитому народу

[1]) Костомаровъ, Смут. время, III, 129.
[2]) Тамъ-же, стр. 100.
[3]) А. Э. II, № 188.
[4]) С. г. г. и д. II, стр. 498.

отъ польскихъ и литовскихъ людей гоненье и тѣснота велія“ [1]). Бояре испугались этихъ угрозъ и, чтобы не раздражить народъ, уговорили Гонсѣвскаго не держать патріарха подъ стражею и отдать ему дворовыхъ людей, но въ то же время совѣтовали слѣдить за Гермогеномъ [2]). Когда къ патріарху стали сходиться со всѣхъ сторонъ желавшіе встать за спасеніе отечества, онъ благословлялъ всѣхъ и писалъ грамоты. За нимъ стали еще строже слѣдить. Когда одна изъ грамотъ была перехвачена, патріарха снова стали тѣснить, увели у него дьяковъ и поддьячихъ, отняли бумагу, чтобъ не дать писать грамотъ, взяли и дворовыхъ людей, чтобы не было кого посылать съ грамотами, но не усмотрѣли за нимъ. Писать онъ не могъ, а говорить еще могъ съ русскими людьми. Явились къ нему подъ благословеніе Нижегородцы, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ да посадскій человѣкъ Родіонъ Мокѣевъ. Онъ имъ передалъ на словахъ: писать мнѣ нельзя: все побрали поляки, и дворъ у меня пограбили, а вы, помятуя Бога и Пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, стойте всѣ за одно противъ нашихъ враговъ [3]). Не смотря на всѣ стѣсненія патріарха поляками, народное движеніе началось. Когда къ Москвѣ приближался организаторъ ополченія городовъ - Ляпуновъ, бояре по приказанію поляковъ стали требовать у Гермогена, чтобы онъ писалъ о возвращеніи отъ Москвы идущаго къ ней ополченія. Къ патріарху обратился съ этимъ требованіемъ Салтыковъ, говоря: ты писалъ къ нимъ идти подъ Москву, нынѣ пиши, чтобы вернулись. Святитель отвѣтилъ на это: я стану къ нимъ писать, если ты измѣнникъ съ литов-

[1]) Тамъ-же, стр. 228.

[2]) Костомаровъ, См. вр. III, стр. 101.

[3]) Тамъ-же, стр. 108.

скими людьми выйдешъ вонъ изъ Москвы, и я не велю имъ ходить: если-же вы будете сидѣть въ Москвѣ, то я благословлю всѣхъ ихъ умереть за вѣру православную: я вижу поруганіе православной вѣры и разореніе святыхъ Божіихъ церквей, слышу латинское пѣніе: не могу терпѣть видѣть у нихъ костелъ на старомъ царе-Борисовскомъ дворѣ [1]). Непоколебимаго святителя отдали подъ надзоръ приставовъ и не велѣли никого пускать къ нему. „Гонсѣвскій, по свидѣтельству Кобѣржицкаго, говоритъ Костомаровъ, самъ обращался къ патріарху и говорилъ ему: ты, Гермогенъ, первый зачинщикъ измѣны, ты заводчикъ всего возмущенія—не пройдетъ это тебѣ даромъ: дождешься ты достойной кары: не думай, что тебя охранитъ твое достоинство—не благочестіемъ ты отличаешься, а оскверняешь свой санъ гнусною измѣной" [2]). Такое отношеніе къ патріарху, на котораго народъ въ это время возлагалъ всѣ надежды спасенія отечества, весьма взволновало Москву. Приближалась недѣля Ваій 1611 г., когда обычно патріархъ совершалъ торжественное шествіе на осляти. Опасаясь волненія, бояре-измѣнники хотѣли сначала отмѣнить этотъ церковный обрядъ, всегда привлекающій въ Москву много народа. Но такое распоряженіе еще болѣе смутило народъ, и Гермогенъ, освобожденный изъ подъ стражи, совершилъ шествіе на осляти. Подражая шествію Спасителя въ Іерусалимъ на вольную страсть, святитель, совершая этотъ обрядъ, самъ готовился на ожидавшую его вольную смерть [3]). Среди православнорусскихъ людей носились слухи, что патріарха убьютъ и будутъ бить народъ во время совершенія обряда. Поэто-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 209. Нов. Лѣт., стр. 131.

[2]) Костомаровъ, смут. врем. III, стр. 101.

[3]) Патріархъ Гермогенъ-Странникъ, 1864 г., II, стр. 145.

му никто не присутствовалъ на шествіи, которое на этотъ разъ прошло сквозь строй вооруженныхъ польскихъ воиновъ. Во вторникъ на страстной недѣлѣ въ Москвѣ русскіе сошлись съ поляками, вышедшими изъ Кремля. Началось кровавое побоище, продолжавшееся 2 дня. Поляки, видя, что не могутъ одолѣть москвичей, стали зажигать городъ. Салтыковъ первымъ изъ русскихъ измѣнниковъ зажегъ свой дворъ. Страшный пожаръ во многихъ мѣстахъ опустошилъ такъ называемый Деревянный городъ [1]). Разбойничавшіе поляки свели доблестнаго защитника отечества съ патріаршаго престола и заключили подъ сильною стражею въ Чудовъ монастырь [2]). Содержали его здѣсь, по словамъ Костомарова, дурно, обходились неуважительно [3]). Но непоколебимый святитель и отсюда продолжалъ дѣйствовать на спасеніе родной земли. „Сей мужъ безсмертный, говоритъ Карамзинъ, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россянъ презрительныхъ—между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донского, Іоанна III, Михаила Шуйскаго, въ темной келіи сіялъ какъ добродѣтельно какъ лучезарное солнце отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу“ [4]).

Въ это время ополченіе городовъ, созванное грамотами Гермогена, приблизилось къ Москвѣ. Для начальства надъ общей ратью всѣхъ городовъ были выбраны: Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Каждый день бывали у нихъ битвы съ поляками. Поляки и русскіе измѣнники находились

[1]) Лѣт. о мят., стр. 209—213; Нов. лѣт., стр. 131—132.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 214. По сообщенію Вэра, Гермогенъ былъ заключенъ на Кириллово подворье Сказ. соврем. о Дим. сам., т. I, стр. 209; V, 87.

[3]) Костомаровъ, тамъ-же, стр. 157.

[4]) Карамзинъ, ист. Рос., т. XII, стр. 292.

въ осадѣ въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Чудовъ монастырь, въ которомъ былъ заключенъ патріархъ Гермогенъ, былъ въ территоріи осажденныхъ. Когда ополченіе городовъ подошло къ Москвѣ, поляки снова взялись за святителя-страдальца, требуя, чтобы онъ писалъ объ отходѣ отъ Москвы этого ополченія. Къ нему явились Салтыковъ и Гонсѣвскій, говоря: „пошли къ людямъ, подъ Москвою стоящимъ, чтобы они отошли прочь, потому что они пришли сюда послушавшись тебя: если же ты насъ не послушаешь, то мы уморимъ тебя злою смертью". Не страшась такой угрозы, Гермогенъ отвѣтилъ: „мнѣ-ли обѣщаете злую смерть. Я уже давно жду ее отъ васъ, чтобы получить страданіемъ за правду вѣнецъ у Бога; угрозъ вашихъ я не боюсь, но лишь единаго Бога. Если вы всѣ выйдете изъ Московскаго государства, я ихъ благословляю отойти прочь: если же вы станете здѣсь стоять, то я ихъ благословляю сражаться противъ васъ и помереть за православную христіанскую вѣру" [1]). Такой рѣшительный отвѣтъ еще болѣе раздражилъ Салтыкова. Онъ всячески тѣснилъ святителя страдальца, какъ говоритъ лѣтописецъ: „наипаче начатъ ему творити пакости и скорбь" [2]) Но непоколебимый поборникъ спасенія отечества лишь возсылалъ свои святительскія молитвы объ успѣхѣ сражавшихся съ врагами. „Незримый для истинныхъ сыновъ отечества, Гермогенъ сообщался съ ними молитвою, слышалъ звуки битвъ за вѣру православную и независимость государственную и тайно, изъ глубины сердца, пылавшаго чистѣйшимъ огнемъ добродѣтели, препосылалъ благословеніе добрымъ Россіянамъ" [3]).

---

[1]) Лѣт. о мят., стр. 216; Нов. лѣт., стр. 135.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Странникъ, 1864 г., т. II, стр. 145.

Если патріархъ Гермогенъ усердно дѣйствовалъ на спасеніе отечества въ Москвѣ, къ которой собирались всѣ ополчившіеся по его призыву, то вездѣ, куда ни доходили призывныя грамоты, духовенство шло по примѣру своего патріарха. Мы уже говорили объ обращеніяхъ въ началѣ грамотъ, указывавшихъ на близкое участіе духовенства въ общемъ дѣлѣ борьбы съ врагами. Обратимся къ обзору дѣятельности болѣе видныхъ ратоборцевъ изъ духовенства.

Яркимъ примѣромъ ревностнаго слѣдованія по стопамъ своего первосвятителя Гермогена въ дѣлѣ спасенія отечества явился, какъ мы видѣли, митрополитъ Ростовскій Филаретъ въ станѣ Сигизмунда. Связавши съ именами двухъ самозванцевъ свое невольное возвышеніе, Филаретъ искупилъ свое привиллегированное при нихъ положеніе, пятнавшее его своей стойкостью за вѣру православную предъ королемъ, а затѣмъ своимъ плѣномъ въ Польшѣ. Находясь въ станѣ Сигизмунда, Филаретъ всецѣло слушался патріарха. Получается грамота изъ Москвы отъ измѣнниковъ-бояръ безъ подписи Гермогена, Филаретъ, какъ мы видѣли, упорно отказывается принять эту грамоту. Какъ ни бились поляки получить его согласіе на впускъ войскъ въ Смоленскъ, онъ былъ непоколебимъ. Ни хитрость ихъ, ни стѣсненіе и даже голодъ не заставили Филарета сдаться врагамъ государства на просимую имъ уступку. За это его съ прочими послами отправили въ Польшу въ плѣнъ [1]), гдѣ онъ пробылъ до 1619 года. Не добившись отъ него согласія на введеніе хотя части войскъ въ Смоленскъ, Сигизмундъ рѣшительно приступилъ къ Смоленску, упорно не сдававшемуся, бла-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 215; Пов. лѣт., стр. 134; Ркп. Фил., стр. 300.

годаря архіепископу Сергію и воеводѣ Шеину [1]). При страшномъ пожарѣ городъ былъ взятъ. Костомаровъ рисуетъ намъ картину мужественнаго стоянія архіепископа Сергія во время разгрома города Толпы народа бѣжали въ соборную церковь Владыка Смоленскій Сергій во всемъ облаченіи стоялъ предъ престоломъ и гласно молился за души погибшихъ и готовыхъ погибать. Тогда русскіе, видя, что все уже пропадаетъ, зажгли пороховой складъ подъ домомъ владыки. Владычныя палаты съ громомъ полетѣли на воздухъ: треснула и отвалилась одна стѣна въ соборѣ. Жолнеры ворвались въ полуразрушенныя стѣны собора: тамъ среди развалинъ и дыма лежала склонивъ головы толпа народа, женщинъ и дѣтей: надъ ними стоялъ въ царскихъ дверяхъ въ блестящемъ облаченіи владыка. Враги были поражены его видомъ, онъ былъ прекрасенъ съ бѣлокурыми волосами, съ окладистой бородой. Первая ярость прошла: поляки не стали болѣе умерщвлять никого, но сами русскіе, предводимые священниками и монахами, бросались въ огонь, рѣшаясь лучше погибнуть, чѣмъ терпѣть поруганіе и униженіе отъ побѣдителей [2]). Такъ святитель смоленскій безстрашно ободрялъ свою паству въ критическій моментъ, когда смерть угрожала всѣмъ. Вмѣстѣ съ Шеинымъ онъ былъ отправленъ въ Польшу въ плѣнъ [3]).

Подобно Смоленскому архіепископу, проявили свое мужество въ Новгородѣ во время войны съ Швеціей мит-

[1]) А. Э. II, 188. стр. 322. Авторъ лѣтописи о мятежахъ говоритъ, что архіепископъ Сергій былъ въ розни съ Шеинымъ, потому что хотѣлъ сдаться королю. По свидѣтельству-же Кобѣржицкаго, Шеинъ, съ совѣта архіепископа Сергія, не хотѣлъ ни слушать, ни толковать предложеній о сдачѣ. Костомаровъ. Смут. время, т. III. стр. 352; См. о томъ-же ист. рус. цер. Пр. Мак., т. X, стр. 205.

[2]) Костомаровъ, смут. время, т. III. стр. 191.

[3]) Карамзинъ, ист. Рос., т. XII, стр. 191.

рополитъ Исидоръ и протоіерей Аммосъ. Швеція, призванная въ качествѣ союзницы при Шуйскомъ, по сверженіи его и при выдвинутой кандидатурѣ Владислава, обратилась во врага для Россіи, при своей враждѣ съ Польшей. Какъ мы уже видѣли, Новгородцы не отказывались идти въ общемъ движеніи городовъ [1]). Въ это время Шведскій военачальникъ Делагарди осадилъ городъ. Митрополитъ Новгородскій Исидоръ во время осады мужественно поддерживалъ осажденныхъ своею молитвою. Онъ совершалъ крестные ходы съ чудотворною иконою Знаменія Божіей Матери, древней святыней Новгородской, нѣкогда спасшей городъ отъ непріятеля. Народъ въ теченіе цѣлаго дня молился со своимъ архипастыремъ о спасеніи города. [2]). Когда во время взятія города многіе изъ гражданъ бились на смерть со врагами, не уступилъ имъ въ мужествѣ Софійскій протоіерей Аммосъ. Онъ былъ за что-то подъ запрещеніемъ у своего архипастыря и потому не принималъ участія въ молебствіяхъ, совершаемыхъ митрополитомъ Исидоромъ на городской стѣнѣ. Запершись со своими людьми въ своемъ дворѣ, протоіерей Аммосъ упорно отбивался отъ непріятеля. Митрополитъ Исидоръ, видя съ городской стѣны мужество этого воина-пастыря, издали благословилъ и тѣмъ разрѣшилъ его отъ запрещенія, когда встрѣтились ихъ взоры. И протоіерей Аммосъ, въ мирѣ съ церковью, мученически за отечество кончилъ свою жизнь. Когда непріятель подложилъ огонь подъ его дворъ, онъ погибъ въ пламени вмѣстѣ со своими слугами [3]).

---

[1]) А. Э. II, стр. 314.

[2]) Костомаровъ, Смут. время, т. III, стр. 218.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 227—228.

ГЛАВА V-я.

Разстройство ополченія городовъ и убійство Ляпунова. Видѣнія и общій постъ. Послѣдняя грамота патріарха Гермогена въ Нижній, смерть его. Характеристика патріарха Гермогена. Лжепатріархъ Игнатій.

Въ составъ городового ополченія, организованнаго Ляпуновымъ, вошли такіе элементы, которые были доселѣ на сторонѣ Тушина. Все, говоритъ Платоновъ, что прежде въ Замосковьѣ держалось Тушина, теперь увлеклось въ движеніе противъ польской власти [1]). Призывъ во имя вѣры на очищеніе земли отъ враговъ, провозглашенный святителемъ Гермогеномъ, на котораго въ это время были обращены взоры всѣхъ, не остался безслѣднымъ, и среди этихъ старыхъ враговъ государства. Они увидѣли, что встаетъ по этому призыву вся земля „въ соединеніи и любви" и потому примкнули къ общему ополченію на земскую службу. Задачей этого ополченія была не только борьба съ поляками, засѣвшим въ Москвѣ, но организація управленія государствомъ. Административныя функціи этого соборнаго правительства выразились въ постановленіи 30 іюня 1611 года [2]), выработанномъ по челобитной всѣхъ находящихся въ ополченіи. „Эта челобитная не люба бысть Трубецкому и Заруцкому" [3]). Однако собралась дума. Она, говоритъ Костомаровъ, хоть и

---

[1]) Платоновъ, Очерки по ист. смуты, стр. 493.

[2]) Карамзинъ, т. XII, прим. 793.—Платоновъ, Очерки по ист. смуты, стр. 502.—Костомаровъ, См. вр., т. III, стр. 171—174.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 224.

казалась собраніемъ чиновъ всей земли, но не была тѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что въ ней не было духовныхъ [1]). По мнѣнію Платонова, изъ анализа приговора 30 іюня неизбѣжно слѣдуетъ выводъ, что редакція даннаго законодательнаго акта принадлежитъ той сторонѣ подмосковнаго ополченія, которую можно назвать консервативною и землевладѣльческою. Приговоромъ 30 іюня эта сторона ополченія набросила на вольную казачью массу сѣть стѣсненій и обязательствъ. Казаки, разумѣется, поняли то положеніе, въ какое ихъ поставилъ земскій приговоръ и не склонны были съ нимъ помириться. Не имѣя законныхъ средствъ повернуть дѣло по своему и передѣлать приговоръ въ свою пользу, они пошли на открытый мятежъ противъ земской власти [2]). „И съ тояжъ поры, говоритъ авторъ лѣтописи о мятежахъ, начаша казаки надъ Прокофьемъ думати, какъ бы его убити“ [3]). И, дѣйствительно, Ляпуновъ былъ вскорѣ убитъ. Этотъ печальный фактъ насилія казачества надъ заемщиной заставилъ послѣднюю разойтись по домамъ [4]). Такимъ образомъ, старанія святителя Гермогена остались тщетными. Подъ Москвой остались казачьи таборы и воровскія власти. Правительственная организація, говоритъ Платоновъ, созданная усиліями заемщины, теперь стала служить казачеству. Обладаніе центральнымъ административнымъ организмомъ обращало воровскихъ вожаковъ въ правительственную власть и открывало имъ возможность распоряжаться всею страною. Въ этомъ была большая опасность для московскаго общества. Оно теперь имѣло надъ собою два правительства:

---

[1]) Костомаровъ, тамъ-же, стр. 171.

[2]) Очерки, стр. 513—514.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 224.

[4]) Тамъ-же.

польско-литовское въ Москвѣ и казацко-воровское въ таборахъ подъ Москвою. Первое грозило ему политическимъ порабощеніемъ, второе — общественнымъ переворотомъ. Первое было страшно, потому что опиралось на военную силу, — второе — потому, что овладѣло только что созданнымъ въ рати 1611 г. правительственнымъ устройствомъ [1]). Захвативъ власть въ свои руки, казаки ѣздили вокругъ Москвы и занимались грабежомъ. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ Сидорка. Онъ послалъ казакамъ грамоту и они съ радостью цѣловали ему крестъ, отправивши въ помощь ему отрядъ [2]). Благодаря этому, Сидорка взялъ Псковъ. Кромѣ сего Псковскаго вора или 3-го Лжедимитрія, въ это-же время явился и 4-й, Астраханскій, котораго признало почти все Поволжье [3]). При крайне печальномъ положеніи центра государства, на его окраинахъ господствовали Польша и Швеція. Сигизмундъ въ это время захватилъ Смоленскъ, — Новгородъ по договору подчинился Швеціи. Наступила самая печальная пора смутной эпохи, извѣстная подъ именемъ лихолѣтья. Казалось, что государство окончательно погибнетъ.. Бѣдствія достигли высшаго напряженія... Нужна была сила, способная сплотить всѣхъ въ одно цѣлое, подавить эгоизмъ и вражду. Если всѣ русскіе люди разъединены были какъ государство, то оставалась крѣпкая связь, ненарушившаяся государственными бѣдствіями. Интересы партійные пали предъ этой связью. Это была вѣра православная, дѣлавшая всѣхъ безъ различія единымъ братствомъ во Христѣ. Она налагала на каждаго долгъ забыть вражду и проявить любовь рѣшительно ко всѣмъ. Говоря иначе, въ

[1]) Очерки по ист. см., стр. 516.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 230—231.

[3]) Иловайскій, Смут. время, стр. 215.

это то именно время Церковь, какъ организмъ, проявила основной законъ своей жизни,—единеніе по вѣрѣ, любовь въ силу братства во Христѣ. Государство погибало и распадалось въ силу вражды его членовъ между собою, эгоизма, желанія однихъ слоевъ населенія захватить въ свои руки власть и подчинить другихъ. Это вело къ враждѣ и междоусобіямъ, грозившимъ окончательнымъ распаденіемъ государства, потерей національной и политической самобытности. Отъ этой катастрофы и спасаетъ Церковь, пробудивши въ народѣ сознаніе единства по вѣрѣ и, какъ вытекающее изъ этого сознанія слѣдствіе,—прекращеніе вражды, примиреніе всѣхъ во имя вѣры, любовь другъ ко другу, какъ брату во Христѣ.

Обратимся къ фактической сторонѣ происходившихъ далѣе событій. Что переживалъ народъ подъ вліяніемъ надвигающейся государственной катастрофы въ это тяжелое время,—это мы видимъ изъ народныхъ сказаній о видѣніяхъ. Прежде всего народъ понялъ, что текущія тяжелыя событія—грѣхъ его самого, это вражда, эгоизмъ, словомъ всѣ тѣ дурные соки, которые выступили наружу въ это время. Грѣху этому повинна вся Россія: „отъ великихъ, благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, отъ главы до ногу, вси неисцѣльными струпами обязашася и Содома и Гомора и безчисленныхъ исполнишася“ [1]). Поэтому и постигло всю Русь такое наказаніе, какое ни произносили не едина книга богословецъ, ниже житія святыхъ, и ни философскія и ни царьственныя книги, ни гранографы и ни историки, ни прочія повѣстныя книги [2]). Видя въ бѣдствіяхъ смуты свой грѣхъ, народъ пришелъ къ сознанію необходимости всеобщаго нравственнаго очи-

[1]) Р. И. Б., XIII, 225.

[2]) Тамъ-же.

щенія, покаянія. Это и видимъ мы изъ видѣній, такъ ярко иллюстрирующихъ народную психологію въ это время.

„Хощу вамъ повѣдати: зѣло то дѣло полезно нынѣшнему роду лукавому и непокоривому сему отбѣгшихъ отъ заповѣдей Божіихъ и уклонившихся отъ милости Господни: помрачи убогихъ зависть бѣсовская и направи отпадшихъ свѣту діаволю, многоразличіе имущи" [1]). Такъ начинаетъ авторъ свою повѣсть о видѣніяхъ, желая преподать наставленіе роду лукавому и называетъ далѣе словомъ Божіимъ эту повѣсть: „аще кто благовѣренъ и благочестивъ хощетъ быти, да съ радостію пріидутъ послушати слова Божіи [2]). Одному благочестивому человѣку, именемъ Григорію, въ Нижнемъ Новгородѣ 26 мая 1611 г. во время сна въ храминѣ было слѣдующее видѣніе. Вдругъ поднялся покровъ храма того (гдѣ спалъ Григорій) и раскрылся на всѣ четыре страны. Въ сіяніи небеснаго свѣта увидѣлъ Григорій Господа, сходяща въ образѣ человѣческомъ, и съ нимъ человѣка въ бѣлыхъ ризахъ, который сталъ съ правой стороны отъ Григорія. Господь возсѣлъ на персяхъ Григорія и благословилъ его. Онъ велѣлъ Григорію проповѣдать во градѣ семъ, чтобы приняли постъ съ покаяніемъ. Затѣмъ предстоящій сказалъ Господу: Господи, зри въ Россійскомъ государствѣ вселенскій соборъ собираютъ отъ всея земли власти митрополиты и архіепископы и епископы, и архимандриты и всѣ православные христіане и молятся тебѣ человѣколюбцу Богу: простити-ли ихъ. На вопросъ предстоящаго Господь отвѣчалъ: да, аще буде покаются что и вѣрою и отъ всего сердца своего во всѣхъ грѣсехъ своихъ и постятся и молятся Богу три дня и три ноци неумолкно и не ядуще

[1]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 235.

[2]) Тамъ-же.

и отвращу отъ нихъ праведный гнѣвъ свой". Такъ къ общему посту и покаянію призываетъ, по словамъ видѣнія, самъ Господь. Это показываетъ самоанализъ народомъ своего нравственнаго состоянія. Разбираясь въ грѣхахъ смуты, народъ видѣлъ, что „нѣсть истины въ царѣ-же и въ патріаршѣ, ни во всемъ священномъ чинѣ, ни во всемъ народѣ" [1]). Поэтому и призывъ къ покаянію, казалось ему, могъ раздаться только свыше—отъ самого Бога.—Получивъ такой отвѣтъ Господа, предстоящій спросилъ его, какіе именно дни нужно поститься. Господь назначилъ понедѣльникъ, вторникъ и среду. Постясь, народъ долженъ оставить разбои, татьбу, душегубство... и всякія злыя неподобныя дѣла. Кромѣ того, онъ долженъ построить храмъ Господу и Богоматери [2]) и освятить его вселенскимъ соборомъ. Если народъ все это исполнитъ, то Господь наполнитъ и насытитъ его Духомъ Святымъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что нравственное самоочищеніе всего православнаго крестьянства должно завершиться построеніемъ храма. Здѣсь сказалась чисто православно-русская черта—любовь къ храму Божію, постройкой которыхъ народъ какъ-бы ставитъ памятники важныхъ въ его исторической жизни событій. Когда предстоящій сказалъ Господу, что Московское государство стало нечисто отъ иноплеменниковъ - враговъ, и потому лучше поставить храмъ въ Новгородѣ, Господь отвѣчалъ: доколѣ собирается вселенскій соборъ, Московское государство очищу Духомъ Святымъ. Затѣмъ Господь велѣлъ принести образъ Владимірской Божіей Матери изъ Владиміра и поставить въ новоосвященномъ храмѣ. Здѣсь-же должны быть положены свѣща отъ соборныя церкви воску не-

[1]) Тамъ-же, стр. 183.

[2]) Платоновъ, Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 124.

возженнаго и бумага, на которой по истеченіи трехъ дней будетъ написано имя будущаго царя, указуемаго самимъ Господомъ. „Аще-ли поставятъ царя, по своей волѣ, на вѣки не будетъ царь“.... Здѣсь такъ рельефно выступаетъ идея, что новоизбранный, по очищеніи земли отъ враговъ, царь долженъ быть указанъ свыше. Изстрадавшись подъ правленіемъ царей, избираемыхъ по своей волѣ,—Годунова и Шуйскаго, народъ пришелъ къ мысли, что будущій царь долженъ быть чистъ отъ грѣховъ смуты и самъ Богъ вложитъ имя его въ сердца православныхъ крестьянъ. Выслушавъ все сказанное Господомъ, предстоящій спросилъ Его: что будетъ, если народъ не послушаетъ Его воли и не повѣритъ видѣнію. Господь грозилъ за это погибелью всему государству. Тогда предстоящій велѣлъ Григорію проповѣдывать безъ боязни о своемъ видѣніи. При этомъ ему было открыто, что Нижній Новгородъ постигнетъ буря велія изъ рѣки Волги, если Григорій скроетъ свое видѣніе, или-же, если Новгородцы во градѣ своемъ удержатъ Господне явленіе и написавъ не пошлютъ въ Московское государство и въ иные грады. Было указано даже время бури этой—въ день недѣльный, съ вечеру въ послѣднемъ часу дни какъ солнце на закатъ пойдетъ [1]). Затѣмъ видѣніе исчезло. Повелѣніе Господа записать видѣніе и послать въ Москву и иные грады Григорій немедленно исполнилъ и вѣсть о видѣніи стала быстро распространяться. Появился списокъ его подъ Москвою въ полкахъ, „невѣдомо откуда взявся.“ Описавъ самое видѣніе лѣтописецъ говоритъ: „въ Нижнемъ-же того отнюдь не бяше, и мужа Григорія незнаша и посту въ Нижнемъ не бывшу, и Нижегородцы о томъ дивляхуся, откуда то взяся: но обаче азъ написахъ се,

[1]) Лѣт. о мят., стр. 232.

а не мимо идохъ“ [1]). Поэтому все происшедшее—и видѣніе, и сильный подъемъ религіознаго чувства, вызванный имъ, кажутся ему тайной отъ Бога или отъ человѣкъ, но „видя такую вѣру въ Бога, онъ въ забвеніе положити не смѣлъ“ [2]). Другое видѣніе [3]) было во Владимірѣ 24 августа того же года нѣкоей Меланіи, женѣ одного торговца мясомъ. Во время сна явилась ей при сильномъ свѣтѣ жена въ свѣтлыхъ ризахъ, держа поверхъ своей головы на рукахъ большой и чудный образъ. Она повелѣла Меланіи идти въ соборную Церковь и тамъ исповѣдать духовенству и всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы постилися и молилися со слезами. Господь услышитъ моленіе ихъ, отвратитъ праведный гнѣвъ свой, побѣдитъ враговъ, борющихъ и волнующихъ, и дастъ земли тишину и благодѣтельное житіе. Меланія отвѣчала: „азъ есмь млада,—аще и повѣмъ, не имутъ вѣры.“ Тогда жена сказала, что невѣрующіе будутъ наказаны жаромъ и гадами и показала Меланіи этихъ гадовъ: много жужелицъ и червей множество и змія превелика. Меланія отъ страху никому не говорила о своемъ видѣніи и оно повторилось. Жена съ прещеніемъ велѣла ей проповѣдывать постъ и покаяніе. Услышавъ о видѣніи, Владимірцы старые и молодые постились и молились три дня, а затѣмъ писали въ ближніе и дальніе города о происшедшемъ у нихъ. Повѣсть объ обоихъ видѣніяхъ—Нижегородскомъ и Владимірскомъ —быстро распространилась по всему государству. Получая отписки о нихъ, каждый городъ пересылалъ ихъ въ ближайшіе. По совѣту освященнаго собора и всей земли, во всѣхъ городахъ всѣ православные христіане постились

[1]) Тамъ-же, стр. 231.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 240—242.

и молились въ указанное время, воздерживаясь совершенно отъ пищи и питья [1]). Это былъ постъ всего православнаго крестьянства, всей русской Церкви. Каждый кающійся примирялся, конечно, со своимъ сосѣдомъ, такъ какъ примиреніе съ окружающими предъ постомъ и покаяніемъ — освященный вѣками обычай, сохраняющійся доселѣ. Но миръ и единеніе въ данный моментъ были естественными психологическими слѣдствіями послѣ покаянія. Примиренные другъ съ другомъ объединялись на одно общее дѣло — очищеніе земли отъ враговъ. Внутреннее единство приводило такимъ образомъ къ единству внѣшнему. Рознь и вражда гасли при общемъ постѣ и покаяніи. Такимъ образомъ создавалась почва для возстанія на борьбу съ врагами. Молитва и постъ, говоритъ Платоновъ, сдѣлавши всѣхъ готовыми къ жертвѣ и подвигу, не указывали, какой надобенъ подвигъ и какія потребны жертвы [2]). Каждый городъ былъ готовъ идти на врага и звалъ своего сосѣда: программа дѣйствій указывалась многими голосами. Но всѣ эти голоса повторяли въ сущности лишь то, что писали въ своихъ посланіяхъ заточенный поляками патріархъ Гермогенъ и освобожденная отъ Тушинской осады братія Троицкаго монастыря [3]).

Когда все православное крестьянство совершало нравственное самоочищеніе постомъ и покаяніемъ, его первосвятитель томился въ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ. Но онъ своимъ великимъ духомъ сообщался со своей паствой молитвою. Не смотря на строгость заключенія, онъ слышалъ о всемъ происходившемъ за стѣнами заключавшей его обители. Къ нему являлись безстрашные люди,

[1]) А. Э. II, 149.

[2]) Очерки по ист. см., стр. 520.

[3]) Платоновъ, тамъ-же, стр. 521.

съ которыми онъ велъ бесѣду. Они сообщали ему о всемъ, происходившемъ въ погибающемъ отечествѣ, и онъ давалъ свои руководственныя указанія. Нижній, какъ мы видимъ изъ грамоты патріарха [1]), прислалъ къ нему бывшихъ уже у него Родіона Моисеева и Романа Пахомова съ совѣтными челобитными. Когда подъ Москвою въ ополченіи Ляпунова казаки взяли на себя роль правительства съ Заруцкимъ во главѣ, то сталъ распространяться слухъ, что Заруцкій, извѣстный своими близкими отношеніями къ Маринѣ, хочетъ возвести на царство ея сына [2]). Нижегородцы, вѣроятно, и сообщили объ этомъ патріарху чрезъ указанныхъ лицъ въ своей челобитной, прося у Гермогена совѣта и руководства. Патріархъ понялъ, какую бѣду могутъ принести казаки, если они восторжествуютъ съ Мариниымъ сыномъ во главѣ. Свои мысли онъ высказалъ и послалъ изъ Нижняго и отправилъ туда съ ними грамоту, которая была послѣдней въ его жизни [3]). Преподавши благословеніе, миръ, прощеніе и разрѣшеніе освященному собору и всѣмъ людямъ, патріархъ проситъ Нижегородцевъ писать въ Казань митрополиту Ефрему. Послѣдній долженъ писать въ полки боярамъ учительную грамоту, да и къ Казанскому войску [4]), чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ и не брали бы на царство Маринкина сына. Патріархъ сообщалъ всѣмъ о злоумышленіи казаковъ возвести на царство воренка. Города завели между собою переписку о дѣйствіяхъ воровъ, призывая быть въ любви и соединеніи, стоять крѣпко противъ поляковъ и воровъ, т. е. казаковъ и не пускать ихъ въ города. Государь, писали города,

[1]) А. э. II, 194,—С. г. г. и д., II, 268.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Въ актахъ экспедиціи вмѣсто казанскому стоитъ казацкому такъ и въ С. г. г. и д.

долженъ быть избранъ всею землею, а если казаки начнутъ выбирать государя, „по своему изволенію, не сославшись со всею землею, того государя не хотѣти“ [1]). Такое общее и единодушное движеніе противъ казаковъ и за выборъ государя всею землею было вполнѣ естественно послѣ общаго внутренняго объединенія всѣхъ постомъ и покаяніемъ. Патріархъ Гермогенъ спѣшилъ извѣстить чрезъ Нижній всѣ города о томъ, противъ чего города единодушно возстали—выбора казаками государя. Онъ, проклиная отъ себя и отъ освященнаго собора Маринина сына, просилъ Нижегородцевъ писать объ этомъ всюду, и послать съ грамотами въ полки Родіона Моисеева и Романа Пахомова, которые должны сообщить о томъ-же словомъ самаго патріарха. Отправляя грамоту съ ними, Гермогенъ увѣщевалъ ихъ говорить въ полкахъ безстрашно, что „отнюдь проклятый, т. е. сынъ Марины, не надобе“, говорить отъ лица его самого. „Если вы и постраждете, говорилъ патріархъ посламъ, Богъ проститъ Вамъ и разрѣшитъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ. А вамъ всѣмъ, заключаетъ Гермогенъ свою послѣднюю грамоту, отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣкѣ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно и я долженъ за васъ Бога молити“. Мы видимъ, съ какой настойчивостью Гермогенъ зоветъ всѣхъ противъ казаковъ. Онъ, какъ видно изъ его грамоты, былъ весьма взволнованъ слухомъ о намѣреніяхъ ихъ—новомъ самозванцѣ и потому такъ настойчиво звалъ на борьбу съ казаками. Грамота, какъ увидимъ далѣе, оказала свое быстрое дѣйствіе,—движеніе началось изъ Нижняго, куда обратился патріархъ. Какъ мы сказали, грамота эта была послѣднимъ памятникомъ дѣятельности приснопятнаго святителя—борца за

[1]) А. Э. II, № 197.—С. г. г. и д., II, 269.—А. И. II, № 333.

спасеніе родной земли. Когда поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ, услышали о движеніи въ Нижнемъ, то послали къ Гермогену съ требованіемъ остановить движеніе. Онъ отвѣтилъ на это: да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы и окаянные измѣнники Московскаго государства будьте прокляты [1]). Раздраженные поляки и русскіе измѣнники стали еще болѣе тѣснить святителя-страдальца за отечество. Они рѣшили морить его голодомъ. 17 февраля 1612 г. онъ мученически кончилъ свою жизнь голодною смертью [2]). Тѣло его было погребено сначала въ Чудовомъ монастырѣ, а въ 1652 году торжественно перенесено въ Успенскій соборъ [3]).

Дѣятельность патріарха Гермогена, какъ мы видѣли, проходитъ ярко чрезъ всю эпоху смуты. Онъ, можно сказать, спасъ все государство отъ распаденія и чужеземнаго порабощенія. Около него группировались и другіе доблестные іерархи въ дѣлѣ спасенія отечества, а народъ слушался его голоса. Святитель Гермогенъ былъ центромъ движенія на спасеніе погибающаго отечества, того движенія, которое вышло отъ церкви—сначала отъ пастырей, а затѣмъ и отъ пасомыхъ, объединившихся во имя

---

[1]) Лѣт. о мят., стр. 238.

[2]) Тамъ-же.—Нов. лѣт., стр. 146.—А. Э. II, № 202.—Сказ. совр. о Дим. самозв., т. V, стр. 87. Въ Руконисн Фил. (Сб. Мух., стр. 319) сказано: генваря въ 17 день святѣйшій Гермогенъ патріархъ мученически за вѣру Христову скончась, отъ зноя затхошася... По польскимъ извѣстіямъ, Гермогенъ удавленъ былъ (Ист. р. ц. Пр. М., т. X, стр. 156, прим. 107).

[3]) Прав. соб., 1866, іюнь. Мощи священномученника Гермогена при перенесеніи ихъ въ Успенскій соборъ были найдены нетлѣнными. Въ 1812 г. враги—грабители извлекли ихъ изъ ящика, думая, что тамъ скрыты сокровища. По изгнаніи Наполеона изъ Москвы мощи Гермогена найдены нетлѣнными наполу. Толстой, разск. изъ ист. рус. цер., стр. 432, пр. 31—по изд. 5-му.

единой вѣры православной. При имени Гермогена, говоритъ о немъ одинъ изслѣдователь его жизни и дѣятельности,—мысль каждаго русскаго человѣка какъ-бы окрыляется чувствомъ живѣйшей благодарности и съ нимъ переносится въ ту эпоху нашей исторической жизни, когда этотъ стятитель, знаменитый своими историческими подвигами, послужилъ спасенію отечества и церкви русской. Онъ, столпъ церкви и отечества, непоколебимый тогда, когда колебалась вся Россія. Изучая Гермогена, можно изучать русскихъ въ эту самую многознаменательную эпоху нашего отечества, можно изучить и русскаго человѣка вообще, потому что, здѣсь то по преимуществу онъ становится вокругъ своего первосвятителя, какъ-бы на духовный судъ со своими прекрасными качествами и недостатками [1]). Приснопамятный для каждаго православно-русскаго человѣка, патріархъ Гермогенъ, конечно, не былъ въ тѣни и у современниковъ, лѣтописцевъ смутной эпохи. Для характеристики его мы извлечемъ взгляды современниковъ, а затѣмъ обратимся къ нашимъ историкамъ.

Дѣятельность патріарха Гермогена запечатлѣна его грамотами. Въ нихъ отразился образъ великаго святителя, такъ болѣвшаго о спасеніи отечества,—въ нихъ онъ зоветъ свою паству—русскую церковь—крѣпко стоять за основу нашей національной самобытности—вѣру православную и тѣмъ представляется самъ какъ истинный пастырь, непоколебимый защитникъ цѣлости православной вѣры и церкви русской, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ примѣрный гражданинъ своего отечества. Поэтому и дѣписатели смутной эпохи личности патріарха Гермогена удѣляютъ много вниманія, характеризуя его также какъ защитника вѣры и спасителя отечества. Характеристика

[1]) Рублевскій, патріархъ Гермогенъ. Странникъ. 1864 г. II, стр. 78.

ихъ выразилась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ эпитетахъ, какіе присвоили они ему, упоминая его имя. Они называютъ его „неложнымъ стоятелемъ и крѣпкимъ поборателемъ по вѣрѣ христіанской [1]), великимъ и крѣпкимъ непоколебимымъ столпомъ, по Бозѣ и Пречистой Его Матери, крѣпкою стѣною и забраломъ, поборникомъ непобѣдимымъ, добрымъ евангельскимъ пастыремъ [2]), разумнымъ и твердымъ адамантомъ [3]), отцомъ отцовъ [4]), крѣпкимъ воиномъ Христовымъ, препоясаннымъ Словомъ Божіимъ“ [5]) Всѣ эти эпитеты говорятъ намъ о томъ, какимъ ореоломъ нравственнаго величія былъ окруженъ во взглядахъ современниковъ святитель Гермогенъ [6]). Поэтому рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ характеристика его въ устахъ автора такъ называемаго „Иного сказанія“. Онъ такъ говоритъ о патріархѣ Гермогенѣ: „бысть словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласивъ, о Божественныхъ-же словесѣхъ присно упражняшеся и вся книги Ветхаго закона и Новыя Благодати и уставы церковныя и правила законныя до конца извыче. А нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніи до конца извыче, ко злымъ-же и благимъ не быстро распрозрителенъ, но льстивымъ паче и

---

[1]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 191.

[2]) Тамъ-же, стр. 207.

[3]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 197.

[4]) Тамъ-же, стр. 203.

[5]) Тамъ-же, стр. 206.

[6]) Эпитеты эти мы заимствуемъ изъ такъ называемой Новой повѣсти о Московскомъ государствѣ. Взгляды на событія, говоритъ объ этомъ произведеніи изслѣдователь ихъ Платоновъ (Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 102), отзывы о лицахъ, тонъ, которымъ говоритъ авторъ о томъ или другомъ современномъ явленіи, драгоцѣны для историка потому, что помогаютъ ему уловить и возсоздать первые пробѣски того общественнаго настроенія, которое быстро окрѣпло, сплотило народную массу однимъ національнымъ чувствомъ и повело къ возвращенію государственнаго порядка и національной самостоятельности.

къ лукавымъ прилежа и слуховѣрствователенъ бысть. О семъ бо убо нѣкій прореченъ: яко во всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть и отъ добраго нрава злыми совратенъ, якоже и сей преложенъ бысть отъ нѣкихъ мужей зміеобразныхъ, иже лесть сшивающе, козньми сплетоша, иже о Василіи царѣ злорѣчствомъ наводиша мятежницы словесы лестными. Онъ-же имъ всѣмъ вѣруетъ и сего ради къ царю Василію строптивно, а не благолѣпно бесѣдоваше всегда, понеже внутрь уду имый на совѣтованный огнь ненависти: и на супостатныя коварства, якоже лѣпо бѣ, никакоже отчелюбно совѣщевающе съ царемъ“ [1]). Такая рѣзкая характеристика святителя Гермогена говоритъ, повидимому, не въ пользу его. Авторъ повѣсти ставитъ ему въ упрекъ какъ-бы жестокую суровость. Скорѣй можно видѣть здѣсь не это, но лишь непреклонную твердость патріарха — столь драгоцѣнное качество въ это время общаго шатанія. Авторъ повѣсти могъ принять это качество за суровость. Мы видимъ, что другими современниками святитель Гермогенъ характеризуется какъ пастырь добрый, готовый положить душу за своихъ овецъ. И мы знаемъ, что онъ завершилъ свою дѣятельность на спасеніе столь дорогого ему гибнущаго отечества мученическою смертью. Такимъ образомъ не суровую жестокость, а любовь носилъ въ сердце этотъ страдалецъ за отчизну. Любвеобильный къ истиннымъ сынамъ церкви и отечества, Гермогенъ могъ быть суровъ къ тѣмъ, кто колебался и на десно и на шуе. Его видимая суровость была скорѣй пастырски-отеческою строгостью и ревностью о спасеніи отечества и пасомыхъ, о которыхъ такъ онъ болѣлъ своей прямой душой. Вспомнимъ хотя-бы сцену бесѣды его съ измѣнниками-бояра-

[1]) Р. И. Б., т. XIII, стр. 124—125. Изб. Поп., стр. 200—201.

ми и особенно съ Салтыковымъ, готовымъ поднять ножъ на него. Здѣсь мы видимъ поражающее величіе святителя въ минуту угрозъ ему смертью. Онъ, дѣйствительно, рѣзко говоритъ убійцѣ Молчанову, но эта рѣзкость вполнѣ естественное негодованіе того, кто такъ ратовалъ за спасеніе отечества.—Что-же касается отношеній Гермогена къ Шуйскому, то изъ самыхъ дѣйствій его видно, что онъ больше всѣхъ видѣлъ въ Шуйскомъ законнаго царя, такъ необходимаго въ то время. Гермогенъ разсѣевалъ и опровергалъ ложные слухи о царѣ. Если лѣтописца возбуждало противъ Гермогена то, что онъ твердо и прямо говорилъ Шуйскому о его дѣятельности, то здѣсь опять надо видѣть прежде всего ревность Гермогена о прекращеніи смуты. Поэтому и прилежаніе Гермогена къ слухамъ клеветъ на Шуйскаго—позволяетъ видѣть въ лицѣ, говорившемъ такъ о Гермогенѣ, одного изъ враговъ святителя, которыхъ у него при прямотѣ его характера, безъ сомнѣнія, было не мало. Что это вѣрно, то мы видимъ изъ слѣдующаго. Въ одномъ спискѣ Степенной книги, принадлежавшей патріарху Никону, есть отповѣдь на характеристику, авторъ которой говоритъ, что это писаніе о патріархѣ Гермогенѣ нѣкто отъ мятежныхъ написа, хулу и ложь сказуя. Какъ видно изъ самаго Хронографа (гдѣ помѣщена рѣзкая характеристика Гермогена), этотъ нѣкто жилъ въ Москвѣ и принадлежалъ къ церковному клиру. Вѣроятно, это былъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Терентій, давшій невыгодный отзывъ о патріархѣ Гермогенѣ еще въ повѣсти о видѣніи нѣкоему мужу духовну. Послѣ 1606 года онъ былъ лишенъ своей должности и получилъ ее снова только въ концѣ 1610 года и не чрезъ патріарха, а по указу Сигизмунда. Уже одно это обстоятельство о нравственныхъ качествахъ Терентія и

его отзывъ о Гермогенѣ, конечно, не можетъ быть безпристрастенъ [1]). Итакъ указанная рѣзкая характеристика святителя Гермогена является единственной среди другихъ, проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ къ личности святителя, и потому не можетъ набросить тѣни на великаго борца за спасеніе отечества.

Обращаясь къ нашей исторической литературѣ, мы видимъ, что въ изслѣдованіяхъ о смутномъ времени святитель Гермогенъ представляется вождемъ среди православно-русскихъ людей, ратовавшихъ за спасеніе погибавшаго отечества. Каждый изъ нашихъ отечественныхъ историковъ считаетъ несомнѣнными историческія заслуги патріарха Гермогена въ эпоху смуты. Но нѣкоторые изъ нихъ повторяютъ въ своихъ характеристикахъ вышеуказанный рѣзкій отзывъ автора „Иного сказанія.“ Такъ Костомаровъ не только беретъ этотъ отзывъ, но расширяетъ его въ крайне непривлекательную характеристику. Онъ называетъ Гермогена ревнителемъ старины, ненавистникомъ иноземщины. „Въ архіерейскомъ санѣ Гермогенъ показывалъ высокомѣріе, былъ вообще злого нрава, чрезвычайно суровъ и жестокъ, окружалъ себя дурными и злыми людьми и вообще дѣлалъ много несправедливостей. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ безпрестанно досаждалъ царю, чтобы выказать свое достоинство. И патріархъ и царь равно любили слушать сплетни и наушничества“ [2]). Соловьевъ, приводя указанный отзывъ, говоритъ, что современники жалуются на жестокость нрава, непривлекательность въ обращеніи, неумѣренную строгость и охотное слушаніе навѣтовъ и доносовъ [3]). Но самъ Соловьевъ такъ

[1]) Христ. чтеніе за 1903 г., т. 2 стр. 660—661, Обзоръ журналовъ.
[2]) Костомаровъ, смут. время, т. II, стр. 40.
[3]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VIII, стр. 169.

характеризуетъ патріарха Гермогена: сопротивленіе неправославнымъ поступкамъ Лжедимитрія уже показывало въ Гермогенѣ человѣка съ твердымъ характеромъ, готоваго страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла: такимъ образомъ патріархъ по природѣ своей былъ совершенно въ уровень своему высокому положенію въ бурное смутное время [1]). Платоновъ также приводитъ этотъ рѣзкій отзывъ автора „Иного сказанія“ и говоритъ: трудно, разумѣется, провѣрить эту характеристику. Высокій подвигъ патріарха, запечатлѣнный его мученичествомъ за народное дѣло, закрылъ отъ глазъ потомства всю предшествующую дѣятельность Гермогена и поставилъ его на высокій пьедесталъ, съ котораго стали незамѣтны дѣйствительныя черты его личности. Но историкъ долженъ сознаться, что тонкая характеристика писателя современника, звучащая сочувственнымъ сожалѣніемъ о судьбѣ Гермогена, не можетъ быть опровергнута другими данными о патріархѣ. Напротивъ, она какъ будто вполнѣ соотвѣтствуетъ прочимъ даннымъ... Пріѣхавъ въ Москву изъ Казани, Гермогенъ засталъ въ столицѣ извѣстный порядокъ, политическій и церковный, установленный безо всякаго съ его стороны участія. И онъ призналъ этотъ порядокъ... Личный авторитетъ и личное вліяніе Гермогена въ царствованіе Шуйскаго были ничтожны.... Бурное теченіе Московскихъ дѣлъ увлекло собою Гермогена не въ томъ направленіи, какого онъ хотѣлъ держаться [2]). Обратившись къ историку нашей церкви—Преосвященному Макарію, мы находимъ у него слѣдующую характеристику святителя Гермогена: „имя патріарха Гермогена должно остаться безсмертнымъ въ исторіи

[1]) Тамъ-же.

[2]) Очерки по ист. см., стр. 477—478.

Россіи и русской церкви потому, что онъ ревностнѣе, мужественнѣе, непоколебимѣе всѣхъ стоялъ за ту и другую, онъ преимущественно спасъ ихъ въ самую критическую минуту ихъ жизни. Неудивительно, если первосвятителя этого такъ высоко цѣнили и уважали современные ему русскіе люди" [1]). Далѣе Пр. Макарій приводитъ отзывы современниковъ русскихъ о Гермогенѣ. Указывая отмѣченный нами рѣзкій отзывъ, онъ говоритъ: нашелся только одинъ неизвѣстный по имени тогдашній лѣтописатель, который желалъ указать и темныя стороны въ характерѣ и дѣятельности патріарха Гермогена, но мало заслуживаетъ вѣры [2]). Такъ характеризуется въ нашей исторической литературѣ великій поборникъ спасенія отечества въ самыя тяжелыя его минуты. Имя его должно быть извѣстно каждому русскому человѣку, для котораго прошлое его родины дорого и свято... Пусть духъ Гермогена живетъ не только въ пастыряхъ нашей церкви, но и въ каждомъ русскомъ человѣкѣ.

Заканчивая настоящую главу, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о сверженномъ патріархѣ Игнатіи. Въ то время, когда патріархъ Гермогенъ томился въ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ, русскіе измѣнники вывели отсюда Игнатія. Съ нимъ во главѣ, считая его своимъ патріархомъ, они представляли собой рѣзкій контрастъ всей русской церкви съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ, который хотя и былъ въ заключеніи, но признавался всѣми патріархомъ. Пять лѣтъ прожилъ Игнатій опальнымъ инокомъ въ совершенной нищетѣ. Едва-ли вполнѣ индифферентно онъ относился къ смутамъ государства. Строгій монастырскій надзоръ, суровое обращеніе какъ съ опаль-

[1]) Ист. р. ц., т. X, стр. 164.

[2]) Тамъ-же, стр. 165.

нымъ убили въ Игнатіи и то малое чувство расположенія къ нашему отчеству, какое могло быть у него [1]). Своимъ переходомъ на сторону русскихъ измѣнниковъ Игнатій сталъ рѣшительно врагомъ Россіи. Но по паствѣ былъ и пастырь. О возведеніи его въ патріархи его пасомые извѣстили своего патрона—короля Сигизмунда [2]). 24 марта 1611 г. въ Пасху Игнатій выступилъ служить въ Кремлѣ, сердцѣ Россіи, среди враговъ ея [3]), онъ молился за Сигизмунда и Владислава [4]). Но вскорѣ послѣ этого, предвидя опасность своего положенія, онъ бѣжалъ въ Литву. Захваченный на пути поляками, онъ былъ представленъ Сигизмунду. Тотъ предложилъ ему возвратиться въ Москву или остаться въ Польшѣ. Игнатій поселился въ Виленскомъ уніатскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ принялъ унію и такимъ образомъ подвелъ итогъ своей дѣятельности, выйдя на сцену исторіи съ самозванцевъ и сойдя съ нея съ нашими врагами въ Польшу, такъ много надѣлавшую зла нашему отечеству въ эту эпоху.

---

[1]) Игнатій, патріархъ Московскій,—Левитскій, Хр. чт. 1887 г., I. 32.

[2]) Нов. лѣт., стр. 134.

[3]) Левицкій, тамъ-же; Пр. Мак., истор. р. ц., т. X., стр. 157.

[4]) Акты Зап. Рос., т. 4, стр. 435.

ГЛАВА VI-я.

Дѣятельность Троицкой обители. Нижегородское ополченіе. Мининъ и Пожарскій. Дѣятельность Палицына на соединеніе рати Пожарскаго съ казаками. Очищеніе Москвы отъ поляковъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.

Смерть патріарха Гермогена не оказала парализующаго вліянія на народное движеніе для спасенія отечества, но оно было доведено до конца. Еще при жизни Гермогена, но уже по заключеніи его подъ стражу, на спасеніе отечества выступила знаменитая Троицкая обитель. Не смотря на то, что она выдержала продолжительную осаду отъ поляковъ, она была сильна духомъ своего великаго основателя. Поэтому она выступила и въ годину лихолѣтія на спасеніе земли въ лицѣ своего настоятеля, уже извѣстнаго намъ своею дѣятельностью на защиту власти Шуйскаго, какъ царя, а также въ лицѣ келаря Аврамія Палицына, бывшаго въ посольствѣ подъ Смоленскомъ, и вообще всей братіи. Изъ стѣнъ этой обители, выдержавшихъ осаду отъ враговъ, въ это время одна за другой летѣли грамоты, призывавшія все православное крестьянство на то великое дѣло, на которое звалъ и патріархъ Гермогенъ. Еще въ то время, когда на престолѣ былъ Шуйскій, отсюда, какъ мы видѣли, выходили писанія, увѣщевавшія повиноваться законному царю [1]). Но вотъ настало время, особенно тяжелое для Россіи, когда поляки

---

[1]) Сказ. Палицына, стр. 69.

стали хозяйничать въ Москвѣ. 10-го марта 1611 г. Москва была опустошена страшнымъ пожаромъ и многіе жители ея были избиты поляками. Вѣсть объ этомъ разореніи столицы донеслась до Троицкой обители. Келарь Палицынъ такъ говоритъ объ этомъ, описавши страшное опустошеніе города: „тогожъ дни на страстной недѣлѣ во вторникъ въ Троицкой Сергіевъ монастырь прибѣжалъ изъ Москвы боярскій сынъ Яковъ Алехановъ и сказалъ архимандриту Діонисію, келарю старцу Авраамію и всей братіи злоубійственную вѣсть, иже сотворися надъ царствующимъ градомъ Москвою“ [1]) Архимандритъ и братія, услышавъ это, прежде всего обратились съ горячей молитвой къ Богу и небеснымъ покровителямъ обители и всей земли русской преподобнымъ Сергію и Никону. А затѣмъ „на спѣхъ отпустили къ царствующему граду на помощь отрядъ Андрея Палицына съ 50 монастырскими слугами князя Туменскаго съ двумя товарищами, двухъ сотниковъ съ 200 стрѣльцами“. Кромѣ того, они отправили посла въ Переяславль Залѣсскій съ просьбою о помощи. Затѣмъ по всѣмъ городамъ къ боярамъ и воеводамъ были посланы грамоты [2]). Кромѣ Палицына [3]), о посылкѣ этихъ грамотъ свидѣтельствуетъ Симонъ Азарьинъ. Онъ говоритъ, что послѣ того, какъ въ монастырѣ узнали о разореніи Москвы, поспѣшили послать туда грамоты поучительныя, которыя составлялись въ келіи архимандрита Діонисія. „И сихъ его трудовъ грамотамъ во многи города дошедшимъ

[1]) Сказ. Пал., стр. 247.

[2]) Тамъ-же, стр. 248.

[3]) Говоря о точной посылкѣ грамоты въ Казань въ іюлѣ, онъ замѣчаетъ, что она составлена по прежписанному (сказ., стр. 253). Выраженіемъ по прежписанному, по мнѣнію Скворцова, предполагается, что и раньше этого изъ монастыря посылались грамоты (Скворцовъ, Пр. Діонисій, стр. 72).

ходяще и пріидоша подъ Москву бояринъ князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой и Иванъ Заруцкій и прочіе отъ многихъ городовъ со многимъ воинствомъ и вмѣстѣ съ Прокофіемъ Ляпуновымъ обступиша Московское государство" [1]). Такимъ образомъ, грамоты Діонисія такъ же, какъ и Гермогена, способствовали движенію къ Москвѣ городового ополченія. Палицынъ объ этомъ высказывается: сицевымъ-же грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы во вся россійскіе грады достизающимъ и слуху сему въ ушеса всѣмъ распространяющемуся, милостію Пребезначальныя Троицы по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ помалѣ разгарающеся духомъ ратнымъ и вскорѣ сославшеся, сподвигошася отъ всѣхъ градовъ со всѣми своими воинствы поидоша къ царствующему граду на отомщеніе крови христіанскія [2]). Грамоты эти сообщали о многоплачевномъ разореніи московскаго государства и призывали поспѣшно идти къ царствующему граду на поляковъ и русскихъ измѣнниковъ [3]). Палицынъ перечисляетъ всѣхъ тѣхъ воеводъ, которые собрались въ Москвѣ. По мнѣнію Скворцова, грамоты Діонисія застали Ляпунова съ ополченіемъ въ Коломнѣ. Конечно, говоритъ онъ, эти новыя грамоты съ извѣстіемъ о новыхъ бѣдствіяхъ (т. е. о происшедшемъ въ Москвѣ пожарѣ предъ приходомъ городового ополченія), проникнутыя истиннымъ патріотизмомъ и живо рисовавшія картину новыхъ бѣдствій, оказали свою долю вліянія и на Ляпунова и на его ополченіе: они поддерживали въ войскѣ то настроеніе и духъ, которые

---

[1]) Заимствуемъ изъ цит. соч. Скворцова, стр. 72—73.

[2]) Сказ. Палиц., стр. 251.

[3]) Тамъ-же, стр. 249—250.

были возбуждены въ немъ грамотами и воззваніями Гермогена и самого Ляпунова [1]).

Кромѣ грамотъ и присылки ратной помощи въ Москву, дѣятельность Діонисія выразилась еще въ широкомъ благотвореніи всѣмъ бѣглецамъ изъ разоренной и сожженной поляками Москвы на страстной недѣлѣ 1611 г. Они цѣлыми толпами бѣжали изъ столицы [2]), не имѣя тамъ ни жилищъ, ни средствъ къ жизни. Такъ какъ кругомъ Москвы въ это время всюду грабили, то бѣжавшіе устремились въ Троицкій монастырь, какъ безопасное убѣжище. Трудно себѣ представить, говоритъ Скворцовъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи многіе изъ нихъ являлись въ монастырь. Вотъ какъ описываетъ ихъ современникъ и очевидецъ Иванъ Насѣдка: „мнози испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ременіе изъ хребтовъ вырѣзаны, а у иныхъ на крестъ руки и ноги обсѣчены, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ, — паче-же, заключаетъ онъ, изрещи невозможно, каковыми различными смертьми то-

---

[1]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 75. Онъ даже приписываетъ имъ такое значеніе, что Ляпуновъ пользовался формою ихъ для своихъ отписокъ (стр. 76). Признавая за грамотами Діонисія такое вліяніе на ополченіе Ляпунова, что оно поспѣшило идти къ Москвѣ благодаря имъ, Скворцовъ полемизируетъ съ Голохвастовымъ и Забѣлинымъ. Они видятъ въ свидѣтельствахъ Палицына анахронизмъ, потому что Палицыну выходитъ какъ будто только Троицкія грамоты возбудили народное движеніе на защиту Москвы. Свидѣтельство Палицына, говоритъ Скворцовъ, не есть слѣдствіе намѣренной лжи, скрывшей хорошіе подвиги другихъ, а произошло это скорѣй отъ неточности сообщенія, которую можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ разсылка первыхъ Троицкихъ грамотъ произошла все-таки раньше окончательнаго собранія къ Москвѣ ополченія, то естественно разсказать о ней и помѣстить раньше, а потомъ уже сдѣлать описаніе того, что произошло послѣ (т. е. описаніе собранія войскъ подъ Москвою). Скворцовъ, цит. соч., стр. 80.

[2]) Нов. лѣт., стр. 133.

ними бяху" [1]). Такими-то крайне несчастными людьми монастырь былъ переполненъ; иные спѣшили сюда только для того, чтобы исповѣдаться и помереть: нѣкоторые помирали еще на дорогѣ къ монастырю. Однимъ словомъ, монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими или-же неимущими ни крова, ни пищи, ни одежды. Самъ князь Пожарскій, израненный во время стычки съ поляками на Срѣтенской улицѣ, привезенъ былъ въ обитель преподобнаго Сергія [2]). При видѣ такого множества несчастныхъ архимандритъ Діонисій рѣшилъ созвать на общій совѣтъ братію обители. Матеріальныя средства монастыря, вынесшаго столь продолжительную осаду, весьма истощились. Но не истощился у иночествующихъ поборниковъ спасенія отечества духъ христіанскаго благотворенія. На общемъ совѣтѣ рѣшено было „промышлять, кто что смыслитъ, или сбирать на потребу бѣднымъ" [3]). Всѣ стали трудиться. Небесный покровитель этого пріюта—монастыря—оказалъ свою помощь въ чудѣ. Когда выходила къ концу вся мука, бравшіе ее изъ житницы замѣтили, что она не убавляется въ сусекахъ. Всѣ сочли, что это небесная помощь основателя обители. [4]) И вотъ всѣ несчастные нашли себѣ въ обители и пріютъ, и пищу, и одежду,—больные врачевались, умирающіе погребались по христіански. Но не только приходившіе въ монастырь находили помощь. По распоряженію архимандрита, монастырскіе слуги ѣздили по сосѣднимъ селамъ и деревнямъ, чтобы помочь больнымъ, не могущимъ дойти до обители [5]).

[1]) Скворцовъ, тамъ-же, стр. 196.

[2]) Тамъ-же, ст. 96—97.

[3]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 98

[4]) Тамъ-же, стр. 100—101.

[5]) Тамъ-же, стр. 99.

Какъ намъ уже извѣстно, ополченіе Ляпунова заключало въ своемъ составѣ враждебные другъ другу элементы, а потому „бысть у нихъ промежъ себя розпь великая и дѣлу ратному спорины не бысть межъ ими.“ [1]). Что должны были чувствовать, говоритъ Скворцовъ, люди, много потрудившіеся въ дѣлѣ возбужденія и собранія ополченія и возлагавшіе на него, несомнѣнно, большую надежду,—что должны были они чувствовать, видя, что дѣло рукъ ихъ разрушается. Конечно, они не могли не скорбѣть [2]). Архимандритъ Діонисій съ келаремъ и братіей по всѣ дни совершали молебны о помощи ополченію, о прекращеніи въ немъ вражды и несогласія. Съ цѣлію религіозно-нравственнаго воздѣйствія на ополченіе Діонисій освятилъ воду и послалъ съ ней въ станъ келаря Палицына. Тотъ, явившись сюда, укрѣплялъ все христолюбивое воинство отъ Божественныхъ писаній быть въ мирѣ [3]). Желая призвать на помощь для рати Ляпунова новыя силы, Діонисій съ Палицынымъ разослали объ этомъ свои грамоты въ Казань, Новгородъ, Вологду, Пермь, во всѣ понизовые города и на Поморье [4]). Основная идея грамотъ такова: враги отечества разорили государство и причинили вредъ церкви, такъ тѣсно связанной съ государствомъ: поднимемся на защиту ихъ. Но для этого намъ нужно тѣсно объединиться, мы сами враждуемъ между собою. Вражда ненормальна между нами, такъ какъ мы по своей вѣрѣ должны проявлять другъ ко другу любовь, по вѣрѣ мы должны быть братьями между собою, мы христіане, закономъ жизни которыхъ должна быть любовь другъ ко другу. Объединив-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 214.

[2]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 84.

[3]) Сказ. Пал., стр. 253.

[4]) А. Э. II, № 190.

шись братской христіанской любовью, мы можемъ бороться съ врагами нашего отечества и вѣры православной. Вотъ общія мысли грамотъ. Послѣ обычнаго привѣтствія всѣмъ освященнымъ соборомъ грамоты эти говорятъ, что за грѣхи православнаго крестьянства учинилось въ Московскомъ государствѣ междоусобіе въ крайней степени вражды даже родныхъ между собою —отца на сына, сына на отца —и пролилась единородная кровь въ этомъ междоусобіи. Усмотря такое междоусобное время, враги государства Салтыковъ и Андроновъ, предатели христіанскіе, оставивъ православную вѣру и перейдя въ латинство къ полякамъ и литовскимъ людямъ, вѣчнымъ врагамъ христіанства, навели этихъ иноплеменниковъ на святыя Божіи церкви, на поруганіе и сокрушеніе Божіихъ образовъ и разореніе нашей истинной православно-христіанской вѣры. Въ этой фразѣ ясно видно желаніе авторовъ грамотъ представить читателю Салтыкова и Андронова прежде всего врагами церкви и вѣры православной и тѣмъ пробудить въ народѣ религіозное чувство, сознаніе необходимости встать противъ враговъ вѣры православной. Поэтому и говорится, что Салтыковъ и Андроновъ перешли въ латинство, чего на самомъ дѣлѣ не было. Пусть Салтыковъ и Андроновъ не переходили въ латинство, но они были на сторонѣ католической Польши, на сторонѣ враговъ православія. Упомянувши далѣе о цѣлованіи всѣми креста Владиславу, при условіи перехода его въ православіе, грамоты говорятъ о тѣхъ безобразіяхъ, какія творили вошедшіе въ Москву поляки, благодаря Салтыкову и Андронову. Они Московское государство выжгли, людей убивали, разрушили и надругались надъ храмами и иконами, низвергнули съ безчестіемъ защитника церкви и отечества

патріарха Гермогена и пролили много христіанской крови. Видя такое злое и страшное дѣло, воеводы Трубецкой, Заруцкій и Ляпуновъ, а съ ними бояре и дѣти боярскія, положа упованіе на Бога, Пресвятую Богородицу, на Московскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, сошлись подъ Москвой для борьбы съ врагами, а другіе города также шлютъ сюда свои рати. Поэтому вспомните истинную православную христіанскую вѣру, взывали грамоты, вспомните, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей и знаменались печатью, святымъ крещеніемъ и обѣщались вѣровать во святую живоначальную и нераздѣльную, единосущную Троицу, вѣровать Богу живовому и истинному. Прося у Бога милости и возложивше упованіе на силу животворящаго креста Господня, Бога ради, положите подвигъ своего страданія, просите служилыхъ людей, чтобы быти всѣмъ православнымъ крестьянамъ въ соединеніи и стати сообща противъ вѣчныхъ враговъ креста Христова. Вы сами видите конечную гибель отъ нихъ и то разореніе, какое учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ святыя Божіи церкви и святыя иконы? Гдѣ иноки, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все-ли до конца разорено, оскорблено поруганіемъ? Гдѣ народъ христіанскій,—не всѣ-ли скончались отъ горькой и лютой смерти или, безъ милосердія пострадавши, отведены въ плѣнъ? Враги не пощадили глубокихъ старцевъ, не устыдились ихъ сѣдинъ,—не пощадили и младенцевъ грудныхъ.... Всѣ мы испили чашу постигшаго насъ гнѣва Божія.... Вспомните это и смилуйтесь при общей смертной опасности, чтобы и васъ самихъ не постигла такая-же гибель. Пусть служилые люди безъ всякаго промедленія спѣшать въ Москву на собраніе всѣмъ пра-

вославнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу бываетъ одно время, а дѣло не во время не ведетъ къ цѣли. Отложите всякое недовольство и вражду между собою ради Бога, чтобы единодушно всѣмъ положить подвигъ страданія для избавленія православной христіанской вѣры. Если совокупнымъ и единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ къ Богу, Пресвятой Богородицѣ, Московскимъ чудотворцамъ и всѣмъ святымъ и сообща дадимъ обѣщаніе положить жизнь за православную христіанскую вѣру, то Господь услышитъ молитву нашу и избавитъ насъ отъ нашествія лютой смерти и вѣчнаго порабощенія латинскаго. Смилуйтесь и умилитесь, немедленно возьмитесь за это дѣло ради крестьянскаго избавленія, помогите казною и посылкой ратныхъ людей, чтобы собравшіеся подъ Москвой ради скудости не разошлись, объ этомъ васъ со слезами усердно всѣмъ народомъ христіанскимъ слезно челомъ бьемъ [1]). Такъ заключаютъ свою грамоту Троицкіе духовные ратоборцы за спасеніе отечества. Какъ желали они возжечь въ народѣ религіозно-патріотическія чувства, погасить вражду во имя вѣры Христовой, объединить всѣхъ, какъ братьевъ по вѣрѣ! И труды ихъ не остались безплодными. Мы уже видѣли, какъ православное крестьянство поняло необходимость проявить на дѣлѣ, что они другъ другу братья по вѣрѣ — всѣ каялись и примирялись другъ съ другомъ, какъ братомъ во Христѣ, для объединенія на спасеніе отечества. Нужно было уничтожить раздоръ между собою, погасить вражду для единодушной борьбы за спасеніе гибнущаго отечества. И это совершается всѣми общимъ покаяніемъ, приведшимъ къ примиренію всѣхъ. Общаго единенія не было въ рати Ляпунова, въ немъ казачество было раз-

[1]) А. Э. II, № 190, 202; С. г. г. и д., II, № 275.

лагающимъ элементомъ. Оно, какъ мы видѣли, готовило новую смуту въ лицѣ сына Марины. Сначала казаки сошлись съ общей ратью городовъ,—призывъ патріарха не остался и для нихъ безплоднымъ. По своей вольной натурѣ ради своихъ личныхъ выгодъ они готовы были на новый мятежъ. Но и у нихъ не угасло сознаніе, что они православные христіане и они откликнулись на призывъ патріарха. Вмѣстѣ съ ополченіемъ городовъ они встали на общаго врага-поляковъ. Но вотъ создается рѣшеніе 30 іюня 1611 г. о привилегіяхъ служилыхъ людей. Дикіе инстинкты снова пробудились въ казацкой вольницѣ. Напрасно звали Троицкіе иноки Казань и другіе города на помощъ Ляпунову. Казаки подняли вражду, кончившуюся убійствомъ Ляпунова, и снова были готовы на мятежъ. Они стали грабить и убивать народъ вблизи Москвы. Патріархъ Гермогенъ, какъ мы знаемъ, услышалъ, что они снова готовятъ самозванца, и всецѣло вооружился противъ нихъ, какъ показываетъ разсмотрѣнная нами его грамота въ Нижній. Иначе относились къ казачеству Троицкія власти. Послѣ разстройства ополченія Ляпунова роль правительства, которую имѣло это ополченіе, захватили въ свои руки казаки. Обитель Троицкая территоріально находилась въ ихъ власти. Для патріарха, говоритъ Платоновъ, таборы казаковъ были вражескимъ станомъ, для монастыря они были правительственнымъ центромъ: патріархъ предостерегалъ города отъ общенія съ подмосковнымъ войскомъ, а монастырь взывалъ къ тѣмъ же городамъ о помощи этому войску и о соединеніи съ нимъ на общаго врага. Сидя въ тюрьмѣ на Кирилловскомъ подворьѣ, Гермогенъ совершенно былъ свободенъ отъ всякихъ партій и вліяній, дѣйствовавшихъ въ Московскомъ обществѣ, а монастырскія власти, трудясь на

просторѣ, были связаны по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ возобладавшей временно казаческой власти [1]). Помимо этого Троицкіе иноки могли понимать, что казачество — сила, которая можетъ быть и полезной и вредной въ борьбѣ съ врагами. И они взяли на себя роль воспользоваться этой силой, всецѣло стараясь соединить казачество съ земщиной. Поэтому мы и видимъ между казаками и Троицкою обителью такое согласное взаимное отношеніе. Монастырь бьетъ челомъ Трубецкому и Заруцкому объ утвержденіи своихъ правъ на завѣщанныя имѣнія и тѣ исполняютъ это [2]). Въ это время враги государства усилились съ приходомъ подъ Москву польскаго гетмана Хоткевича. Ополченіе Ляпунова давно уже разошлось по городамъ, а подъ Москвою были лишь казаки съ Трубецкимъ и Заруцкимъ во главѣ. Къ ополченію городовъ они вышли для борьбы съ поляками. Разстроивъ это ополченіе, они съ приходомъ Хоткевича очутились лицомъ къ лицу съ врагами-поляками, ихъ осадившими [3]). Въ такомъ критическомъ положеніи Трубецкой съ товарищими и многими атаманами обратились „со многимъ моленіемъ“ въ Троицкую обитель, чтобы писали грамоты во всѣ города о помощи противъ польскихъ и литовскихъ людей, а также о присылкѣ свинца и пороха [4]). По мнѣнію Скворцова, хотя архимандритъ обители, Діонисій, уже зналъ, что продѣлываютъ казаки подъ Москвою, но когда отъ одного изъ вождей ихъ услыхалъ желаніе биться съ поляками, лишь-бы новыя силы русскаго народа помогли ему, то преподобный не могъ не задаться мыслію объ

---

[1]) Очерки по ист. см., стр. 525.

[2]) А. Э. II, № 192; Платоновъ, тамъ-же, стр. 525.

[3]) Сказ. Пал., стр. 257.

[4]) Палицынъ, тамъ-же, стр. 257.

объединеніи различныхъ слоевъ русскаго народа для общаго дѣла [1]). Но онъ сначала всетаки созываетъ совѣтъ съ братіею и находящимися въ обители боярами, дворянами и дьяками, и потомъ исполняетъ просьбу Трубецкого. Снова пишутся грамоты со многимъ моленіемъ ко всему христолюбивому воинству о помощи на иноплеменныхъ и посылаются во всѣ города Россійскія для сбора ратныхъ людей. Кромѣ того, для этого-же дѣла въ Ярославль и во всѣ замосковные города были разосланы послы. На помощь Трубецкому посланы были пѣшіе монастырскіе слуги съ увѣщательными посланіями ждать помощи. Со слугами послали свинецъ и порохъ, чего просилъ Трубецкой, и потомъ отправляли эти снаряды всегда, вынимая ихъ даже изъ орудій [2]).

Грамота, писанная на этотъ случай по просьбѣ Трубецкого, была послана 6-го октября 1611 г. Она по своему содержанію буквально сходна съ грамотами отъ 13 іюля того-же года и проникнута той-же идеей необходимости во имя вѣры забыть взаимную вражду и объединиться какъ братьямъ во Христѣ для защиты отечества и вѣры православной [3]). Но говоря о воеводахъ, собравшихся подъ Москвою весною 1611 г., грамота эта совершенно умалчиваетъ о Ляпуновѣ, такъ что ополченіе это является по грамотѣ имѣющимъ во главѣ только Трубецкого и Заруцкаго. Поэтому здѣсь обойдены молчаніемъ и смуты, бывшія въ ополченіи городовъ, и убійство Ляпунова. Впрочемъ, въ этой грамотѣ, какъ и въ іюльской, есть такая фраза: „хотя будетъ и есть близко въ вашихъ предѣлѣхъ которые недовольни, Бога ради

[1]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 89.

[2]) Сказ. Пал., стр. 257—258.

[3]) С. г. г. и д., № 275.

отложите на время"... Въ теченіе 1611 г., говоритъ Платоновъ, Діонисій и его писцы борзые еще вѣрятъ въ возможность общаго дѣйствія и прочнаго единенія казачества и земскихъ слоевъ и рознь ихъ представляется временною и случайною [1]). На это и указываетъ взятая нами фраза изъ грамоты о прекращеніи недовольства. Въ виду такого намѣренія, Троицкіе иноки и молчали о смутѣ. Пока эти смуты казались переходящими („на время отложите"), иноки должны были, по мнѣнію Платонова, молчать о нихъ уже изъ простого приличія и изъ боязни повредить дѣлу народнаго единенія оглашеніемъ ихъ [2]).

Хотя грамота патріарха въ Нижній о злоумышленіи казаковъ возвести на царство Маринина сына и грамоты Троицкой обители представляли казачество различно, но въ нихъ одинаково продолжалась объединительная миссія церковью народа во имя вѣры православной. Починъ народнаго движенія, приведшаго къ желаемымъ результатамъ – очищенію государства отъ враговъ и избранія всей землею царя, принадлежалъ Нижнему Новгороду. Городъ этотъ еще во дни царя Василія Шуйскаго, среди измѣнъ при 2-мъ самозванцѣ, былъ подобенъ острову среди бурнаго моря [3]). Сюда, какъ мы видѣли, обратился патріархъ Гермогенъ съ грамотою о намѣреніи казаковъ возвести на царство Маринина сына. Изъ нижняго также вышло видѣніе объ очищеніи народа постомъ и покаяніемъ. Словомъ, здѣсь началась и развивалась та сложная работа общественнаго самосознанія, какую хотѣла пробудить церковь въ грамотахъ Гермогена и Троицкой обители. Этому способствовалъ здѣсь видный дѣятель вообще въ жизни

1) Платоновъ, очерки, стр. 526.

2) тамъ-же.

3) Скворцовъ, цитированное сочиненіе, стр. 130; А. Э., II. № 107.

города протоіерей Савва. Еще при Шуйскомъ онъ пріобрѣлъ здѣсь важное вліяніе среди всего духовенства, которое по царской грамотѣ Шуйскаго должно было слушаться Саввы [1]). Кромѣ него, здѣсь былъ печерскій архимандритъ Ѳеодосій. Оба они, конечно, внимали голосу своего первоіерарха и Троицкой обители и дѣйствовали въ томъ-же направленіи, какъ и они. Народъ не оставался глухъ къ призыву пастырей церкви. Поэтому-то среди Новгородцевъ и появился такой человѣкъ, который „по—Зоровавельски" скорбѣлъ душой о гибели отечества: —мы имѣемъ въ виду Козьму Минина. Симонъ Азарьинъ въ своей книгѣ о чудесахъ преподобнаго Сергія такъ характеризуетъ эту замѣчательную личность смутной эпохи: „человѣкъ живый благочестивымъ житіемъ и цѣломудріемъ и въ прочихъ добродѣтеляхъ животъ свой препровождая... безмолвіе любя, отходя въ особую храмину, Бога присно имѣя въ сердцѣ своемъ" [2]). Общая, по смыслу, характеристика эта всетаки говоритъ, что Мининъ былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ, какихъ людей воспитывала наша дореформенная Русь съ ея церковнымъ укладомъ даже въ домашнемъ быту. Въ смутную эпоху, когда устои государственной жизни были расшатаны и выступили наружу прививавшіеся долго нехорошія черты въ народѣ, осталась одна сила, которую не могли въ людяхъ, подобныхъ Минину, поколебать бѣдствія—это глубокая религіозность. Прежде чѣмъ выступить Минину въ роли организатора народнаго движенія, онъ призываетъ на это особымъ чудеснымъ образомъ, какъ объ этомъ разсказываетъ Симонъ Азарьинъ [3]). Преподобный Сергій Радонежскій,

[1]) А. И. II, № 96.

[2]) Кедровъ. Авраамій Палицынъ-Чт. въ О-вѣ ист. и др. 1880 г., т. IV. стр. 97.

[3]) Кедровъ, тамъ-же.

небесный покровитель нашего отечества, является во снѣ Минину, повелѣвая ему казну собирать, воинскихъ людей надѣлять и идти на очищеніе Московскаго государства. Когда проснувшійся Мининъ поразмыслилъ, что „воинское строеніе ему незнакомо, и забылъ о видѣніи", оно повторилось. Пр. Сергій на этотъ разъ говоритъ уже съ гнѣвомъ ему: „не рѣхъ-ли ти о семъ, понеже изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ помиловать православныхъ христіанъ и отъ многаго мятежа въ тишину привести. Сего ради рѣхъ ти казну собирати и ратныхъ людей подѣлити, да очистятъ съ Божіею помощью Московское государство отъ безбожныхъ поляковъ и прогонятъ еретиковъ. И сіе ему прирече, яко старѣйшіе въ таковое дѣло не внидутъ. Но и паче юніи начнутъ творити и начинаніе ихъ дѣло благо будетъ и въ совершеніе пріидетъ" [1]). Нельзя, конечно, подъ старѣйшими разумѣть лицъ вообще старшихъ возрастомъ, а подъ юными молодыхъ. Смыслъ этой фразы таковъ, что движеніе за спасеніе отечества и вѣры должно исходить отъ юныхъ т. е. низшихъ слоевъ государства, незапятнавшихъ себя тѣми грѣхами, въ какихъ повинны были старѣйшіе, т. е. высшіе слои. Пробудившись отъ страха и чувствуя себя больнымъ, Мининъ сталъ молиться пр. Сергію объ исцѣленіи и раскаивался въ своемъ небреженіи, размышляя, „какъ и откуда начать дѣло". Въ это время онъ избирается въ земскіе старосты и видитъ въ этомъ Божій промыселъ. Со слезами и плачемъ онъ сталъ говорить въ земской избѣ и въ другихъ мѣстахъ о немедленномъ единодушномъ возстаніи на враговъ для спасенія гибнущаго отечества. Рѣчи Минина имѣли свое вліяніе. Начались пожертвованія на ратныхъ людей. Мининъ принялъ по общему приговоу роль сбор-

[1]) Кедровъ, цит. соч., стр. 98.

щика и хранителя пожертвованій на ратныхъ людей [1]). Такъ починъ ополченія, говоритъ Платоновъ, принадлежалъ безспорно Нижегородской посадской общинѣ, а въ средѣ этой общины земскому старостѣ Минину. Онъ первый собою началъ пожертвованія на ратныхъ, за нимъ пошли и прочіе гости и торговые люди, принося казну [2]) Такимъ образомъ, общественное самосознаніе Нижегородцевъ было уже подготовлено къ тому великому дѣлу, на которое отозвалась вся земля. Если начало этому положилъ тяглый классъ, то для общаго признанія нужна была широкая его огласка. Въ это время, когда уже зародилось сознаніе необходимости встать на спасеніе отечества, но оставалось такъ сказать въ потенціальномъ состояніи, въ Нижній пришла грамота Троицкой обители отъ 6-го октября.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ указать положеніе въ нашей исторической литературѣ вопроса, что послужило началомъ къ движенію Нижегородцевъ, грамота-ли Троицкой обители или работа общественнаго самосознанія подъ вліяніемъ грамоты Гермогена. Мы не вдаемся въ полемику съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ по данному вопросу, что не входитъ въ нашу задачу.

Первый поднялъ вопросъ о значеніи для Нижняго грамоты Троицкой обители И. Е. Забѣлинъ. Въ своей монографіи — „Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время“ — онъ говоритъ: обыкновенно разсказываютъ (и это стало уже непогрѣшимою истиною), что Нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представ-

[1]) Тамъ-же, стр. 98—99.

[2]) Очерки, стр. 529.

ляется въ такомъ видѣ,—что Нижегородцы до того времени какъ будто по словамъ легенды въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоетъ необходимость помочь отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Авраамій Палицынъ и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о таковомъ дѣйствіи троицкихъ грамотъ и самыхъ грамотахъ не говорятъ ни слова [1]). Противъ такого крайняго мнѣнія Забѣлина выступили—Кедровъ въ своемъ сочиненіи „Авраамій Палицынъ" [2]) и Скворцовъ въ сочиненіи—„Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря (нынѣ лавры)" [3]). Оба они подробно разбираютъ мнѣніе Забѣлина по данному вопросу и высказываются въ томъ смыслѣ, что Троицкая грамота имѣла рѣшающее значеніе для Нижегородцевъ, уже готовыхъ встать на спасеніе отечества подъ вліяніемъ грамоты Гермогена. Троицкой грамотѣ, говоритъ Скворцовъ, мы придаемъ значеніе послѣдняго толчка и это не значитъ, что мы считаемъ ее единственной силой, поднявшей возстаніе; послѣднимъ толчкомъ Троицкая грамота явилась потому, что она пришла въ Нижній въ такое время, когда Нижегородцы были уже достаточно возбуждены и настроены, чтобы вставать за общее дѣло; не доставало, если можно такъ выразиться, еще нѣкоторыхъ градусовъ въ этой настроенности, чтобы она перешла на степень самоотверженности; эти недостающіе градусы и были восполнены Троицкой грамотой и рѣчью Минина [4]). Забѣлинъ, высказавшись крайне отрицательно о значеніи Троицкой гра-

[1]) Стр. 74.

[2]) Чт. въ О-вѣ ист. и др., 1880 г.

[3]) Отдѣл. изд., Тверь 1890 г.

[4]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 131.

моты въ Нижнемъ Новгородѣ, говоритъ, что сказанію Палицына повѣрили и историки. Возражая противъ такого мнѣнія, Скворцовъ говоритъ: Забѣлинъ несправедливъ, когда приписываетъ историкамъ мнѣніе о дѣйствіи въ Нижнемъ Троицкой грамоты въ той крайней формѣ, въ какой выразилъ онъ его самъ. На повѣрку оказывается, что такого мнѣнія, съ какимъ борется Забѣлинъ, вовсе и нѣтъ у историковъ (разумѣется, историковъ болѣе извѣстныхъ), а его выдумалъ самъ Забѣлинъ [1]). Обращаясь къ историку Соловьеву, мы видимъ, что онъ не подтверждаетъ мнѣнія Забѣлина. Соловьевъ говоритъ: Троицкія грамоты не могли остаться безъ вліянія: народъ готовъ былъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ силъ могучаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Сказавъ далѣе объ очищеніи всей земли покаяніемъ по откровенію свыше въ видѣніяхъ, онъ продолжаетъ: и такъ все было готово: движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Далѣе Соловьевъ продолжаетъ разсказывать о полученіи Троицкой грамоты въ Нижнемъ и о ея дѣйствіи здѣсь [2]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Соловьева, грамота Троицкой обители была получена тогда, когда здѣсь, какъ и во всей землѣ, народъ, возбужденный покаяніемъ, готовъ былъ встать на спасеніе отечества. Костомаровъ, предпосылая разсказу о дѣйствіи Троицкой грамоты въ Нижнемъ описаніе очищенія всей земли постомъ и покаяніемъ, говоритъ: только въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣ-

[1]) Тамъ-же, стр. 115.

[2]) Ист. Рос., т. XIII, стр. 455—456.

стахъ, вѣрили этому откровенію, всенароднаго сокрушенія не было, а между тѣмъ изъ этого-то Нижняго Новгорода исходило дѣйствительное спасеніе земли русской. Далѣе Костомаровъ передаетъ о приходѣ Троицкой грамоты въ Нижній и о ея дѣйствіи здѣсь [1]). Иловайскій ставитъ Нижегородское движеніе въ зависимость отъ лицъ, способныхъ поднять къ движенію народную массу. Грамоты, говоритъ онъ, несомнѣнно, вездѣ читались съ умиленіемъ и воспламеняли сердца русскаго народа. Но отъ умиленія до дѣла было еще далеко, если-бы неявились люди, которые стали во главѣ новаго движенія и увлекли за собою народную массу. Такіе люди нашлись въ Нижнемъ Новгородѣ [2]). Затѣмъ идетъ разсказъ о дѣйствіи Троицкой грамоты въ Нижнемъ Новгородѣ. Мнѣніе Забѣлина поддерживаетъ Платоновъ. Въ своей монографіи — „Очерки по исторіи смуты“ — онъ говоритъ: большую заслугу И. Е. Забѣлина предъ русскою наукою составляетъ его изслѣдованіе о началѣ нижегородскаго ополченія. Онъ вывелъ вопросъ изъ круга лѣтописныхъ сказаній въ область критическаго изученія и впервые показалъ, что не случайное вліяніе монашеской грамоты, а сложная работа общественнаго самосознанія подняла нижегородскій міръ на его знаменитый подвигъ. Нижегородское движеніе И. Е. Забѣлинъ ведетъ отъ грамоты Гермогена о воренкѣ и начало нижегородскихъ сборовъ относитъ ко времени этой грамоты. Послѣ всего сказаннаго выше не можетъ быть, кажется, сомнѣній въ томъ, что Нижегородцы стояли дѣйствительно гораздо ближе къ патріарху, чѣмъ къ Троицкой братіи. Послѣ хронологическихъ соображеній И. Е. Забѣлина, можно считать доказаннымъ, что Троицкая гра-

[1]) Смут. время, стр. 261.

[2]) Иловайскій, смут. время, стр. 221.

мота отъ 6-го октября 1611 года—та самая, которой приписывали рѣшительное вліяніе на Нижній Новгородъ, застала уже начатое тамъ до нея движеніе [1]). Таково положеніе въ исторической наукѣ даннаго вопроса. Конечно, нельзя отрицать, что, взвѣшивая на хронологическихъ вѣсахъ начала движенія, Забѣлинъ правъ. Наша задача въ данномъ случаѣ—прослѣдить развитіе общественнаго самосознанія всего народа. Троицкая грамота отъ 6-го октября, предметъ полемики между Скворцовымъ и Кедровымъ съ одной стороны и Забѣлинымъ съ другой служитъ выраженіемъ вообще дѣятельности Церкви въ данную эпоху. Она, какъ и грамота Гермогена, дѣйствовала въ томъ-же направленіи и одинаковой цѣли—сплотить народъ во имя вѣры на спасеніе отечества. Въ Нижнемъ Новгородѣ Троицкая грамота не была первымъ толчкомъ для пробужденія сознанія необходимости встать на спасеніе отечества,—такая работа общественнаго самосознанія здѣсь началась раньше. Но всетаки Троицкая грамота имѣла свое вліяніе и здѣсь. Ее можно сравнить съ искрой, которая, попадая въ горючій матеріалъ, воспламеняетъ его и выводитъ скрытую силу въ дѣйствіе изъ потенціальнаго состоянія. Нижегородцы, безъ сомнѣнія, какъ и всѣ, готовы были встать на спасеніе отечества. Послѣдняя грамота Гермогена пробудила ихъ сознаніе, что государству грозитъ гибель. Нельзя согласиться съ Костомаровымъ, который, какъ мы видѣли, говоритъ, что въ Нижнемъ не было всенароднаго сокрушенія. Нижній отдѣлился бы здѣсь отъ всей русской церкви, постившейся по приговору всей землей.

[1]) Цит. соч., стр. 528. Въ примѣчаніи къ страницѣ 226—Платоновъ говоритъ: мы не считаемъ удачными возраженій, предъявленныхъ въ послѣднее время Забѣлину: см. - Діонисій Зобниповскій—Д. Скворцова (Очерки по ист. см., стр. 638).

По полученіи грамоты въ Нижнемъ былъ составленъ совѣтъ, на которомъ были: Ѳеодосій—печерскій архимандритъ, Савва—Спасскій протоіерей, другіе священники, дворяне, дѣти боярскія, головы и старосты боярскіе, отъ которыхъ выступилъ Козьма Мининъ [1]). Послѣдній сказалъ: „Св. Сергій явился мнѣ и повелѣлъ возбудить спящихъ, прочтите-же грамоту властей монастыря Живоначальныя Троицы въ соборѣ, а что Богъ велитъ". На другой день у церкви Св. Спаса заблаговѣстили въ большой колоколъ. Народъ дивился этому, такъ какъ былъ будничный день, но толпами шелъ въ церковь. По совершеніи литургіи протоіерей Савва вышелъ на амвонъ къ народу и сталъ говорить: „Увы намъ господіе чада мои и братія мои, увы намъ. Се-бо пріидоша дни конечные гибели: гибнетъ Московское государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ! О лютаго обстоянія! Польскіе и литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили московское государство разорити и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь обратити. И кто не восплачетъ здѣ, кто не источитъ слезъ отъ очей своихъ. Грѣховъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагамъ нашимъ возноситися. Увы намъ, братія мои и чада-благокрасный-бо градъ Москву оные еретики до основанія разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ братія и что возглаголемъ? Не утвердимся-ли въ соединеніи и не станемъ-ли до смерти стояти за вѣру христіанскую и за святую церковь Успенія и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ? Се-же и грамота просительная властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря" [2]). Затѣмъ Савва со слезами сталъ читать эту грамоту. На-

[1]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 110. Костомар. Смут. время, III, стр. 261.

[2]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 110—111.

родъ слушалъ его и со слезами восклицалъ: Увы намъ, погибаетъ царствующій градъ Москва, погибаетъ и московское государство. Послѣ этого былъ отслуженъ съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ [1]). По выходѣ изъ храма Мининъ, выйдя къ народу, сталъ увѣщевать его пожертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Народъ откликнулся съ радостью на это. Послѣ общаго совѣта отправили послами къ воеводѣ Димитрію Михайловичу Пожарскому печерскаго архимандрита Ѳеодосія, и изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей бить ему челомъ, чтобы ѣхалъ къ нимъ въ Нижній Новгородъ, сталъ-бы за православную вѣру и помочь государству учинилъ-бы [2]). Пожарскій согласился на

[1]) Такъ объ этомъ повѣствуетъ такъ называемая Ельнинская рукопись, открытая въ 1843 г. П. И. Мельниковымъ (Скворцовъ, цит. соч., ст. 109) и напечатанная въ отечественныхъ запискахъ за 1843 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31 (Платоновъ, Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 304, пр. 3). Разсказъ этой рукописи, представленной нами, Забѣлинъ призналъ легендой, составленной народомъ въ дополненіе къ сказанію о видѣнію Минину пр. Сергія (Скворцовъ, цит. соч., стр. 115). Иное мнѣніе высказалъ объ этой рукописи Костомаровъ, признавшій разсказъ ея правдоподобнымъ и относящимся по происхожденію не къ XVII вѣку, а къ болѣе раннему времени (Вѣстникъ Европы, 1871 г. іюнь, стр. 512, 1872 г.г. сентябрь, стр. 20). Противъ Забѣлина высказались также по данному вопросу: Кедровъ (Авраамій Палицынъ, стр. 100—101) и Скворцовъ (Діонисій Зобниновскій, стр. 124). Платоновъ, изслѣдователь сказаній о смутномъ времени, признавая рукопись историческимъ памятникомъ начала XVII или конца XVII вѣка, говоритъ: очевидно, если самъ авторъ и не былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, то имѣлъ о нихъ какія-то данныя. Объяснить сочетаніе точныхъ данныхъ легендарными чертами всего разсказа возможно только тѣмъ предположеніемъ, что дошедшая до насъ легенда Ельнинскаго хронографа представляетъ собою позднее изложеніе и развитіе какого-то ранняго и намъ неизвѣстнаго преданія о подвигѣ Минина. Съ этой только точки зрѣнія она и можетъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе (Древ. рус. сказ. о смут. врем., стр. 306). Онъ-же въ Очеркахъ по ист. см. (стр. 532) говоритъ: всѣ указанія Ельнинской рукописи на лицъ, участвовавшихъ на первомъ общемъ Нижегородскомъ совѣщаніи, могутъ быть признаны основательными, а потому самое извѣстіе рукописи можетъ быть принято, какъ заслуживающее довѣрія.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 234, 235.

это и указалъ на Минина, какъ на человѣка, способнаго собратъ и хранить казну. Общимъ приговоромъ Пожарскій былъ избранъ воеводою, а Мининъ хранителемъ казны. Народъ съ радостью жертвовалъ свое имущество на общее дѣло [1]). Нижегородцы писали грамоты въ поморскіе и понизовые города, чтобы они помогали идти на очищеніе Московскаго государства [2]). Извѣщая о всемъ доселѣ происходившемъ отъ враговъ и единодушномъ возстаніи на нихъ, они писали: „и вамъ-бы, господа, помнити свое общее на чемъ мы всѣ животворящій крестъ цѣловали, чтобы было намъ за надежду нашу, Пресв. Богородицу, и цѣльбоносныя мощи великихъ московскихъ чудотворцевъ и за непорочную христіанскую вѣру противъ враговъ нашихъ польскихъ и литовскихъ людей до смерти своей стояти и нынѣ-бы идти на литовскихъ людей всѣмъ“ [3]). На этотъ призывъ единодушно откликнулись многіе города: Коломна, Рязань, Дорогобужъ, Арзамасъ и др. [4]). Нижній сталъ на время сборнымъ пунктомъ новаго ополченія, надъ которымъ военачальникомъ и былъ Пожарскій.

Собравшееся ополченіе въ мартѣ 1612 г. выступило изъ Нижняго. Сборнымъ пунктомъ, куда направилось оно, былъ Ярославль [5]), незадолго передъ этимъ очищенный отъ казаковъ. Намѣреніе Просовѣцкаго захватить Ярославль, чтобы тѣмъ отрѣзать путь Нижегородскому ополченію, было остановлено. Но въ силу этого Пожарскій пошелъ не къ Суздалю, а на Ярославль. Приходомъ сюда, говоритъ Платоновъ, закончился первый періодъ дѣятель-

[1]) Лѣт. о мятеж., стр. 236, 237.

[2]) Тамъ-же.

[3]) А. Э. II., № 201.

[4]) Лѣт. о мят., стр. 236—237.

[5]) Тамъ-же, стр. 239.

ности Нижегородскихъ воеводъ. Въ Нижнемъ они были мѣстною властью, въ Ярославлѣ имъ было суждено стать общегосударственною. Общій совѣтъ Нижегородскій въ Ярославлѣ долженъ былъ превратиться въ совѣтъ всея земли и былъ пополненъ новыми элементами. Дѣятельность воеводъ и этого совѣта въ Нижнемъ была военно-административною, а въ Ярославлѣ получила характеръ политическій. Словомъ, въ Ярославѣ нижегородская власть преобразилась въ новое правительство всей русской земли [1]). Прибывши въ Ярославль, Пожарскій остановился здѣсь, не двигаясь къ Москвѣ, подъ которой были казаки съ Трубецкимъ, Просовѣцкимъ и Заруцкимъ. Кромѣ того, что Просовѣцкій хотѣлъ овладѣть Ярославлемъ, Трубецкой и Заруцкій поцѣловали крестъ новому самозванцу Псковскому—Сидоркѣ [2]). Казачество заявило себя такимъ образомъ опять враждебно новому ополченію, имѣвшему роль правительства. Казалось, смутѣ приходилъ уже конецъ, но казаки какъ будто хотѣли продолжить ее. Это и было причиной того, что Пожарскій медлилъ идти къ Москвѣ. Примиреніе и соединеніе казачества и нижегородскаго ополченія для совмѣстныхъ дѣйствій противъ поляковъ оказалось невозможнымъ, и, по мнѣнію Платонова, по одной этой причинѣ незачѣмъ было идти въ Москву [3]). Но если для Пожарскаго и его ополченія казаки были враждебнымъ элементомъ, то не такъ смотрѣли на нихъ Троицкія власти. Въ это время уже не было доблестнаго патріарха Гермогена, старавшагося до самой своей смерти сплотить православныхъ крестьянъ во имя вѣры противъ враговъ. Для него, въ заключеніи, казаки были только врагами. Для

[1]) Очерки по ист. смут. врем., стр. 544—545.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 241.

[3]) Очерки, стр. 545.

Троицкихъ-же властей было видно, что и эта сила, враждебная въ силу своихъ хищническихъ инстинктовъ и вольности, можетъ быть объединена съ земщиною хотя-бы путемъ удовлетворенія этихъ источниковъ. Какъ мы увидимъ, Троицкія власти потомъ старались примирить казаковъ съ земцами даже матеріальными средствами. И для казаковъ поляки были врагами, что доказывалось ихъ приходомъ подъ Москву въ ополченіе Ляпунова. Поэтому-то объединеніе ихъ съ земцами и стараются всячески устроить Троицкія власти.

Придя въ Ярославль, воеводы ополченія во главѣ съ Пожарскимъ разослали по всѣмъ городамъ грамоты отъ 7 апрѣля 1612 года [1]). Здѣсь они, повѣствуя о всемъ происшедшемъ доселѣ съ момента избранія Годунова на престолъ, сообщали о разстройствѣ казаками ополченія Ляпунова и о послѣднемъ умыслѣ ихъ съ Заруцкимъ и Трубецкимъ во главѣ выдвинуть новаго самозванца. Казаки называются здѣсь старыми заводчиками старому злу. Казаки—вредный элементъ въ государствѣ—вотъ какъ на нихъ смотрятъ земцы. Поэтому земское ополченіе зоветъ всю землю на выборъ государя, кого Богъ положитъ, и стоять крѣпко противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ. О походѣ къ Москвѣ грамоты эти не говорятъ ни слова, но первымъ и неотложнымъ дѣломъ считаютъ избраніе всей землей государя. Здѣсь сказывается правительственная роль этого ополченія.

Что-же за составъ былъ этого правительства? Составъ его, говоритъ Платоновъ, можетъ быть опредѣленъ лишь приблизительно. Въ совокупности своей оно пред-

[1]) А. Э. II, № 201.

ставляло земскій соборъ обычной Московской конструкціи,—иначе говоря, оно слагалось изъ духовнаго совѣта, замѣнявшаго патріаршій освященный соборъ, боярскаго совѣта, замѣнявшаго московскую государеву думу, и земскихъ выборныхъ служилыхъ и тяглыхъ чиновъ Во главѣ освященнаго собора или властей, по терминологіи лѣтописи, былъ поставленъ жившій на покоѣ въ Троицкомъ монастырѣ бывшій Ростовскій и Ярославскій митрополитъ Кириллъ, тотъ самый, который былъ въ Ростовѣ предъ назначеніемъ туда Филарета [1]). О призваніи Кирилла въ составъ этого временнаго правительства авторъ лѣтописи о мятежахъ говоритъ такъ: „бысть въ начальникахъ въ Ярославлѣ и во всѣхъ людехъ смута велія, прибѣгнути не къ кому и разсудити ихъ некому. Они жъ совѣтоваху и послаша въ Троицкій монастырь къ бывшему митрополиту Кириллѣ молить его, чтобы онъ былъ на прежнемъ престолѣ своемъ въ Ростовѣ. Онъ-же не презрѣ ихъ челобитья, пріиде въ Ростовъ, а изъ Ростова пріиде къ Ярославль и люди Божіи укрѣпляше и которая ссора учинится у начальниковъ, и начальники во всемъ докладываху ему“ [2]). Итакъ, представитель церкви въ этомъ правительствѣ имѣлъ роль примирителя, т. е. продолжалъ ту же миссію, какую имѣла въ это время церковь — поднимать народъ до закона Христова, попраннаго эгоизмомъ и враждой. Митрополитъ Кириллъ, говоритъ Забѣлинъ, сопровождалъ ополченіе въ Москву, гдѣ потомъ, во время избранія Михаила, занялъ первое мѣсто между собравшимся духовенствомъ и первенствовалъ во всѣхъ распоряженіяхъ Земской думы, которая, кстати надо замѣтить, была уже на половину

[1]) Очерки по ист. смут. врем., стр. 548.

[2]) Лѣт. о мят., стр. 247.

собрана Нижегородскимъ-же ополченіемъ и шла вмѣстѣ съ нимъ очищать Москву [1]). Глава всей русской церкви патріархъ Гермогенъ въ это время уже не былъ въ живыхъ. Поэтому управленіе церковью до выбора новаго патріарха должно было перейти къ митрополиту, слѣдовавшему за патріархомъ по правамъ чести, каковымъ обычно являлся Новгородскій митрополитъ [2]). Но въ настоящее время Новгородскій митрополитъ не могъ выполнять роли главы церкви русской, такъ какъ Новгородъ былъ на сторонѣ Шведовъ. Далѣе правомъ чести пользовался Казанскій митрополитъ и за нимъ Ростовскій [3]). Митрополитъ Казанскій Ефремъ и всталъ поэтому во главѣ русской церкви въ это время. Ему Пожарскій съ Шенуцкаго стана 29 іюля 1612 г. послалъ грамоту [4]). Въ ней отъ имени всѣхъ чиновъ онъ писалъ митрополиту Ефрему: за преумноженіе грѣха всѣхъ насъ православныхъ христіанъ Вседержитель Богъ нашъ, по своему праведному наказанію, совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отъятъ отъ насъ главу Московскаго государства и вождя людемъ словеснаго языка, Государя, Царя и великаго князя всея Руси, и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руси, но и по градамъ многіе пастыри наши и учители, митрополиты, архіепископы и епископы, яко пресвѣтлыя звѣзды погасоша: и нынѣ оставилъ насъ сиротствующихъ, и быхомъ въ посмѣхъ на поруганіе языкомъ. Но сія вся наведе на ны Богъ за грѣхи наша, понеже-бо нѣсть конца злобѣ нашей: но еще не до конца

[1]) Мининъ и Пожарскій, стр. 104.

[2]) Пр. Мак., ист. р. ц., т. X, стр. 60.

[3]) Тамъ-же.

[4]) С. г. и д. II, № 283.

оставилъ насъ сирыхъ, дарова намъ едино утѣшеніе — тебя великаго господина, яко нѣкое великое свѣтило положи на свѣщницѣ въ Россійскомъ государствѣ сіяюща.... И нынѣ, великій господинъ, немало скорбь намъ належитъ, что подъ Москвою вся земля въ собраньи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ: единая соборная церковь осталась на Крутицахъ и та вдовствуетъ. И мы, по совѣту всея земли, приговорили въ дому Пречистыя Богородицы быти на Крутицахъ бывшаго митрополита на Пафнутьево мѣсто, митрополитомъ Старожевскаго монастыря игумену Исаію, а тотъ игуменъ Исаія отъ многихъ свидѣтельствованъ, что житье имѣетъ по Бозѣ. И мы игумена Исаію послали къ тебѣ, господину, въ Казань, и молимъ твое преподобіе всею землею, чтобы тебѣ великому господину не оставити насъ въ послѣдней скорби и безпастырныхъ: пожаловати-бы тебѣ игумена Исаію совершити въ домъ Пречистыя Богородицы на Крутицахъ митрополитомъ и отпустить его подъ Москву къ намъ въ полки вскорѣ: да и ризницу-бы тебѣ, великому господину, пожаловати дать ему совсѣмъ понеже церковъ Пречистыя Богородицы въ послѣднемъ оскуденьи и разореньи да твоимъ, великаго господина, благословеніемъ паки на Московскомъ государствѣ угасшій свѣтильникъ возжется [1]). Это ясно свидѣтельствуетъ, говоритъ Пр. Макарій, что на Ефрема тогда смотрѣли всѣ какъ на главнаго архипастыря всей Россіи [2]). О положеніи Ефрема и Кирилла высказывается также Платоновъ. Онъ говоритъ: Ярославскіе воеводы, чествуя Ефрема яко нѣкое свѣтило, въ то же время не звали его къ рати въ Ярославль. За Казанскимъ митрополитомъ слѣдующее

[1]) С. г. г. и д. II, № 283.

[2]) Ист. рус. церкви, т. X, стр. 168.

мѣсто принадлежало Ростовскому митрополиту, котораго мѣстопребываніе было всего ближе къ Ярославлю. Такъ какъ Филаретъ Ростовскій былъ въ польскомъ плѣну, то вспомнили о его предшественникѣ и потому поставили Кирилла во главѣ духовныхъ властей въ Ярославлѣ. А въ то же время обращались по важнѣйшимъ дѣламъ и въ Казань, къ первенствовавшему въ іерархіи Ефрему. Такъ образовано было временное церковное управленіе. Подъ главенствомъ Кирилла мало-по-малу сложился такой церковный совѣтъ въ Ярославлѣ, который почелъ себя въ правѣ именоваться освященнымъ соборомъ, вмѣстѣ съ земскою ратью перешелъ подъ Москву и участвовалъ въ царскомъ избраніи [1]). Церковь, такимъ образомъ, не устранена была отъ вліянія на ходъ событій даже во временномъ правительствѣ, но ея представители стояли впереди въ составѣ его.

Остановка ополченія, бывшаго въ это время въ лицѣ своихъ воеводъ и правительствомъ земли, казалась Троицкимъ властямъ неумѣстной и даже могущей повредить дѣлу. Причиной остановки былъ замыселъ казаковъ о новомъ самозванѣ—Сидоркѣ. Грамота его, призывающая къ подчиненію, была прислана и въ Троицкую обитель, которая осталась непоколебимой и на грамоту не обратила никакого вниманія. Есть извѣстіе, говоритъ Скворцовъ, что въ это-же время архимандритъ Діонисій съ братіею разослалъ грамоты въ Москву къ боярамъ и въ другіе многіе города съ цѣлью удержать ихъ отъ присяги новому самозванцу. „И во многіе грады архимандритъ Діонисій отъ себя съ братіею и служилые люди, говорится объ этомъ извѣстіи – грамоты посылающе, такожъ и подъ Москву боярамъ посылающе и пишуще съ

[1]) Очерки по ист. смуты, стр. 549 и примѣч. 239.

моленіемъ, да не прельстятся на воровскіе заводы и крѣпко постоятъ за православную вѣру на безбожныхъ поляковъ и поможетъ имъ господь Богъ“ [1]). О томъ же свидѣтельствуетъ и Симонъ Азарьинъ Онъ говоритъ: когда появился воръ Митюшка, то въ Троицкомъ монастырѣ грамоты его оплевали и во многіе города о семъ писали... архимандритъ Діонисій съ братіею, увѣщевая отстать отъ вора и стояти за вѣру православную. Милостіеюже Божіею вскорѣ люди обратишася отъ таковой прелести на истинный путь [2]). Палицынъ также говоритъ, что „многіе грады не приставша вору крестъ цѣловати“ [3]). По мнѣнію Кедрова, самъ по себѣ авторитетъ Троицкаго монастыря, упроченный за нимъ его прежними грамотами, могъ внушить городамъ о несостоятельности дѣла, затѣяннаго казаками, какъ скоро города узнавали чрезъ приходившихъ къ Троицѣ людей о томъ, что въ Великой Лаврѣ грамоту воровскую изъ казацкаго табора оплевали [4]). Глава казаковъ Трубецкой, слыша, что у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ всѣ остались непоколебимыми и не цѣловали креста Псковскому самозванцу, но прямятъ Московскому государству, послалъ въ монастырь Михайла и Никиту Пушиныхъ [5]). Онъ просилъ Троицкихъ властей, чтобы писали Пожарскому о немедленномъ приходѣ къ Москвѣ, въ виду критическаго положенія подъ Москвой при ожидаемомъ приближеніи Хоткѣвича [6]). Изъ грамоты, которую послали по этой просьбѣ Троицкія власти, видно, что Трубецкой говоритъ имъ не о добровольномъ, а вынуж-

[1]) Житіе преп. Діонисія, заимств. у Скворцова, цит. соч., стр. 137 и пр. 1-е.

[2]) Кедровъ, цит. соч., стр. 105.

[3]) Палицынъ, сказ., стр. 261.

[4]) Кедровъ, тамъ-же.

[5]) Палицынъ, Сказ., стр. 262.

[6]) Палицынъ, тамъ-же.

денномъ цѣлованіи креста Псковскому самозванцу [1]). Архимандритъ Діонисій послалъ къ Пожарскому и его ополченію соборныхъ старцовъ Макарія Куровскаго и Илларіона Бровцына съ грамотой [2]) слѣдующаго содержанія. Повторивши о томъ кровопролитіи, которое произвели въ государствѣ Салтыковъ и Андроновъ, приведшіе Поляковъ и Литву, грамота говоритъ, что князь Трубецкой и многіе воеводы, дворяне и дѣти боярскія пришли подъ Москву для избавленія отъ польскихъ и литовскихъ людей. Здѣсь въ сущности рѣчь идетъ объ ополченіи Ляпунова, котораго главою и организаторомъ представляется здѣсь Трубецкой, вождь казаковъ, убившихъ Ляпунова и тѣмъ разстроившихъ ополченіе его. О смутахъ казаковъ Троицкія власти молчатъ. Заявляя отъ себя Пожарскому о вынужденномъ цѣлованіи креста Трубецкимъ, Троицкія власти говорятъ про Трубецкого, что онъ радѣетъ соединиться съ воеводами Нижегородскаго ополченія. Далѣе грамота говоритъ, что Трубецкой присылалъ въ Троицкую обитель Пушина съ просьбой о посольствѣ къ Пожарскому съ извѣстіемъ о желаніи Трубецкого и казаковъ всѣмъ соединиться для общей борьбы со врагомъ. Затѣмъ Троицкія власти сами обращаются съ увѣщаніемъ объ единодушномъ соединеніи православныхъ крестьянъ, объ единеніи Нижегородскаго ополченія съ казаками. Онѣ, какъ и въ прежнихъ грамотахъ, прежде всего напоминаютъ, что всѣ и земцы и казаки—братья во Христѣ по вѣрѣ, а потому между ними должно быть единеніе. Ради общаго дѣла, т. е. борьбы со врагомъ, для освобожденія отъ врага и единодушнаго выбора государя всей землей, нужно забыть недовольство и вражду другъ съ другомъ. Если васъ страшитъ, пишутъ Троицкія власти Пожарскому, измѣна казаковъ но-

[1]) Кедровъ, цит. соч., стр. 106.
[2]) А. Э. II, № 202.

вому самозванцу, то намъ извѣстно о многихъ городахъ, что тамъ креста не цѣловали этому самозванцу и ждутъ вашего совѣта. „Молимъ васъ съ усердіемъ, заключаетъ грамота, смилуйтеся и умилитеся, незакосненно сотворите дѣло сіе, избавленія ради общаго народа христіанскаго, чтобы намъ тщаніе свое на Богоугодное и земское дѣло совершати и идти въ домъ живоначальныя Троицы и великаго чудотворца Сергія на спѣхъ, пишемъ къ вамъ о подвигѣ, потому, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменнаго города и остроговъ и наряду“ [1]). Нельзя не ос-

[1]) Забѣлинъ говоритъ о содержаніи этой грамоты: „въ ней Троицкія власти просили идти на Москву на спѣхъ для того, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, рознью своею не потеряли большого Каменнаго города и остроговъ-укрѣпленій и пушекъ. Какъ будто все дѣло отечества заключалось въ этомъ Каменномъ Бѣломъ городѣ и не было другихъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, съ которыми требовалось сладить прежде всего. Самое любопытное въ грамотѣ то обстоятельство, что въ короткомъ изложеніи событій она опять ни слова не говоритъ о Ляпуновѣ и указываетъ, что Ляпуновское ополченіе привелъ подъ Москву Трубецкой“ (Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время, стр. 86). Въ этомъ разсужденіи нельзя не видѣть тенденціи приписать Троицкимъ властямъ желаніе только того, чтобы Пожарскій шелъ на спѣхъ къ Москвѣ, чтобы люди, стоящіе подъ Москвою, не потеряли большого каменнаго города, остроговъ-укрѣпленій и пушекъ. Неужели Троицкія власти только потому и звали Пожарскаго къ Москвѣ. Забѣлинъ совершенно умалчиваетъ о призывѣ къ единодушному возстанію противъ враговъ и избранію всей землей государя. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что грамота эта по содержанію принадлежитъ къ казацкимъ. Казацкій воевода Трубецкой и просилъ написать эту грамоту. Но сверхъ того она написана, кромѣ монастырскихъ властей, еще и отъ имени бывшихъ помѣщиковъ Филаретовскаго посольства, отъ Василія Сукина и Андрея Палицына (цит. соч., стр. 264). „На половину монастырская, на половину казацкая грамота призывала Нижегородцевъ на прямую гибель. Таковы на самомъ дѣлѣ были окружающія обстоятельства въ первыхъ числахъ апрѣля. Намъ кажется, что Палицыны и Сукины, составлявшіе эту грамоту, дѣйствовали по тому-же направленію, какъ дѣйствовалъ, напримѣръ, Ив. Шереметьевъ, т. е., въ пользу сидѣвшихъ въ Кремлѣ бояръ, для которыхъ Нижегородцы въ Ярославлѣ являлись не малою помѣхою. Несомнѣнно, что польская партія до по-

тановиться на одномъ ея пунктѣ, именно, на отношеніи Троицкихъ властей къ Трубецкому. Изъ этой грамоты мы видимъ, что Троицкія власти стараются оправдать Трубецкого предъ Пожарскимъ. Но здѣсь мы наталкиваемся на слѣдующее противоположное свидѣтельство князя Пожарскаго о Трубецкомъ. Онъ говоритъ въ своей Окружной грамотѣ: „писали къ намъ изъ подъ Москвы бояре князь Димитрій Трубецкой, да Иванъ Заруцкій и атаманы и казаки, что они преступя всемірное крестное цѣлованіе, какъ они цѣловали, пришедъ подъ Москву, всѣ крестъ, чтобы имъ безъ совѣта всея земли государя не выбирать, и умысля воровствомъ цѣловали крестъ вору, который въ Псковѣ, именуя его Димитріемъ, что былъ въ Калугѣ, да Маринѣ и сыну ея“ [1]). Для разбора этого свидѣтельства нужно принять во вниманіе слѣдующее. Еще во время шествія Нижегородскаго ополченія къ Ярославлю, когда оно было въ Рѣшмѣ, къ Пожарскому явились послы отъ Трубецкого и Заруцкаго. Они извѣщали, что Трубецкой и Заруцкій узнали вражію

слѣднихъ дней употребляла, какъ и слѣдовало, всякія усилія, дабы поворотить дѣло въ свою сторону. А старецъ Аврамій съ Сукинымъ и другимъ Палицынымъ, хотя и не очень явственно, но по прежнему, какъ видится, оставались слугами этой партіи и непремѣнно ожидали, что вѣтеръ можетъ еще перемѣниться. Не даромъ-же они набрали владомыхъ и тарханныхъ грамотъ и чинъ стряпчаго у короля Сигизмунда“ (тамъ-же, стр. 257). Далѣе Забѣлинъ продолжаетъ въ томъ-же тенденціозномъ духѣ говорить о Палицынѣ, что онъ разъ выставлялъ себя въ роли всенароднаго поучителя. Но грамота, посланная Пожарскому, писана, конечно, и отъ лица настоятеля монастыря Діонисія, о чемъ Забѣлинъ почему-то молчитъ. Безпристрастный читатель не можетъ сказать, что грамота эта звала Нижегородцевъ на прямую гибель и была на половину казацкой. Интересно знать, откуда начинается казацкая половина этой грамоты? Во всемъ вышеприведенномъ разсужденіи Забѣлина нельзя не видѣть тенденціи—очернить Палицына на основаніи его сказанія.

[1]) С. г. г. и д. II, стр. 595.

прелесть и цѣловали крестъ снова [1]). Не было ли это лишь обманомъ. Забѣлинъ говоритъ по этому поводу: изъ переписки Пожарскаго узнаемъ, что воровская присяга оставалась въ своей силѣ до 6 іюня, когда казацкіе воеводы прислали настоящую повинную и раскаялись въ своей лжи. Стало быть, въ Рѣшму (въ началѣ марта) они писали обманомъ, что образумились и отступились отъ вора. Вѣроятнѣе всего, ихъ посланцы ѣздили въ Рѣшму разузнать, что дѣлается въ ополченіи, какъ оно сильно и скоро-ли дойдетъ въ Москву. Изъ Троицкой грамоты къ Пожарскому узнаемъ, что воровская присяга была затѣяна въ полкахъ еще 2 марта. Она затѣяна, разумѣется, съ тою цѣлью, чтобы смять и спутать нижегородское движеніе, которое тогда только что выступало въ походъ. Но когда нижегородцы стояли уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути (значитъ, во второй половинѣ марта), то Трубецкой, узнавъ, вѣроятно (иначе его дѣйствій нельзя объяснить), что дѣло выходитъ нешуточное, которое смять и разорить уже невозможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту-же сторону" [2]). Дальнѣйшій ходъ событій таковъ. 28 марта Трубецкой одинъ писалъ Троицкимъ властямъ, что онъ неволею цѣловалъ крестъ новому самозванцу и просилъ ихъ о томъ-же извѣстить Пожарскаго. Въ то же время Пожарскій изъ Ярославля уже, какъ мы отмѣтили, извѣщаетъ, что Трубецкой и Заруцкій писали ему о цѣлованіи креста Псковскому вору. „Оказывается, говоритъ Кедровъ, разбирая мнѣніе по этому поводу Забѣлина, что въ одно и то же время Трубецкой писалъ Пожарскому, что присягнулъ вору и проситъ Троицкихъ властей сказать, что онъ при-

[1]) Лѣт. о мят., стр. 241.

[2]) Цит. соч., стр. 85.

сягнулъ неволею. Теперь, если-бы Трубецкой дѣйствовалъ съ Заруцкимъ, то зачѣмъ бы Трубецкому въ то же самое время, какъ послана была изъ подъ Москвы Пожарскому грамота о присягѣ ихъ самозванцу, чрезъ властей лавры просить походатайствовать за него предъ Пожарскимъ. Если-бы это произошло дѣйствительно отъ того, что Трубецкой увидѣлъ, что разстроить Нижегородское ополченіе нельзя, какъ того хотѣлъ Заруцкій, то какъ объяснить то, что Трубецкой въ одно и то же время хотѣлъ разстроить ополченіе, когда писалъ вмѣстѣ съ Заруцкимъ о присягѣ самозванцу (конечно, съ цѣлью устрашить Пожарскаго и задержать его въ Ярославлѣ, какъ это понялъ и Пожарскій, говоря: и мы, видя ихъ злое начинаніе, подъ Москву не пошли) и не хотѣлъ, призывая Пожарскаго чрезъ Троицкихъ властей къ Москвѣ. Изъ отписки къ Пожарскому Трубецкого съ Заруцкимъ оказывается, что Трубецкой еще не воображалъ, что смять Нижегородское ополченіе дѣло нешуточное, а изъ отписки къ властямъ лавры Трубецкой уже воображаетъ. Странно! Но эта странность для насъ понятна, если мы повѣримъ Троицкой апрѣльской грамотѣ, въ которой власти пишутъ Пожарскому, что Трубецкой присягнулъ неволею, и что онъ живетъ въ великомъ утѣсненіи отъ Заруцкаго. А такъ какъ Заруцкій и дѣйствительно имѣлъ намѣреніе разстроить Нижегородское ополченіе, то онъ и извѣстилъ Пожарскаго о присягѣ, принудивъ и Трубецкого къ этому извѣщенію“ [1]). Скворцовъ также останавливается надъ вопросомъ, дѣйствительно-ли неволею Трубецкой цѣловалъ крестъ Псковскому самозванцу [2]). Общій выводъ его разсужденій таковъ: „ясно, что, не будучи единомышленникомъ Заруц-

[1]) Кедровъ, цит. соч.. стр. 104—108.

[2]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 143—149.

каго, не раздѣляя плановъ его, Трубецкой цѣловалъ крестъ неволею". Останавливаясь надъ разбираемымъ Забѣлинымъ и Кедровымъ вопросомъ,—дѣйствительно-ли неволею цѣловалъ крестъ Трубецкой Псковскому самозванцу,—мы желаемъ уяснить отношеніе Троицкихъ властей къ Трубецкому. Если онъ не былъ повиненъ въ присягѣ вору, то Троицкія власти своей грамотой дѣйствовали не въ ущербъ ополченію, стоявшему въ Ярославлѣ, а лишь желали соединенія и примиренія Трубецкого съ Пожарскимъ. Конечно, они сами были убѣждены въ правотѣ Трубецкого. Поэтому ихъ дѣйствія не подлежатъ осужденію, что они поступали опрометчиво, призывая Пожарскаго соединиться съ Трубецкимъ.

Получивши эту грамоту Троицкихъ властей [1]), Пожарскій ее „въ презрѣніе положи" и долгое время пробылъ въ Ярославлѣ [2]). Онъ такимъ образомъ не повѣрилъ Троицкимъ властямъ о Трубецкомъ. Въ виду этого они вторично отправляютъ къ нему послами старцевъ Сераѳіона Воейкова и Афанасія Ощерина, „много моляще Пожарскаго вскорѣ пріити и помощь учинити, ово пишуще ему съ моленіемъ, ово съ запрещеніемъ... и къ сему прирекше... еще прежде вашего пришествія къ Москвѣ гетманъ Хоткѣвичъ придетъ со множествомъ войска, то всуе трудъ вамъ будетъ и тще ваше собраніе". Пожарскій, отпустивши въ обитель старцевъ, „косно и медленно о ше-

---

[1]) Забѣлинъ, на основаніи того, что Пожарскій не упоминаетъ въ своихъ грамотахъ объ этой грамотѣ (въ Путивль отъ 6-го іюня—С. г. г. и д. II, № 593—и въ Сольвычегодскъ отъ 7-го апрѣля—А. Э. II, № 203), думаетъ, что Пожарскій не зналъ грамоты Троицкихъ властей еще отъ 7-го апрѣля. Изъ словъ Палицына видно, что Пожарскій получилъ эту грамоту, но не обратилъ на нее вниманія (Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троиц. монастыря, стр. 262; Кедровъ, цит. соч., стр. 113 и др.).

[2]) Палицынъ, сказ., стр. 262—263.

ствіи промышляше нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ словесъ". Онъ продолжалъ стоять въ Ярославлѣ, „войско учреждающе" [1]). Этой второй отписки, т. е. со старцами Всейковымъ и Ощеринымъ, по словамъ Кедрова, къ сожалѣнію, не дошло до насъ. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, нельзя думать, чтобы Палицынъ въ настоящемъ случаѣ лгалъ. Вѣдь нашлась-же первая грамота Троицкихъ властей къ Пожарскому, подтверждающая повѣствованіе Палицына о томъ-же предметѣ. Очень можетъ быть, что и эта вторая грамота лежитъ гдѣ нибудь въ архивѣ. Вотъ почему мы принимаемъ эти слова Палицына за такія, въ которыхъ сообщается историческій фактъ, и не думаемъ, что старецъ Авраамій въ настоящемъ случаѣ на словахъ спасалъ отечество. Да и естественно было Троицкимъ властямъ послѣ прихода первыхъ соборныхъ старцевъ послать вторыхъ къ Пожарскому съ тою же цѣлью, такъ какъ они, какъ видѣли, хорошо были убѣждены въ справедливости своихъ требованій предъ Пожарскимъ" [2]). Приводя мнѣніе Кедрова, защищающаго Палицына отъ Забѣлина, мы отмѣчаемъ его, какъ имѣющееся въ исторической литературѣ, такъ какъ мы говоримъ о дѣйствіяхъ Троицкихъ властей вообще, насколько эти дѣйствія свидѣтельствуютъ о значеніи этой обители въ смутное время. Не Палицынъ, оправдываемый Кедровымъ, спасалъ отечество, но Троицкая обитель въ лицѣ своихъ властей.

Въ виду медлительности Пожарскаго, Палицынъ 28 іюня отправился въ Ярославль [3]). По своемъ приходѣ онъ

---

[1]) Над., Сказ., тамъ-же.

[2]) Кедровъ, цит. соч., стр. 114—115.—Забѣлинъ, цит. соч., стр. 100.

[3]) Палицынъ, сказаніе, стр. 264, 28 іюля. Кедровъ (цит. соч., стр. 120, прим. 2) подробно разбираетъ мнѣніе Голохвастова, что Палицынъ не могъ уже 28 іюля застать Пожарскаго въ Ярославлѣ и потому его походъ

увидѣлъ „мятежниковъ и трапезолюбителей и ласкателей, а не Боголюбцевъ, и воздвижущихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ". Какъ сообщаетъ Палицынъ, онъ всѣхъ сталъ увѣщевать отъ Слова Божія и умолять идти къ Москвѣ [1]). Увѣщанія Палицына на этотъ разъ возымѣли свое вліяніе. Пожарскій выступилъ изъ Ярославля.

Наряду съ Троицкими иноками въ это-же время мы видимъ еще одно лицо, ободрявшее Пожарскаго идти къ Москвѣ и не бояться казаковъ,—именно, Иринарха, затворника Борисоглѣбскаго монастыря. Услышавъ, что Пожарскій съ Мининымъ стоятъ въ Ярославлѣ и опасаются идти, боясь убійства со стороны Трубецкого и Заруцкаго, Иринархъ послалъ Пожарскому челобитную и просфору, повелѣвая идти безъ боязни [2]). Выйдя изъ Ярославля, Пожарскій съ Мининымъ въ Ростовѣ зашли за благословеніемъ къ подвижнику сами. Онъ укрѣплялъ ихъ словомъ и далъ имъ въ помощь свой подвижническій крестъ, съ которымъ Пожарскій и довершилъ свой подвигъ въ Москвѣ [3]).

14 августа Пожарскій съ своимъ ополченіемъ дошелъ до Троицкаго монастыря. Власти обители встрѣтили, конечно, его съ честью. Они, наконецъ, увидѣли въ стѣнахъ

въ Ярославлѣ—вымы селъ. Наоснованіи 6 рукоп. списковъ Сказанія Палицына, гдѣ вмѣсто—іюля—стоитъ—іюня, Кедровъ признаетъ, что стоящее въ печатномъ изданіи—іюля—описка, а должно быть—іюня.

[1]) Палицынъ, сказ., стр. 264. Какъ извѣстно, въ исторической литературѣ было высказано мнѣніе Забѣлинымъ, Погодинымъ и Голохвастовымъ, что словамъ Палицына о Пожарскомъ здѣсь нельзя довѣрять, какъ о трепезолюбителѣ. Кедровъ говоритъ: Палицынъ сообщаетъ здѣсь дѣйствительный фактъ, то, что ему говорили и что онъ самъ видѣлъ, когда былъ въ Ярославлѣ (цит. соч., стр. 116).

[2]) Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій, стр. 101.

[3]) Тамъ-же, стр. 102. См. главу IX Безвѣстный герой смут. врем. Иринархъ.

обители вблизи уже Москвы ту рать, на которую возлагали надежды очищенія отечества отъ враговъ. Пожарскій остановился здѣсь, не идя къ Москвѣ, чтобъ укрѣпиться съ казаками, другъ на друга никакого зла не умышлять [1]). Трубецкой въ это время писалъ неоднократно въ монастырь, что всѣ казаки изъ подъ Москвы хотятъ идти прочь, на помощь-же полякамъ идетъ Хоткѣвичъ, поэтому Пожарскому нужно спѣшить идти къ Москвѣ [2]). Архимандритъ Діонисій съ келаремъ усердно просилъ объ этомъ-же Пожарскаго и его ополченіе. Въ ополченіи, по словамъ Палицына, было много розни и нестроенія. Одни хотѣли идти подъ Москву, другіе, наоборотъ, опасаясь, что Пожарскаго казаки зовутъ для убійства его, не хотѣли идти. Въ виду этого архимандритъ Діонисій и келарь Палицынъ ободряли Пожарскаго безбоязненно идти [3]). Нерѣшимость Пожарскаго исчезла, когда къ нему явились изъ подъ Москвы съ вѣстью о скоромъ приходѣ Хоткѣвича. Ему было теперь не до уговора съ казаками и онъ выслалъ впереди себя наскоро Туренина [4]). Предъ своимъ выступленіемъ Пожарскій просилъ архимандрита

[1]) Лѣт. о мят., стр. 254.

[2]) Палицынъ, сказ., стр. 266.

[3]) Келарь, по его словамъ, говорилъ Пожарскому: „помни, княже, Господне слово въ Евангеліи реченное: не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ коснуться, но аще что и случиться, и пострадеши, то мученикъ будеши Господеви. Многа-же и ина глаголя ему отъ Божественныхъ писаній“ (Сказ., стр. 267) Забѣлинъ по поводу этихъ словъ Сказанія говоритъ:„ старецъ и именно онъ, даже и не архимандритъ Діонисій, много поучалъ всѣхъ, особенно Пожарскаго.. онъ изъ обычнаго поученія въ церкви устраиваетъ похвалу для своего личнаго подвига, высовывая и здѣсь свою фигуру всѣмъ на глаза“ (цит. соч., стр. 104). Кедровъ признаетъ, что Палицынъ, не желая приписывать себѣ одному инициативу выхода Пожарскаго изъ Лавры, все-таки выдѣлялся при этихъ поученіяхъ, что доказывается приглашеніемъ Палицына Пожарскимъ слѣдовать въ Москву.

[4]) Лѣт. о мят., стр. 253—254.

дать ему благословеніе. 18 августа послѣ молебствія ополченіе выступило изъ обители. Архимандритъ Діонисій, взявши иконы, крестъ и воду, провожалъ рать съ молебнымъ пѣніемъ [1]). Всѣ со слезами молились Господу, „да помилуетъ падшій народъ и да возставитъ, и противныхъ рогъ да сокрушитъ и вѣру ненарушену да сохранитъ и расточенныя паки да соберетъ“ [2]). Зрѣлище было умилительное. Воины, шедшіе на избавленіе отечества отъ враговъ, рыдали, молясь о дарованіи побѣды. Вся эта торжественная процессія дошла до горы Волкуши. Здѣсь всѣ остановились. Въ это время дулъ противный вѣтеръ на встрѣчу рати, что считалось худымъ предзнаменованіемъ въ то время. Чтобы ободрить воиновъ, архимандритъ Діонисій со слезами сталъ молиться Пресвятой Богородицѣ и Троицкимъ чудотворцамъ, Сергію и Никону. Ополченіе стало подходить къ образамъ для лобызанія ихъ. Всѣхъ проходящихъ воиновъ Діонисій окроплялъ св. водою и, осѣняя крестомъ, говорилъ: „идите, чада мои, Богъ да поможетъ вамъ, постраждите яко добрые воины Христовы“. За ополченіемъ подходили для окропленія св. водой и военачальники его. Вдругъ вѣтеръ, доселѣ дувшій на встрѣчу идущимъ, перемѣнился и сталъ имъ попутнымъ, „яко отъ самаго чудотворцова Сергіева гроба“ [3]), дуя такъ сильно, что едва сидѣли воины на лошадяхъ. Радость и бодрость овладѣли всѣми ратными. „О великое чудо, воскицаетъ по этому поводу авторъ лѣтописи о мятежахъ, тогда содѣяся великимъ угодникомъ Святой и Живоначальной Троицы, Сергіемъ. Молитвами его единымъ часомъ страхъ отъ всей рати отъяся и на храбрость прев-

[1]) Тамъ-же, стр. 255.

[2]) Нов. лѣт., стр. 153.

[3]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 155.

ратися“ [1]). Воины бодро и храбро зашагали впредъ, обѣщаясь умереть за домъ Пречистыя Богородицы и за православную христіанскую вѣру [2]). Вѣтеръ попутно дулъ до тѣхъ мѣстъ, когда „побиша гетмана и отгнаша отъ Москвы [3]).“ Пожарскій пригласилъ съ собою въ Москву келаря Авраамія Палицына [4]).

Такимъ образомъ обитель Преподобнаго Сергія напутствовала рать всего православнаго крестьянства, шедшую на очищеніе Москвы отъ враговъ. Подобно тому, какъ нѣкогда ея великій основатель благословлялъ и ободрялъ на битву съ татарами князя Димитрія Донского, такъ въ настоящее время молитвами предъ его мощами ободрялись воины, шедшіе на очищеніе отечества отъ враговъ. Мы видѣли, что изъ стѣнъ обители этой летѣли грамота за грамотой, призывавшія все православное крестьянство на соединеніе въ любви по вѣрѣ во Христа. Пусть эти грамоты говорили о казакахъ, которые враждебны былъ земскому ополченію, но по смыслу этихъ грамотъ есть объединяющая всѣхъ сила—вѣра во Христа, дѣлающая братьями и земцевъ и казаковъ. Объединенные внутренне на этой почвѣ, всѣ сплачиваются на общее дѣло-избавленіе отъ враговъ.

20 августа ополченіе Пожарскаго подошло въ Москвѣ. Несмотря на призывъ Трубецкого — соединиться станомъ, Пожарскій всталъ отдѣльно отъ него [5]). Такимъ образомъ соглашенія между земскимъ ополченіемъ и казаками не состоялось. Въ станѣ Пожарскаго былъ келаръ

---

[1]) Лѣт. о мят., стр. 256.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Сказ. Пал., стр. 268.

[5]) Лѣт. о мят., стр. 257.

Палицынъ. Онъ всячески старался примирить ихъ, и казаки, слушаясь его увѣщаній, помогали земскому ополченію. Когда по приходѣ Хоткѣвича къ Москвѣ, началось съ нимъ сраженіе, казаки безучастно смотрѣли на это, вовсе не желая помочь. Но религіозное чувсто жило и въ этой дикой вольницѣ и въ критическіе моменты казаки принимали участіе въ битвѣ, вспоминая свое братство по вѣрѣ съ враждебными имъ земцами. Вотъ они видятъ на православномъ храмѣ литовское знамя. Религіозное чувство вспыхнуло въ нихъ, оскорбленное такимъ фактомъ со стороны врага. „Зѣло умилившеся, вздохнувши и прослезившись, устремляются они въ бой и одерживаютъ побѣду“ [1]). На этой-то почвѣ религіознаго чувства и старался воздѣйствовать на нихъ Палицынъ. Взявши занятый поляками острогъ и преслѣдуя ихъ, казаки замѣтили, что нижегородское ополченіе стоитъ, не помогая имъ. Религіозный подъемъ духа сразу уступилъ мѣсто необузданному гнѣву, и казаки стали ругать ополченіе. Быстро они отступили и стали своими обозомъ. Непріятель, видя это, сразу воспользовался удобнымъ моментомъ. При такомъ оборотѣ дѣла Пожарскій съ Мининымъ были въ недоумѣніи. Они рѣшили прибѣгнуть къ келарю Палицыну, который въ то время совершалъ молебны о дарованіи побѣды, и послали къ нему князя Пожарскаго-Лопату. Палицынъ быстро явился. Его стали просить итти въ станъ къ казакамъ и убѣдить ихъ помочь въ битвѣ со врагомъ. Палицынъ тотчасъ-же пошелъ въ Клементьевскій острогъ, гдѣ были казаки. Со слезами онъ сталъ говорить имъ: „отъ васъ началось доброе дѣло крѣпкаго стоянія за вѣру православную. Вы приняли раны, терпѣли голодъ и наготу,— храбрость ваша извѣстна во многихъ дальнихъ государ-

[1]) Сказ. Пал., стр. 273.

ствахъ .. Теперь-ли это доброе начало хотите погубить". Казаки отозвались на слово старца, просили его ѣхать и въ таборъ убѣждать ихъ товарищей. Умремъ, но побѣдимъ врага, говорили они Палицыну. Тотъ продолжалъ увѣщевать ихъ: „дерзайте зовите въ битвѣ Св. Сергія и и увидите славу Божію".—Отсюда Палицынъ обходилъ весь казацкій станъ и вездѣ слово увѣщанія дѣйствовало на казаковъ. Они умилялись и говорили: „поспѣшимъ, братья, пострадать за вѣру православную." Одни, видя идущими на бой другихъ, сами бросались въ бой. Въ самомъ таборѣ Палицынъ засталъ казаковъ за пьянствомъ и проигрываніемъ въ карты захваченной добычи. Не побоявшись оскорбленій, чего вполнѣ возможно было ожидать отъ пьяной вольницы, Палицынъ сталъ увѣщевать казаковъ. Одни послушались его и для большаго воодушевленія велѣли звонить въ колокола. При колокольномъ звонѣ съ криками: „Сергіевъ, Сергіевъ" ринулись всѣ въ бой. Видя это, воодушевилось и земское ополченіе и бодро вступило въ битву. Хоткѣвичъ былъ разбитъ и сталъ станомъ на Воробьевыхъ горахъ. Келарь послѣ побѣды пришелъ въ станъ къ Пожарскому и здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ предъ сопровождавшими въ Москву земское ополченіе иконами изъ обители пр. Сергія [1]).

Какъ мы видимъ въ описанныхъ событіяхъ, Палицынъ принималъ участіе, увѣщевая казаковъ принимать участіе въ битвѣ со врагомъ. Такъ представляется дѣло въ его сказаніи. Вопросъ о томъ, насколько оно въ этомъ случаѣ достовѣрно, въ исторической литературѣ рѣшается различно. Нельзя не обратить вниманія на другія лѣто-

1) Сказ. Пал., стр. 270—278.

писныя сказанія по данному вопросу. Въ такъ называемомъ Новомъ лѣтописцѣ дѣло представляется иначе. Здѣсь казаки вмѣшиваются въ битву, благодаря обѣщанію Палицынымъ казны, но исходъ битвы рѣшаютъ не они, а Мининъ со взятыми у Пожарскаго людьми [1]). Въ рукописи Филарета Пожарскій и Трубецкой, соединившись на бой и единогласно призвавъ Бога, сразились съ литвой и казаки принимали участіе въ битвѣ [2]). О Палицынѣ здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи. Симонъ Азарьинъ въ книгѣ о новоявленныхъ чудесахъ пр. Сергія представляетъ и архимандрита Діонисія и Авраамія Палицына всячески содѣйствующими соединенію Пожарскаго и Трубецкого —земцевъ и казаковъ и казаки принимаютъ участіе въ битвѣ при обѣщаніи монастырской казны со стороны Троицкихъ властей [3]). Въ исторической литературѣ по этому вопросу существуютъ два противоположныя мнѣнія - Забѣлина и Кедрова. Забѣлинъ въ своемъ трудѣ—„Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время“,— сказавши о битвѣ съ Хоткѣвичемъ, какъ она представляется въ Новомъ лѣтописцѣ, говоритъ: „иначе повѣствуетъ старецъ Авраамій“. Передавши изложенное Палицынымъ, Забѣлинъ говоритъ, что Палицынъ ставитъ свою личность въ въ весьма почетное положеніе. Лѣтописи такихъ дѣяній Авраамія не помнятъ... Такъ описываетъ себя самъ старецъ Аврамій, умаляя для красоты своего портрета заслуги Пожарскаго и Минина, увеличивая для той-же красоты заслуги казаковъ, заставляя вѣрить себѣ легковѣрныхъ историковъ, которые его беззастѣнчивый панегирикъ предпочитаютъ правдивымъ сказаніямъ правдивыхъ лѣто-

[1]) Нов. Лѣт., стр. 155—157; Лѣт. о мят., стр. 260—261.

[2]) Сбор. Мух., стр. 322—323.

[3]) Кедровъ, цит. соч., стр. 141—143.

писцевъ [1]). Кедровъ въ упомянутомъ нами изслѣдованіи объ Авраміи Палицынѣ разбираетъ подробно достовѣрность сказанія его по данному вопросу и дѣлаетъ такой выводъ: „изъ всего сказаннаго несомнѣнно, что честь и слава побѣды надъ Хоткѣвичемъ должна быть приписана казакамъ, которыхъ возбудилъ на бой живымъ словомъ воинской рѣчи Троицкій келарь—старецъ Авраамій Палицынъ. Подвигъ Палицина былъ тѣмъ славнѣе, чѣмъ сильнѣе была рознь въ ополченіяхъ“ [2]). Кедровъ считаетъ показанія Новаго лѣтописца недостовѣрнымъ: ходъ событій необходимо представлять такъ, какъ представляетъ Палицынъ, а не такъ, какъ повѣствуетъ о немъ Новый лѣтописецъ. Приводя сужденія Забѣлина и Кедрова, какъ имѣющіяся въ исторической литературѣ о дѣятельности Троицкой обители въ смутное время, мы не раздѣляемъ то или иное мнѣніе о Палицынѣ. Безъ сомнѣнія, дикая казацкая вольница требовала воздѣйствія словомъ увѣщанія. Для насъ важно то, что это слово, отъ кого-бы оно не исходило, въ казакахъ не оставалось тщетнымъ, а дѣйствовало на нихъ потому, что въ нихъ подъ грубой корой своевольныхъ дикихъ инстинктовъ теплилась искра религіознаго чувства. Подъ вліяніемъ этого чувства они забывали вражду противъ земскаго ополченія и видѣли въ немъ единовѣрныхъ себѣ людей. Вѣра православная и для казаковъ была такой-же святыней, какъ и для ополченцевъ. Сражаясь съ поляками, казаки знали, что они отстаиваютъ эту святыню и это примиряло ихъ съ Нижегородскимъ ополченіемъ.

Побѣда надъ Хоткѣвичемъ, виновницами которой были и казаки и земское ополченіе, не сблизила ихъ по-

[1]) Забѣлинъ, цит. соч., стр. 110—112.

[2]) Кедровъ, цит. соч., стр. 147.

томъ. Они сражались вмѣстѣ, но потомъ расходились, и вражда не прекращалась. Въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, говоритъ Забѣлинъ, казалось, должна была смолкнуть всякая сердечная злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго раздора и тотчасъ разгорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ случай и средство выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда снизу и доверху. И вотъ, какъ только былъ пріобрѣтенъ успѣхъ надъ врагами и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярское великородство и владычество тотчасъ первыя заговорили о своихъ правахъ [1]). „Начальники, говоритъ объ этомъ Новый лѣтописецъ, начаша быти между собою не въ совѣтѣ того ради: Трубецкому бо хотящу, да вси къ нему пріѣзжаютъ, яко къ честнѣйшему, и совѣтъ у него-бы сотворяли, а Пожарскій и Кузьма не хотяху ѣздити въ таборъ его, не чести ради, но убійства отъ казаковъ бояхуся: тажъ присудиша и начаша съѣжатися на Неглиннѣмъ и тамо о всемъ совѣтоваху“ [2]). Палицынъ сообщаетъ, что казаки возстали на дворянъ и дѣтей боярскихъ полка Пожарскаго, называюще ихъ „многимъ имѣніемъ богатящихся... и хотяху разытися отъ Московскаго государства, иніи-же хотяху дворянъ побити и имѣнія ихъ разграбити, и бысть въ нихъ велико нестроеніе“ [3]). Что должны были чувствовать и думать въ такомъ случаѣ Троицкіе власти, всячески старавшія соединить враждующія стороны. Не мог-

[1]) Забѣлинъ, цит. соч., стр. 112.
[2]) Нов. лѣт., стр. 157.
[3]) Сказ. Пал., стр. 279.

ли онѣ не печалиться, видя такое положеніе дѣлъ подъ Москвой. Понятно, говоритъ Скворцовъ, что они послѣ всего этого не могли остаться равнодушными зрителями враждебныхъ отношеній въ ополченіяхъ,—несомнѣнно, они принимали мѣры для прекращенія вражды [1]). Памятникомъ дѣятельности Троицкихъ властей, направленной примиренію земскаго ополченія и казаковъ, является посланіе къ воеводамъ Пожарскому и Трубецкому о соединеніи и любви [2]). Обычнаго надписанія, отъ кого направляется посланіе, здѣсь нѣтъ ни въ началѣ, ни въ концѣ посланія. Пославшіе лишь называютъ себя нищими. Посланіе это найдено въ архивахъ Троицкой лавры. Извѣстно, что примиреніе казаковъ и земскаго ополченія было дѣломъ заботъ властей Троицкой обители. Эти обстоятельства могутъ служить основаніемъ предположенія, что посланіе это вышло изъ стѣнъ Троицкой обители. Въ нашей исторической литературѣ мнѣніе о принадлежности посланія властямъ этой обители высказывали Кедровъ, Скворцовъ, Забѣлинъ, А. В. Горскій, Голохвастовъ, Иловайскій [3]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, кто именно изъ Троицкихъ властей писалъ это посланіе,—Палицынъ, или архимандритъ Діонисій, или оба вмѣстѣ [4]), мы считаемъ его вышедшимъ

---

[1]) Скворцовъ, цит. соч., стр. 158.

[2]). А. Э. II, № 219.

[3]) Кедровъ, цит. соч., стр. 148; Скворцовъ, цит. соч., стр. 159; Забѣлинъ, цит. соч., стр. 115; Иловайскій (Смут. время, стр. 240).

[4]) Вопросъ этотъ въ нашей литературѣ рѣшается различно. Кедровъ предполагаетъ совмѣстное участіе въ составленіи этого посланія архим. Діонисія и келаря (цит. соч., стр. 149). Скворцовъ (цит. соч., стр. 161), А. В. Горскій и Голохвастовъ (см. Скворцовъ, 159) признаютъ авторомъ лишь Діонисія. Забѣлинъ и Иловайскій говорятъ, что посланіе было вообще изъ Троицкой обители. Кояловичъ высказываетъ мнѣніе, что посланіе это написано какими-то невѣдомыми міру подвижниками, бѣ-

изъ стѣнъ Троицкой обители, такъ какъ ея дѣятельность въ послѣдніе моменты смуты не подлежитъ сомнѣнію. Отсутствіе надписанія могло имѣть особую цѣль – замаскировать отъ ополченія и казаковъ такъ желательное соединеніе ихъ, надъ которымъ болѣе всего болѣли Троицкіе иноки. „По чувству, говоритъ Кедровъ, съ какимъ написано посланіе, по чрезвычайному глубокомыслію и силѣ аргументаціи, высказываемой въ защиту приводимыхъ мнѣній и, наконецъ, по членораздѣльному характеру изложенія, точности и ясности оборотовъ рѣчи, это посланіе представляетъ собою особенно образцовый памятникъ русской богословствующей мысли начала XVII вѣка“ [1]). Читая содержаніе посланія нельзя не замѣтить, что оно можетъ быть раздѣлено на три части. Посланіе начинается привѣтствіемъ отъ нищихъ, ушедшихъ въ пустыню. Затѣмъ идетъ восхваленіе храбрости и мужества князей, происходившихъ отъ одного корня съ родомъ царей отъ Владиміра до Ѳеодора Іоанновича. Увѣщающіе обѣщаются возсылать свои молитвы предъ Богомъ объ успѣхѣ начатаго князьями дѣла очищенія земли отъ враговъ. Но для этого необходимо единодушіе. „Молимъ, пишутъ увѣщающіе, въ человѣцѣхъ отрините клеветниковъ и смутителей отъ ушей вашихъ и возлюбите другъ друга нелицемѣрно, не словомъ, но дѣломъ отъ права сердца“. Затѣмъ идутъ тексты изъ Св. писанія, преимущественно изъ евангелія и посланій Іоанна Богослова, говорящіе о любви вообще и о любви ко врагамъ (въ виду вражды князей). Во второй части посланія раскрываются качества истинныхъ вождей народа какъ прямыми текстами Св.

жавшими въ пустыню (Акт. рѣчь въ Спб. Дух. Ак. въ 1880 г., стр. 60). Скворцовъ, приводя это мнѣніе, отвергаетъ его (цит. соч., стр. 160, пр. 1-е).

[1]) Кедровъ, цит. соч., стр. 149.

писанія, такъ примѣрами ветхозавѣтныхъ судей и священниковъ. Вражда воеводъ между собою давала поводъ обратиться съ такимъ наставленіемъ. Третья часть выводъ изъ всего сказаннаго. „Кто отъ насъ непричастенъ есть симъ злымъ", т. е. всему происшедшему на Руси во время смуты, несмотря на такія угрозы, высказанныя еще въ ветхомъ завѣтѣ пророками израильтянамъ, невнимавшимъ пророкамъ. Внутреннія нестроенія среди евреевъ напоминаютъ современное состояніе на Руси при смутѣ. „Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ", взываютъ увѣщающіе, какъ бы выражая этими словами всенародное самосознаніе, проявившееся въ общемъ постѣ и покаяніи. Къ покаянію, говорятъ увѣщатели, взывалъ Господь чрезъ пророка: „измыйтся и чисти будете". Въ заключеніе идутъ еще тексты Св. писанія, доказывающіе необходимость всеобщаго покаянія въ виду всеобщаго нестроенія и вражды. Таково въ общемъ содержаніе посланія. О фактѣ полученія его князьями и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ, нѣтъ свѣдѣній. Но въ концѣ сентября или въ началѣ октября, говоритъ Платоновъ, въ таборѣ (казаковъ) совсѣмъ оставили мысль о борьбѣ съ земскимъ войскомъ и бояринъ Трубецкой уступилъ стольнику Пожарскому и выборному человѣку Кузьмѣ Минину [1]). Отъ конца октября или начала ноября 1612 года сохранилась грамота воеводъ Пожарскаго и Трубецкого [2]). Въ ней они извѣщаютъ, что прекратили бывшую между ними рознь, о которой ранѣе писали. „Нынѣ, говорятъ воеводы, по милости Божіей, промежъ себя, мы, Димитрій Трубецкой и Димитрій Пожарскій по

---

[1]) Очерки по ист. см., стр. 557. Въ примѣчаніи 246-мъ Платоновъ доказываетъ, почему соединеніе князей должно относить къ этому времени, т. е. къ концу сентября или къ началу октября.

[2]) А. Э. II, № 214.

челобитью и приговору чиновъ всѣхъ людей стали во единочествѣ и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякія хитрости и разрядъ и всякіе приказы поставили на Неглинѣмъ, на Трубѣ и снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ за одно, и надъ Московскими сидѣльцы, т. е. надъ осажденными промышляемъ, уповая на Бога, начаемся до Москвы достигнути вскорѣ. И вамъ -бы, господа, заключаютъ воеводы свою грамоту, о всякихъ дѣлахъ слушати нашихъ Димитрія Трубецкого и Димитрія Пожарскаго съ товарищи грамотъ и писати о всякихъ дѣлѣхъ къ намъ обоимъ." Такимъ образомъ Троицкія власти могли видѣть, что ихъ труды не пропали даромъ. Но если это можно сказать относительно враждовавшихъ доселѣ и примирившихся теперь вождей, то масса казачества продолжала волноваться. Инстинкты дикаго разгула и своеволія и привычки грабежа, на время гасимые подъемомъ религіознаго чувства, вспыхивали въ этой буйной толпѣ. Казаки жаловались, что они наги и голодны, а люди земскаго ополченія богаты, поэтому они хотѣли уйти отъ Москвы для грабежа [1]). Троицкія власти все это видѣли и рѣшили помочь матеріально казакамъ, чтобы удовлетворить ихъ. По сказанію Палицына, архимандритъ, келарь и старцы созвали соборъ, такъ какъ казна обители, много помогавшей въ это время государству, оскудѣла. Общимъ совѣтомъ рѣшено было отправить казакамъ ризницу въ залогъ на 1000 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на имя казаковъ была отправлена грамота со многимъ моленіемъ отъ Божественныхъ писаній, чтобы подвигъ страданія своего совершили, отъ москов-

[1]) Сказ. Палицына, стр. 279.

скаго государства не расходилися. Устыдились эти дикія натуры, привыкшія къ грабежу, читая грамоту и видя священные предметы въ залогѣ, „пріидоша въ разумъ и страхъ Божій,“ какъ выражается Палицынъ. „Вся сія, сказали казаки, многими лѣты собрана и возложена Господеви на службу“ [1]) и возвратили все присланное монастырю. Для этого они выбрали двухъ атамановъ съ грамотами архимандриту, келарю и братіи, говоря, что они готовы по просьбѣ ихъ всегда все исполнять и, не возвративши Москвы, не отойдутъ отъ нея [2]). Обѣщаніе свое казаки исполнили и ревностно приступили къ очищенію Москвы отъ враговъ. Послѣдніе, находясь въ осадѣ, отъ голода не могли долго сопротивляться. 22 октября 1612 г. соединенныя силы казаковъ и земскаго ополченія взяли приступомъ Китай-городъ. Вскорѣ послѣ этого сдались поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ [3]). Такимъ образомъ, сердце Россіи было очищено отъ враговъ. Рѣшено было отпраздновать такую великую побѣду торжественно.

Въ первый воскресный день по взятіи Кремля рать Трубецкого сошлась въ церковь Казанской Божіей Матери за Покровскими воротами, а Пожарскій со своимъ ополченіемъ въ церкви св. Іоанна Милостиваго на Арбатѣ. Оба ополченія въ сопровожденіи духовенства съ архимандритомъ Діонисіемъ во главѣ, прибывшимъ въ Москву, съ иконами направились на Лобное мѣсто. Изъ Кремля вышелъ также крестный ходъ съ чудотворной святыней—иконой Владимірской Божіей Матери. Когда всѣ сошлись на Лобномъ мѣстѣ, здѣсь начался торже-

[1]) Скворцовъ. цит. соч., стр. 165. Кедровъ, цит. соч., стр. 151.

[2]) Нов. лѣт., стр. 157—158.

[3]) Лѣт. о мят., стр. 164. Пал., Сказ., стр. 283—284.

ственный благодарственный молебенъ. Народъ, видя икону Владимірской Божіей Матери, бывшую вмѣстѣ съ осажденными врагами въ Кремлѣ, плакалъ отъ умиленія. Послѣ молебна всѣ направились въ Кремль. Всѣмъ бросилась въ глаза картина безобразій, какія натворили здѣсь осажденные враги. „Что безумія сего безумнѣйши, говоритъ Палицынъ, еже сотвориша окаяніи лютори съ треклятыми и богомерзкими отступники и прелагатаи съ русскими измѣнники, видяху – бо церкви Божіи осквернены и поруганы и скверныхъ мотылъ наполнены, святые же и покланяемые образы Владыки Христа и Его Пречистыя Богоматери и всѣхъ святыхъ разсѣчены и очеса извертаеми, и престолы Божіи ободраны и осквернены и всяку святыню до конца разорену и обругану злымъ поруганіемъ, и множества трупа людей разсѣчены отъ человѣкоядецъ и въ осудѣхъ лежащихъ“ [1]). Что должны были почувствовать при видѣ всего этого русскіе люди? Но тѣмъ не менѣе всѣ сознавали, что враги изгнаны отсюда и совершилось то, чего жаждало сердце каждаго русскаго человѣка. По приходѣ процессіи въ Успенскій соборъ совершена была литургія и молебенъ, чѣмъ закончилось торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно чрезъ два вѣка, по словамъ Соловьева [2]).

Такъ совершилось очищеніе земли русской отъ враговъ. Важнѣйшая и труднѣйшая задача, говоритъ Иловайскій, была исполнена: Москва очищена отъ непріятеля и снова стала средоточіемъ государственной жизни [3]). Но впереди была еще другая важнѣйшая задача – избраніе государя. Царское избраніе, по словамъ Платонова, должно

[1]) Сказ. Пал., стр. 285.

[2]) Соловьевъ, ист. Рос., т. VIII, стр. 495.

[3]) Смут. врем., стр. 243.

было завершить земскій подвигъ, давъ временной Московской власти характеръ постояннаго и законнаго правительства [1]). Такое важное дѣло должно было рѣшаться общимъ совѣтомъ всей земли. Для этого по всѣмъ городамъ Московскаго государства были разосланы грамоты съ приказомъ прислать въ Москву отъ всѣхъ чиновъ людей [2]). Грамоты эти, по мнѣнію Иловайскаго, были разосланы приблизительно въ 1-й половинѣ ноября 1612 года [3]). Къ началу февраля съѣхалась въ Москву знаменитая великая земская дума. Въ составъ ея вошелъ священный соборъ: три митрополита—Казанскій Ефремъ, глава русской церкви въ это время бывшій Ростовскій митрополитъ Кириллъ и Сарскій Іона, архіепископы, епископы и многія другія духовныя лица. Сознавая важность предстоящей задачи, великая земская дума начала свою работу молитвою и постомъ. Не только въ Москвѣ, но и по всѣмъ другимъ городамъ было разослано распоряженіе поститься въ теченіе трехъ дней и молиться объ устроеніи всей земли и дарованіи ей государя. И всѣ православные христіане съ женами, дѣтьми и даже съ грудными младенцами по всей Россіи молились объ этомъ и постились въ теченіи трехъ дней, воздерживаясь отъ пищи и питія. Плодомъ такого внутренняго объединенія на почвѣ молитвеннаго настроенія было то, что Господь по своему человѣколюбію послалъ Святаго Духа въ сердца объединенныхъ молитвою и постомъ христіанъ единомышленный невозвратный совѣтъ [4]). Таковы подлинныя выраженія грамоты объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Едино-

---

[1]) Очерки по ист. см., стр. 559.

[2]) С. г. г. и д., I, стр. 612.

[3]) Смутное время, стр. 289.

[4]) С. г. г. и д., II, № 203.

душнымъ общимъ признаніемъ рѣшено было избрать государемъ его и не желать ни польскаго, ни шведскаго королевича. Но, конечно, такое рѣшеніе прошло не безъ избирательной борьбы и волненій, „кійждо-бо хотяще по своей мысли дѣяти [1]) овіи глаголаху того, овіи иного и вси разно вѣщаху. Мнозіи-же отъ вельможъ, желающе царемъ быти подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары. Но Богъ не изволилъ ни единому быти отъ нихъ на такое избраніе". Общія симпатіи были на сторонѣ Михаила Ѳеодоровича Романова. Не трудно выяснить тѣ мотивы, которыми руководился въ этомъ случаѣ гласъ народа, если обратить вниманіе на психологію событій, предшествовавшихъ избранію, общую молитву и постъ. Ими народъ выражалъ свое самосознаніе, что въ грѣхахъ смуты-враждѣ другъ на друга повинны всѣ, поэтому и необходимо было всеобщее очищеніе постомъ и молитвою. Въ силу этого и новоизбранный царь долженъ былъ подходить по характеру своей нравственой личности подъ общій тонъ тогдашняго душевнаго настроенія [2]). Личность юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова и была таковою, какъ незамѣшанная въ грѣхахъ смуты. Поэтому ему только и могли повиноваться всѣ, сознавая себя повинными въ грѣхѣ смуты — враждѣ и эгоизмѣ. Въ силу этого, въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича такъ настойчиво и проводится мысль, что онъ избранъ Божіемъ изволеніемъ, а не „многомятежнымъ человѣческимъ хотѣніемъ"... Это говоритъ проф. Завитневичъ, понятно. Наученные примѣромъ сосѣдней Польши, русскіе люди уже давно стали оттѣнять ту мысль,

[1]) Лѣт. о мят., стр. 270.

[2]) В. З. Завитневичъ,—Откуда пошло спасеніе славянорусскаго міра, стр. 11.

что въ Москвѣ государи, скажемъ словами Ивана Васильевича Грознаго, занимаютъ престолъ по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію. Однако, сложившіяся обстоятельства вынудили русскихъ людей проявить свое хотѣніе въ дѣлѣ избранія государей. По человѣческому хотѣнію, какъ извѣстно, заняли престолъ Борисъ Годуновъ и Василій Ивановичъ Шуйскій. Но оба эти избранника не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ: не оправдали не въ томъ смыслѣ, что имъ не доставало государственныхъ способностей, а въ томъ, что по характеру своей нравственной личности они не могли привлечь къ себѣ сердца своихъ подданныхъ, а потому не въ состояніи были укротить пробудившійся старый славянскій духъ неповиновенія одному мужу [1]). Это-то нравственныя качества, чуждыя Борису Годунову и Шуйскому, какъ необходимое условіе повиновенія одной воли другой, и имѣлъ въ себѣ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Избравъ его царемъ, великая земская дума не сразу обнародовала свое рѣшеніе. Для большаго укрѣпленія общенародное оглашеніе было отложено съ 7 февраля до 21 [2]). Здѣсь сказалась, конечно, осторожность, которой научила смута. По разсказу Авраамія Палицына, находившагося въ это время въ Москвѣ на Богоявленскомъ подворьѣ, къ нему явилась много дворянъ, дѣтей боярскихъ и гостей разныхъ городовъ. Они открыли келарю совѣтъ свой и благое изволеніе и принесли писанія свои объ избраніи царскомъ, моля его, „да извѣститъ о семъ державствующимъ тогда боярамъ и воеводамъ“. Старецъ былъ весьма радъ такому рѣшенію, такъ что даже плакалъ отъ радости. Похваливши общее рѣшеніе, онъ тотчасъ пошелъ и

[1]) Завитневичъ, тамъ-же.

[2]) С. Г. Г. И. Д., I, стр. 613.

возвѣстилъ объ этомъ всему священному собору, боярамъ, воеводамъ и всему синклиту [1]). Относительно такого разсказа Палицына въ нашей исторической литературѣ существуетъ два противоположныхъ мнѣнія. Забѣлинъ, какъ извѣстно, относящійся тенденціозно къ Палицыну и его сказанію, говоритъ: Палицынъ ставитъ себя очень важнымъ дѣятелемъ въ обстоятельствахъ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова: чрезъ его руки прошли въ этомъ случаѣ всѣ надобные голоса [2]). Кедровъ, имѣя въ виду приведенное мнѣніе Забѣлина, подробно разбираетъ разсказъ Палицына, считая его посредничество дѣломъ секретнымъ и потому не внесеннымъ въ оффиціальную грамоту, и признаетъ достовѣрнымъ разсказъ келаря [3]). Не отвергая достовѣрности разсказа Палицына, мы можемъ видѣть въ обращеніи къ нему лишь осторожное веденіе дѣла со стороны избирателей. Палицынъ, какъ принимавшій близкое участіе въ обстоятельствахъ, способствовавшихъ очищенію Москвы отъ враговъ, могъ вызвать со стороны народа довѣріе. Къ нему пришли просто посовѣтоваться, какъ вообще въ то время, да и въ наше, простолюдинъ идетъ за совѣтомъ къ иноку во всѣхъ затруднительныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Въ теченіе двухъ недѣль отъ 7 февраля до 21 весь освященный соборъ съ народомъ, по словамъ грамоты, молили Бога, „чтобы устроилъ всему православному христіанству полезная, якоже вѣсть Его святая воля“ [4]). Въ это время во всѣ города были посланы тайно развѣдчи-

---

[1]) Сказ. Пал., стр. 291.

[2]) Мининъ и Пожарскій, стр. 269.

[3]) Кедровъ, цит. соч., стр. 154—155. Кромѣ Кедрова признаетъ достовѣрнымъ разсказъ Палицына Костомаровъ (Смут. врем., III, 321).

[4]) С. г. г. и д., I, стр. 613.

ки, чтобы узнать, кого хотятъ избрать государемъ. Общее желаніе всѣхъ останавливалось на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ. Къ 21 февраля пріѣхалъ въ Москву бояринъ Ѳ. И Мстиславскій съ товарищами. Къ этому-же времени въ Москву съѣхалось множество народа изо всѣхъ городовъ. Вся толпа народа даже съ малыми дѣтьми находилась на Лобномъ мѣстѣ. Освященный соборъ съ боярами и воеводами находился въ это время въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ происходило торжественное моленіе. Такъ какъ великой земской думой уже рѣшено было избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, то необходимо было оповѣстить объ этомъ весь народъ, стоявшій на Лобномъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью сюда отправлено было посольство, состоящее изъ слѣдующихъ лицъ: Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Спасскій архимандритъ Іосифъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Морозовъ. Едва только они появились на Лобномъ мѣстѣ, раздался во всемъ народѣ „еще прежде вопрошенія яко отъ единыхъ устъ кликъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ да будетъ царемъ Московскаго государства и всей русской державы“ [1]). Оффиціальная грамота объ избраніи этомъ говоритъ: „и по данней благодати Св. Духа вси во единомысліе совокупившеся и утвердившеся во Христѣ вѣрою, Московскаго государства богомольцы, митрополиты и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный соборъ и всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ люди всякіе всенародное безчисленное множество, всѣ православные христіане, всякъ возрастъ отъ мала до велика избрали на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“. Такъ грамота освѣщаетъ идею, что это избраніе совершилось не по человѣческому хотѣнію, а по Божьему изволенію, какъ плодъ единодуш-

[1]) Пал., сказ., стр. 292. С. г. г. и д., I, стр. 614.

ной молитвы всѣхъ православныхъ христіанъ. Поэтому въ грамотѣ находится такое обоснованіе этого избранія: „А кто не похощетъ послушати сего соборнаго уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковый аще отъ священнаго чину и отъ бояръ царскихъ синклитъ и воинственныхъ или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину кто ни буди, по священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и вселенскихъ седьми соборовъ святыхъ отецъ и помѣстныхъ и по соборному уложенію всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ и отъ церкви Божія отлученъ и св. таинъ Христовыхъ пріобщенія, яко раскольникъ, церкви Божія и всего православнаго христіанства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ законамъ месть воспріиметъ".

Послѣ всенароднаго избранія Михаила Ѳеодоровича царемъ, для челобитья и возвѣщенія народной воли ему, отправлено было въ Ипатьевскій монастырь, мѣстопребыванія Михаила Ѳеодоровича, нарочитое посольство. Оно состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Рязанскаго архіепископа Ѳеодорита, Чудовскаго архимандрита Авраамія, Троицкаго келаря Авраамія и иныхъ монастырей архимандритовъ и игуменовъ, боярина Шереметьева съ товарищами и всякихъ чиновъ людей. 13 марта посольство это прибыло въ Кострому. На другой день изъ города въ Ипатьевскій монастырь направилась громадная торжественная процессія во главѣ съ прибывшимъ духовенствомъ и съ иконами. Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своей матерью Марѳой Ивановой вышелъ на встрѣчу процессіи. Когда онъ узналъ цѣль прибытія посольства, то долгое время отказывался. Мать его также долго не благословляла на царство. Народъ съ плачемъ умолялъ взять власть. На-

конецъ, когда члены посольства стали угрожать гнѣвомъ Божіимъ за тѣ бѣдствія, которыя могутъ постичь землю русскую при отказѣ, Марфа Ивановна согласилась и благословила своего юнаго сына быть царемъ. „Аще на то воля Божія, говорила она, буди тако и се твори". Изъявившаго согласіе Михаила Ѳеодоровича Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ тотчасъ-же благословилъ животворящимъ крестомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ совершилъ благодарственное молебствіе. Немедленно были посланы грамоты въ Москву съ извѣщеніемъ о результатахъ посольства. Здѣсь по полученіи такой радостной вѣсти совершено было также всенародное благодарственное молебствіе. 18 апрѣля новоизбранный царь прибылъ въ Москву и былъ весьма торжественно встрѣченъ [1]) и 1 іюля коронованъ на царство въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Казанскимъ Ефремомъ.

Такъ кончилась смутная эпоха. Фактическую сторону дѣятельности Церкви мы обозрѣли. Теперь наша задача проанализировать эту дѣятельность, чтобы понять то замѣчательное явленіе въ исторіи смуты, какое обнаружилось въ такомъ подъемѣ религіознаго чувства, сплотившемъ народъ и спасшемъ государство отъ окончательной гибели. Этотъ подъемъ не есть простая вспышка религіознаго чувства, потому что онъ объединилъ враждовавшихъ между собою во имя единой вѣры во Христа. Это объединеніе по вѣрѣ есть своеобразное явленіе въ исторіи русской Церкви, на которое нельзя смотрѣть только какъ на повышеніе религіознаго чувства подъ вліяніемъ бѣдствій. Что такое представляетъ собою это явленіе, на это мы и попытаемся дальше отвѣтить, анализируя представленную уже нами дѣятельность Церкви.

[1]) Нов. лѣт., стр. 163.

ГЛАВА VII-я.

Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси спасла государство, проявивши свое основное жизненное начало—свободное внутреннее единеніе по вѣрѣ въ любви по закону Христову.

Если мы окинемъ однимъ взоромъ всю дѣятельность Церкви въ эпоху смутнаго времени, то увидимъ, что спасеніе государства создалось на почвѣ внутренняго единенія всего православнаго крестьянства во имя вѣры во Христа. Это единеніе развивалось постепенно. Въ первый періодъ смуты до эпохи междуцарствія дѣятельность Церкви направлялась на поддержку законной власти на престолѣ въ лицѣ Годуновыхъ—отца и сына—и Шуйскаго. Церковь далека отъ участія въ смутѣ и старается своими средствами поддержать законный порядокъ. Когда-же нарушается свобода ея дѣйствій въ низверженіи ея первосвятителя—патріарха Іова и поставленіи Игнатія, она пассивно подчиняется самозванцу, какъ признанному народомъ царю. Когда низверженъ былъ самозванецъ, Церковь низлагаетъ Игнатія, какъ насильно навязаннаго ей. Государственный организмъ, начавшій распадаться, еще имѣлъ выразителя политическаго единства въ лицѣ царей Годуновыхъ и Шуйскаго. Поэтому-то въ лицѣ ихъ хотя слабо, но сознавалась связь государственная и не могло быть видно для народа благотворное и сильное единство вѣры. Носители государственнаго единства Годуновъ и особенно Шуйскій были собственно такими-же участниками въ общей смутѣ, какъ и всѣ, и потому ихъ положеніе на пре-

столѣ было крайне непрочно. Созданная искусно въ лицѣ ихъ связь распадавшаго государства не имѣла подъ собой нравственной основы—свободнаго повиновенія имъ, какъ избранникамъ всего народа. Здѣсь была скорѣй солидарность интересовъ членовъ борющихся партій, эгоистическій расчетъ захватить въ свои руки власть. Борьба изъ верхнихъ слоевъ перешла внизъ и стала соціальной. Еще въ это время Церковь старалась нравственно объединить народъ, исправить нестроенія общимъ раскаяніемъ въ клятвопреступленіяхъ, что такъ торжественно было обставлено при Шуйскомъ вызовомъ изъ заточенія престарѣлаго патріарха Іова, какъ-бы очевидца народнаго грѣха—измѣны Годуновымъ. Но этотъ церковный обрядъ не имѣлъ благихъ послѣдствій: Шуйскій, нечистый отъ грѣха смуты, былъ низвергнутъ съ престола, не смотря на поддержку патріарха Гермогена И вотъ государство остается безъ царя. Естественно было взору всѣхъ обратиться на главу Церкви - патріарха, какъ выразителя крѣпкой связи всѣхъ—вѣры. Самъ патріархъ, сознавая силу религіозной связи, такъ настойчиво сталъ требовать отъ королевича Владислава перекрещиванья. Когда выяснилось, что Владиславъ не можетъ быть на престолѣ, и открылись планы Сигизмунда съ опасностью окатоличенія, то оставалось самое лучшее средство—избрать всѣмъ царя изъ своихъ людей. Но для этого нужно было полное единодушіе и забвеніе своихъ партійныхъ выгодъ, выдвигаемыхъ за спинами того или иного самозванца. Вмѣсто единенія мы видѣли перелетовъ. Въ это-то время создались обстоятельства, которыя говорили за то, что и вѣрѣ православной—этой послѣдней связи распавшагося государства - угрожаетъ опасность: Сигизмундъ захватилъ въ свои руки Смоленскъ Его агитаторы въ Москвѣ и во-

обще поведеніе поляковъ въ Москвѣ, глубоко оскорбительное по отношенію къ вѣрѣ православной, пробудили въ народѣ сознаніе, что нужно встать единодушно за вѣру православную. Интересы соціальные отошли на задній планъ, опасность стала общей и притомъ для самаго дорогого—для вѣры. Рознь и вражду нужно забыть и единодушно встать на защиту ея. Вотъ эту-то мысль и выдвигаетъ въ своихъ грамотахъ патріархъ Гермогенъ, разрѣшивши всѣхъ отъ присяги королевичу Владиславу. Оттуда, гдѣ обнаружились планы Сигизмунда, изъ Смоленска пишется грамота, въ которой такъ ярко выступила идея братства во Христѣ по вѣрѣ. Смоленцы пишутъ: „братія есми и сродницы, понеже отъ купели святыя и крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровать во Святую и единосущную Троицу, Богу живу и истинну". Идею братства во Христѣ Москвичи въ своей окружной грамотѣ связываютъ съ идеей религіознаго центра—Москвы, какъ средоточія всѣхъ святынь, дорогихъ серцу каждаго православнаго человѣка: будьте съ нами за одно; здѣсь, въ Москвѣ, образъ Божіей Матери, писанный Евангелистомъ Лукою, здѣсь мощи Московскихъ чудотворцевъ. Это, какъ-бы такъ выражаются они, особенно должно сплотить всѣхъ вокругъ Москвы. Города дружно повели между собою переписку, повторяя идею Смоленцевъ. Сознаніе братства во Христѣ поднимаетъ движеніе Ляпунова. Но оно, какъ мы знаемъ, не имѣло успѣха, ополченіе было разстроено убійствомъ Ляпунова казаками. Они не отдѣлились отъ всѣхъ и выступили на защиту вѣры православной противъ поляковъ. Но когда они увидѣли, что, примкнувъ къ общему движенію, они рѣзко стѣснены въ своихъ правахъ, что сдѣлано было постановленіемъ отъ 30 іюня 1611 года, тотчасъ забыли все и убили Ляпунова. Отъ со-

знанія братства по вѣрѣ до проявленія этого братства на дѣлѣ народъ еще не дошелъ. Казаки не хотѣли поступиться своими вольностями, а другіе слои спѣшили накинуть на нихъ сѣть ограниченій. Вмѣсто любви другъ ко другу, какъ брату во вѣрѣ, прежній эгоизмъ еще былъ силенъ, рознь и вражда продолжались. Печальный результатъ, повидимому, единодушнаго движенія городовъ былъ очевиденъ. И народъ приходитъ къ мысли, что необходимо всѣмъ раскаяться, очиститься отъ общаго грѣха —вражды и розни, примириться какъ братьямъ по вѣрѣ и показать дѣйствительное единеніе въ любви. Смерть патріарха Гермогена не останавливаетъ дѣятельности Церкви, ее продолжаютъ Троицкіе иноки. Въ своихъ грамотахъ они еще ярче выдвигаютъ идею необходимости встать всѣмъ въ любви и соединеніи, какъ братьямъ по вѣрѣ, на защиту вѣры. „Вспомните православную христіанскую вѣру, пишутъ они, яко вси родихомся отъ крестьянскихъ родителей и знаменахомся печатью и Св. крещеніемъ и обѣщахомся вѣровать во Св. Живоначальную Троицу, Богу живу и истинну,—отложите всякое недовольство и вражду между собою Бога ради". Желая возбудить подъемъ религіозныхъ чувствъ иноки рисуютъ яркую картину разоренія православной вѣры. „Гдѣ св. Божіи Церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все-ли до конца разорено и поругано злымъ поруганіемъ?" Народъ, не остался глухъ къ призыву Церкви. Сознавши необходимость общаго очищенія и покаянія, онъ выразилъ это въ видѣніяхъ, призывающихъ отъ имени самого Бога къ раскаянію. Всѣ стали каяться и примиряться другъ съ другомъ. Результатомъ этого чисто нравственнаго самоочищенія явилось движеніе къ очищенію Москвы отъ враговъ, начавшееся

въ Нижнемъ Новгородѣ и завершившееся изгнаніемъ поляковъ изъ Кремля и единодушнымъ избраніемъ М. Ѳ. Романова. Когда это движеніе начинало парализоваться казаками, Троицкіе иноки и словомъ и дѣломъ, не жалѣя силъ и средствъ, стараются поддержать движеніе. Въ лицѣ ихъ Церковь завершила спасеніе государства.

Итакъ, объединившись во имя вѣры по призыву Церкви, народъ подавилъ смуту. Источникомъ спасенія оказалось свободное внутреннее единеніе людей во имя христіанскаго закона любви. Единеніе это, говоримъ мы, было свободнымъ, оно достигнуто призывомъ Церкви. Старавшіеся поднять это единеніе просятъ и убѣждаютъ народъ, бьютъ слезно челомъ. Сознавшій необходимость этого единенія, народъ свободно его проявляетъ въ покаяніи, примиреніи другъ съ другомъ во имя братства во Христѣ. О принужденіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что народъ самъ выражаетъ необходимость всеобщаго нравственнаго самоочищенія въ видѣніяхъ. Мотивомъ или точнѣе девизомъ единенія служитъ не какой-либо политическій лозунгъ, но вѣра православная. Вспомните православную христіанскую вѣру, пишутъ Троицкіе иноки; отъ святыя купели, во святомъ крещеніи породихомся,—пишутъ Смоленцы; Москвичи усиливаютъ эту мысль напоминаніемъ о дорогихъ всѣмъ Московскихъ святыняхъ. Единеніе это не есть простая солидарность какихъ либо расчетовъ или интересовъ, но оно зиждется на христіанской любви другъ ко другу, какъ брату по вѣрѣ: братья есми и сродницы, понеже отъ святыя купели породихомся. Братья, родные между собою, конечно, должны любить другъ друга въ силу кровнаго родства, а *здѣсь это родство во Христѣ, отъ купели крещенія, слѣдовательно, родство должно быть выражаемо любовію по закону Христову.*

Братскія и любовныя во Христѣ отношенія должны прежде выразиться прекращеніемъ вражды, розни между братьями во Христѣ, да вражда и рознь и немыслимы у братьевъ. Сознавши это, народъ весь кается во враждѣ другъ на друга, постится и примиряется другъ съ другомъ. Здѣсь единеніе по закону христіанской любви, требующей мира и прощенія обидъ, становится уже реальнымъ фактомъ. Здѣсь то и дѣйствуетъ Церковь. Народное сердце бьется Христовой любовью другъ ко другу въ минуту общаго покаянія. Всѣ сознаютъ себя братьями во Христѣ, прощая другъ другу зло. Розни и единства нѣтъ. Вмѣсто ихъ братскія отношенія. Церковь показываетъ себя въ этотъ моментъ живымъ организмомъ, въ которомъ живой силой, всѣхъ связующей, является любовь во Христѣ. „Братья есми и сродницы, понеже отъ святыя купели крещеніемъ породихомся", говорятъ грамоты и народъ отвѣчаетъ на это взаимнымъ всепрощеніемъ, общимъ постомъ и покаяніемъ. Здѣсь побѣждается общая рознь и вражда, недостойная братьевъ во Христѣ, получается свободное единеніе по закону любви, характерная особенность, отличающая Церковь отъ всякаго другого общества. Органическимъ основаніемъ Церкви, тѣла Христова, служитъ любовь. Какъ мы видѣли, по изъясненію Златоустаго, любовь въ Церкви соединяетъ раздѣленныхъ и дѣлаетъ ихъ однимъ тѣломъ, между членами Церкви не должно быть раздѣленія, но любовь и согласіе. Политическая смута на Руси раздѣлила православныхъ крестьянъ на враждебные другъ другу партіи. Вражда на противниковъ, своихъ-же русскихъ людей, поражала даже поляковъ и литовцевъ. Видяще поляки и Литва, говоритъ Палицынъ, каковы пытки и злое мучительство отъ своихъ къ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся ока-

янной вражіей (т. е. русскихъ жестокости) [1]). Забыли русскіе люди, что они христіане. Но вотъ выступаетъ Церковь. Вѣрѣ православной начинаетъ грозить опасность отъ католичества. И Церковь зоветъ вспомнить, что враждующіе братья и сродницы во Христѣ. Мысль эта сквозь кору вражды просачивается до сердца народнаго. Видя крайнія бѣдствія, особенно когда убитъ былъ Ляпуновъ, Сигизмундъ захватилъ Смоленскъ и готовъ былъ явиться въ Москву, гдѣ хозяйничали поляки, оскорбляя религіозное чувство, народъ какъ бы задумался и выразилъ свои думы въ видѣніяхъ. Самъ Богъ зоветъ всѣхъ къ раскаянію. Вмѣсто вражды общее примиреніе по голосу Церкви. Народъ отзывается на ея голосъ, а Церковь показываетъ свое жизненное начало въ сердцахъ примиренныхъ и очищенныхъ покаяніемъ -единеніе по закону любви. Призывая Ефесянъ къ единенію духа въ союзѣ мира какъ членовъ Церкви, тѣла Христова, Св. Апостолъ Павелъ писалъ: умоляю васъ, поступать достойно званія, въ которое вы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ и кротость снисходя другъ ко другу любовію, стараясь сохранить единство духа въ союзѣ мира. Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ... (Ефес. IV, 1—5). И Церковь въ эпоху смутнаго времени у насъ на Руси звала прежде всего къ единству духа въ союзѣ мира. Подобно Апостолу, она говоритъ народу: братья есми и сродницы, понеже отъ святыя купели крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровать во Святую и единосущную Троицу, Богу живу и истину, вспомните православную христіанскую вѣру яко вси родихомся отъ крестьянскихъ родителей, знаменахом-

[1]) Палицынъ, Сказ., стр. 41.

ся печатью и святымъ крещеніемъ. И народъ ее слышитъ, проявляетъ единство духа въ союзѣ мира въ моментъ всеобщаго покаянія. Примиренному народу самъ Богъ влагаетъ въ уста и сердце имя одного избранника на престолъ М. Ѳ. Романова. „И по данной благодати отъ Св. Духа, вси во единомысліе совокупившеся и утвердившеся во Христѣ вѣрѣ..... избрали на царство М. Ѳ. Романова", говоритъ сффиціальная грамота, освѣщая мысль составителей, что Духъ Святый открылъ истину любовному согласію вѣрующихъ. Не народъ, но какъ бы Церковь, въ любовномъ единеніи членовъ которой живетъ Духъ Святый, изрекаетъ имя будущаго царя, вдохновляемая Духомъ Святымъ. Но такая мысль, конечно, была у представителей Церкви. Народъ-же не умомъ, но сердцемъ показалъ чутье основного жизненнаго начала Церкви—свободнаго единенія по вѣрѣ въ любви по закону Христову.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, допетровская, „невѣжественная“ Русь показала въ смутное время пониманіе основъ христіанскаго закона. Пусть нѣкоторые видѣли въ ней застой и гніеніе,—она показала чутье истинно-христіанской культуры, побѣдивши смуту соединеніемъ въ любви по вѣрѣ во Христа. Было-ли это безсознательнымъ механическимъ дѣломъ? Да, если мы взглянемъ на то, что произошло полвѣка спустя, то придется сказать, повидимому, механически, безсознательно проявилось такъ въ народѣ религіозное чувство. Въ смутное время любовь и всепрощеніе другъ ко другу, какъ брату во Христѣ, въ концѣ этогоже столѣтія рознь и вражда изъ-за того, какъ читать—Ісусъ или Іисусъ, самосожженіе изъ-за обрядовъ. Какой контрастъ! Какъ будто другой народъ въ расколѣ! Но народъ былъ тотъ-же. И въ расколѣ, безъ сомнѣнія, были тѣ, кто въ смуту примирялся другъ съ другомъ, какъ съ братомъ во Христѣ, сознавая, что братья по вѣрѣ должны простить во имя Христа и любить, но не враждовать. Въ расколѣ-же фанатизмъ и ненависть. Приходится сдѣлать выводъ, что въ смутное время народъ показалъ знаніе христіанства и его началъ, но оно не имѣло подъ собой почвы сознательнаго воспріятія христіанскаго вѣроученія. Не умомъ, но сердцемъ въ смутное время народъ жилъ тѣмъ началомъ, которое Церковь дѣлаетъ организмомъ. Недостатокъ просвѣщенія привелъ его къ расколу. Въ смутное время представители Церкви сѣяли на воспріим-

чивое народное сердце христіанскія сѣмена и они дали ростокъ. Въ расколѣ-же на ту-же почву сѣялись иныя начала подъ видомъ истиннаго христіанства. Привыкнувши видѣть въ Богослуженіи не человѣческое измѣнчивое явленіе, но святыню, которой приближаешься къ Богу и Его правдѣ, народъ не могъ примириться съ измѣненіемъ Богослужебныхъ обрядовъ. Пусть исправленіе ихъ было правильнымъ, но этимъ они низводились на одну ступень съ обыденными мірскими явленіями. Конечно, и раскольникъ, сжигавшій себя, и каждый „православный хрестьянинъ“ въ смутное время были продуктомъ того-же недостатка просвѣщенія. Смутное время показало, что не каменистой, но доброй почвой является русскій народъ среди общечеловѣческаго поля для сѣянія истинно-христіанскаго просвѣщенія, истинной культуры. Если мы взглянемъ на то, какъ опередившая насъ Европа боролась съ аналогичнымъ нашей смутѣ явленіемъ, то увидимъ рѣзкій контрастъ. У насъ на Руси для подавленія смуты въ корнѣ люди каются и постятся, примиряются другъ съ другомъ во имя Христа. Въ Германіи въ эпоху великаго междуцарствія (1254—1273 г.) буйные рыцари превратили въ разбойничьи притоны свои замки, у рѣкъ или большихъ дорогъ хватали проѣзжихъ, сажали въ темницы, требуя потомъ выкупа...Судъ былъ безсиленъ, буйство, необуздываемое никѣмъ, вошло въ обычай у нѣмецкихъ вельможъ, совершенно притупило въ нихъ чувство законности, заглушило въ нихъ всякія мысли о благѣ государства и т. д. Для борьбы съ этимъ зломъ общество выдвинуло, какъ извѣстно, Святую Фему, предсѣдателемъ которой былъ Кельнскій архіепископъ, слѣдовательно, она была учрежденіемъ, созданнымъ какъ-бы съ благословенія Церкви. Человѣкъ, незнакомый съ этимъ учрежденіемъ, можетъ подумать, что

это было нѣчто въ родѣ христіанскаго общества, имѣвшаго цѣлью проповѣдывать идеи мира и любви, подобно тому, какъ проповѣдывала въ эпоху нашего междуцарствія Троицко-Сергіевская Лавра. Ничуть не бывало. Чтобы получить представленіе о Святой Фемѣ, достаточно вспомнить, что символомъ ея служили кинжалъ и веревка, а народная память сохранила о ней преданіе, при знакомствѣ съ которымъ ужасъ охватываетъ человѣка. Такое-же впечатлѣніе получается и отъ первыхъ шаговъ императорской власти, когда она была возстановлена въ Германіи. Вспомнимъ, сколько рыцарей вздернуто было на висѣлицу, сколько ихъ разбойничьихъ замковъ было разрушено уже съ первымъ представителемъ Габсбургскаго дома [1]). Въ представленной картинѣ видно, что просвѣщенная Европа въ данный моментъ какъ будто вовсе не знаетъ того соединенія въ любви по вѣрѣ во Христа, къ которому у насъ призвала Церковь въ смутное время. Кельнскій архіепископъ, представитель Церкви, предсѣдательствуетъ въ инквизиторской Святой Фемѣ, прибѣгавшей къ висѣлицѣ и ножу, а у насъ патріархъ Гермогенъ крестнымъ знаменіемъ вооружается противъ ножа Салтыкова и слезно зоветъ въ своихъ грамотахъ къ миру и любви во имя Христа, Троицкая обитель посылаетъ казакамъ въ залогъ свою ризницу. Казалось-бы не намъ показывать чутье христіанскаго закона любви, а Европѣ, гдѣ въ то же почти время великаго междуцарствія процвѣталъ знаменитый Ѳома Аквинатъ. Слѣдовательно, то, что давалъ Ѳома Аквинатъ, было односторонне, не шло дальше разсудка. Нашъ-же народъ отстаивалъ какъ догматы сугубую аллилуію и т. п., не имѣя надлежащаго просвѣщенія. У насъ два вѣка спустя послѣ Ѳомы Аквината Геннадій, архіепископъ Нов-

[1]) В. Завитневичъ—А. С. Хомяковъ т. I, кн. 2, стр. 948.

городскій, говорилъ про круглую неграмотность духовенства. И всетаки, въ смутное время мы побѣдили рознь и вражду, каясь и примиряясь другъ съ другомъ какъ братья во Христѣ. На западѣ за Ѳомой Аквинатомъ мы знаемъ Лютера и постепенное развитіе антихристіанскаго раціонализма, приведшаго къ Ренану и Штраусу. У насъ за подъемомъ истинно-христіанскихъ чувствъ въ годину лихолѣтья явился расколъ съ самосожигательствомъ. Но ровно черезъ вѣкъ со времени начала раскола у насъ засіялъ истинно-христіанскимъ свѣтомъ Преподобный Серафимъ. Въ то время, когда Европа кровью добывала себѣ права человѣка и гражданина, этотъ любвеобильный старецъ дѣйствительно создавалъ вокругъ себя атмосферу истинно-человѣческихъ отношеній, гдѣ тѣмъ любовнѣе обходились съ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ ниже въ глазахъ общества. Поэтому то Достоевскій до нѣкоторой степени правъ, когда говоритъ, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принялъ въ свою суть Христа и Его ученіе. Но это усвоеніе Христова ученія, какъ мы уже говорили, не имѣетъ подъ собой почвы яснаго просвѣщенія. Поэтому, желая свѣта для нашего отечества, надо помнить наше историческое прошлое, которое учитъ насъ, что народная душа воспріимчива къ Христову свѣту. (Народъ нашъ напоминаетъ въ своемъ прошломъ Евангельскую Марію, слушавшую Христа). Въ смутное время народъ приникъ ухомъ къ тому, что говорила Церковь и голосу ея внялъ. Дошелъ этотъ голосъ до его сердца и онъ показалъ себя христіаниномъ любящимъ брата во Христѣ и потому прощающимъ всѣмъ и каждому вражду.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Введеніе. 1

Часть I-я: Церковь въ періодъ отъ смерти Ѳеодора Іоанновича до низверженія Шуйскаго . . 15

Глава I. Церковь въ царствованіе Годуновыхъ до воцаренія самозванца 16

Глава II. Церковь при первомъ самозванцѣ . . 44

Глава III. Церковь во время царствованія Шуйскаго 85

Часть II-я: Церковь въ періодъ междуцарствія съ низверженія съ престола Шуйскаго до воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова 151

Глава IV. Церковь спасаетъ православіе въ кандидатурѣ Владислава на престолъ и поднимаетъ ополченіе Ляпунова 153

Глава V. Разстройство ополченія Ляпунова и убійство его. Видѣнія и общій постъ. Послѣдняя грамота Гермогена въ Нижній, смерть его. Характеристика патріарха Гермогена. Лжепатріархъ Игнатій. 185

Глава VI. Дѣятельность Троицкой обители. Нижегородское ополченіе. Мининъ и Пожарскій. Очище-

ніе Москвы отъ враговъ. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 205

Глава VII. Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси спасла государство, проявивши основное жизненное начало—свободное внутреннее единеніе по вѣрѣ въ любви по закону Христову. 264

Заключеніе. 273

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Строка.
1	Одаренными	Одаренную	снизу 16
22	Пленниковъ	Плѣнниковъ	„ 2
23	Недоку	Недостатку	свер. 11
27	Бывшій	Бывшей	„ 1
29	охранить	охранитъ	снизу 11
—	его сына	не его сына	„ 15
32	государемъ	Государю	свер. 15
48	in peralov	in peratov	„ 12
—	попада	попалъ	снизу 5
— прм. 2	пим.	прм.	—
58	формолировать	формулировать	свер. 7
80	Пр. Макарій Доброклонскій	Пр. Макарій,	снизу 16
83	игнатій	Игнатій	свер. 2
87	поборатель	поборникъ	„ 8
101 прм. 2	см. стр.	см. стр. 256, изд. 2.	—
104	крестьянъ	христіанъ	снизу 7
106	серцахъ	сердцахъ	свер. 3
110	извѣстителныя	извѣстительныя	„ 8
—	въ лѣто 7116 (1608) „еще во время Тульской осады“	„въ лѣто 7116 (1608)“ еще во время Тульской осады	сн. 7—8
111	самаго	самого	„ 5
—	Лже-Федоромъ	Лже-Ѳедоромъ	„ 4
— прм. 1	Тамъ-же, стр. 134	Р. И. Б., I, стр. 134	—
113	адамонтъ	адамантъ	„ 6
114	съ ними „аще	съ ними: „аще	свер. 4
115—116	пас-тву	паст-ву	—
122	говоритъ Палицынъ	говоритъ Палицынъ	„ 4
— прм. 2	цит. соч. VII	цит. соч. XII	—
—	Тушинскаео	Тушинскаго	„ 3
125	передана	предана	„ 2
126	приснодѣва	Приснодѣва	снизу 6
127	бити	быти	„ 13
143	новосхотѣвшимъ	невосхотѣвшимъ	„ 6
144	ли	ми	„ 15
146	они	онѣ	„ 15
163 прм. 1	Тамъ-же	Костомаровъ, тамъ-же	—
174	не презрити	не презрите	свер. 3
182	пятнавшее его	пятнавшее его,	снизу 15
185	засѣвшим	засѣвшими	„ 7
186	заемщиной	земщиной	„ 11
197	стятитель	святитель	свер. 6
215	Хоткечича	Хоткевича	„ 13
217	нижняго	Нижняго	снизу 6
219	приговоу	приговору	„ 1

МОСКОВСКАЯ
ЕПАРХІАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА

2007081683